

Б 1026313

A521

Кр

АЛТАЙ

1978

2

Электронная библиотека АГУХЦБ elib.agu.ru

А/591

к/г

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Год издания XXX
№ 2 (84) 1978

СОДЕРЖАНИЕ

Согреть сердца людей 3

ПРОЗА

Валерий СЛОБОДЧИКОВ. Окнами на солнце. Повесть 5

Виталий МАРЧУК. Погашение. Рассказ 29

ПОЭЗИЯ

Людмила КОЗЛОВА. Стихи 26

Юсуф СОЗАРУКОВ. Стихи 27

Владимир СОКОЛОВ. Стихи 35

Михаил АНОХИН. Стихи 36

Иван ФРОЛОВ. Стихи 38

ОЧЕРКИ, ПУБЛИЦИСТИКА

В. КОКОРЕВ. Школа Николая Ростовцева 41

МЕРИДИАНЫ СТРОЕК

А. КОТОВИЧ. «Мы — с Коксохима!» 45

Виктор СЛИПЕНЧУК. Признание 46

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

В. САПОВ. Под звездами Балканскими 51

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- В. ГОРН. «Прочел Ваш сборник подряд. Должен Вас огорчить...» 59
Аркадий ГОЛИК. «Спасибо, поле, травы, птицы...» 62

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО КРАЯ

- И. САБЛИН. Луначарский в Сибири и на Алтае 64

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- М. ЮДАЛЕВИЧ. Петр Бородкин и его книги 67
Эвальд КАЦЕНШТЕЙН. «Люблю времен круговорот...» 70

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

- Василий НЕЧУНАЕВ. Скворушкин дворец. Стихи 73

САТИРА И ЮМОР

- Ю. КРЫЛОВ. Миниатюры 75
Л. ЕРШОВ. Когда же я родился? 76

61 026315

Редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, И. И. БЕРЕЗЮК, П. А. БОРОДКИН,
Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора), В. В. ДУБРОВСКАЯ, Л. И. КВИН,
В. Н. ПОПОВ, Н. Н. ЧЕРКАСОВ, О. Н. ШЕВЧУК.

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» № 2 1978

Художественный редактор Б. Лупачев. Технический редактор М. Сафонова.
Корректор Г. Ульченко.

Рукописи не возвращаются.

АГ 09047. Сдано в набор 29. III. 1978 г. Подписано к печати 12. V. 1978 г. Формат 84×108/16. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 7,98. Уч.-изд. л. 9,189. Тираж 7000 экз. Заказ № 829. Цена 40 коп. Алтайское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — Барнаул. Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — Барнаул, Г. Титова, 3.

Адрес редакции: Барнаул-56, Ленина, 8. Телефон 3—09—21.

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.allib.ru

ср.

СОГРЕВАТЬ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ...

«Талант — единственная новость, которая всегда нова». Может быть, афоризм большого поэта, хотя бы отчасти объясняет то волнение, с каким профессионалы раскрывают рукописи начинающих собратьев по перу, тот настойчивый поиск одаренных людей, который постоянно ведется в литературных кружках, объединениях, студиях.

Сложен этот поиск и далеко не в каждом случае ведет к успеху. Случается, что стремление поделиться с читателем чем-либо значительным подменяется одним желанием авторства; искренность, неподдельность чувства — его заемностью, пустопорожней манерностью.

Но еще более, чем этот поиск, сложна работа с одаренными людьми. Очень часто они находятся в плену литературных образцов. Чужие влияния в таких случаях ощутимы настолько сильно, что даже пережитое и пережитое в произведениях молодых укладывается в прокрустово ложе схемы, в тесные рамки штампов и шаблонов.

Случается и так, что постоянная забота о литературной смене оборачивается другой стороной медали. У отдельных начинающих литераторов появляются иждивенческие настроения. Опубликовав один-два рассказа или несколько стихотворений, молодой, а иногда и не очень молодой человек, считает себя сложившимся писателем. Незрелости, как правило, сопутствует самолюбование, самореклама, необоснованные претензии. Такой литератор уверен, что все вышедшее из-под его пера достойно немедленной публикации. Помощь и поддержку со стороны старших товарищей он также понимает односторонне, забывая, что помочь можно только тому, кто упорно трудится сам, кто достаточно серьезен и требователен к себе.

Однако, несмотря на очевидные сложности, процесс роста молодых непрерывен. И об этом красноречиво свидетельствуют новые и новые имена, появляющиеся в журналах, альманахах, на обложках книг.

В этой книге альманаха мы публикуем также и произведения участников краевого семинара молодых, проведенного в декабре 1977 года. Семинар стал событием в литературной жизни Алтая. Выполняя постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», Алтайская писательская организация активизировала работу Бийского, Рубцовского и других литературных объединений; в Барнауле создана литературная студия, в которой систематически обсуждаются произведения молодых, проводятся встречи с писателями, художниками, композиторами, учеными, партийными работниками.

Заятия литературных объединений и студии обеспечили успех семинара — подбор его участников, уровень обсуждения рукописей.

Для руководства семинаром помимо алтайских писателей были приглашены поэты Алексей Марков и Аида Федорова, критик Николай Яновский, прозаик Евгений Карпов.

Читатель найдет в этой книге альманаха повесть Валерия Слободчикова «Окнами на солнце». Молодой прозаик пытается в ней продолжить и развивать традиции той, получившей широкое читательское признание, группы писателей, которую в критике условно называют писателями-деревенщиками. Как отмечалось на семинаре, удача в этой работе не всегда сопутствовала Валерию Слободчикову. Однако повесть, несомненно, интересна и поставленными в ней нравственными проблемами, и точными наблюдениями, увиденными в жизни деталями.

Участники семинара выступают в альманахе и в жанре рассказа. Рассказы Евгения Гаврилова уже публиковались в предыдущем номере «Алтая». Их выделяет гравдивость, изобразительность, нестандартность художественных средств.

Тепло отозвались руководители секции прозаиков и о Виталии Марчуке. Его рассказы социально остры, в них присутствует реальная жизнь с ее конфликтами, с горестями и радостями. Язык рассказов Марчука лаконичен, точен. Автору есть о чем поведать читателям. За плечами у него служба в рядах Советской Армии, работа на заводе, а ныне он — журналист.

Биография поэта — в его стихах. У инженера Владимира Соколова эту истину подтверждают сами заголовки: «У проходной», «Сварщики», «Гидравлика», «Инженеры», «Рабочий — поэт»... Впрочем, как убедится читатель, молодого поэта волнует и многое другое — темы любви, воспоминания детства, красота сибирской природы. В коротких стихах, чаще всего восьмистишиях, он стремится осмыслить различные явления жизни.

Интересны и искренни стихи Людмилы Козловой, инженера из Бийска. На семинаре они вызвали много споров, но всем было очевидно дарование молодой поэтессы.

В стихах студента Алтайского института культуры Юсуфа Созарукова привлекают суровая мужественность, настойчивый поиск емких, выразительных средств, стремление к философским обобщениям.

О чем бы ни писал рабочий Михаил Анохин, всему он умеет придать свой смысл, везде найти новую грань, заметить незамеченное до него. Молодого поэта интересует не только современность, Михаил Анохин нередко обращается к исторической теме.

Здесь названо только несколько имен молодых писателей, резерва будущей смены нашей писательской организации. Пожалуй, самое ценное в этих людях — их интересные индивидуальности, различный жизненный опыт, с которым они идут в литературу. Большинству из них есть о чем поведать, есть что сказать читателю.

«Здесь особенно нетерпимы проявления бездушности и формализма, — говорил Л. И. Брежнев на XVIII съезде ВЛКСМ. — Пора всем работникам идеологического фронта покончить с неизжитой еще кое-где практикой механического, бездумного повторения прописных истин, со словесной трескотней. Пора сделать правилом — говорить с людьми простым и доходчивым языком, писать, вкладывая в каждую фразу живую мысль и чувства. Это тоже вопрос качества и эффективности, при чем на таком важном участке строительства коммунизма, как воспитание нового человека».

Как правило, новичкам в литературе еще недостает умения, изобразительной силы, эмоционального накала. Но у названных молодых литераторов искания в области формы надежно подчинены содержанию, лишены формалистических трюков и ненужных изысков.

Хорошо сказал об этом в одном из своих восьмистиший Владимир Соколов:

Порой подолгу мы изобретаем
вязь хитрых рифм и ритмов лабиринт,
и тонкий лед лирических проталин,
и жало мыслей поострее бритв.
Зачем, кому понадобилось это?..
Душа моя, гори и холодей
не для того, чтоб удивлять поэтов,
затем, чтоб согреть сердца людей.

Хочется верить, что искренность и теплоту произведений молодых литераторов, которым предоставлен этот номер альманаха «Алтай», почувствуют и разделят читатели. И пожелают им доброго пути.

Валерий Слoбoдчикoв рoдился в тaeжнoй дeрeвнe Бoльшaя Иркутскoй oблaсти. Oкoнчил истoричeский фaкултeт Иркутскoгo пeдинститутa. В пoслeднee врeмя живeт нa Алтae. Рaбoтaл в гaзeтe «Алтaйскaя прaвдa». Нынe — сoтрудник крaeвoгo рaдиo. Учaстник крaeвoгo сeминaрa мoлoдых литeрaтoрoв 1977 гoдa. Члeн Бaрнaулскoй литeрaтурнoй студии. В альмaнaхe публикoвaл рaссaзы «Обидa», «Сeгoднa, в Дeнь Пoбeды» и другиe.

Валерий СЛОБОДЧИКОВ

ОКНАМИ НА СОЛНЦЕ

ПОВЕСТЬ

Лед на Илеме ломает в конце апреля. Редко — от поздней и холодной весны — в первых числах мая. И нет для человека, живущего на берегах моей родной реки, зрелища большего, чем ледоход. В ожидании томишься, словно дорогого гостя ждешь. По делу и без дела бегаешь к реке: а вдруг зашумит? Подолгу сидишь на берегу, скользишь взглядом по бурным ярам, по льду, подсиненному талой водой, по заколоченной горбылем избушке паромщика у песчаного взвоза, по корявой сосне, упорно ищущей опоры на подмытом берегу; торопишься охватить все разом, понимая, что завтра все изменится и уже никогда не повторится...

Сосна рухнет под напором вешних вод и, возвращаясь с рыбалки, уже не сядешь под ее кроной отдохнуть; взвоз замостит песком, и, прежде чем наладить переправу, паромщик Яков Мамыр заставит нарезать его в новом месте и поположе...

Все будет, несомненно, будет. Сегодня тебе двадцать девять, а будущим летом разменяешь четвертый десяток... Жизнь нельзя остановить, повернуть вспять. У жизни, как у реки, где-то за горизонтом свои далекие или близкие моря и океаны...

Но как бы ты ни спешил к ним, обернись на полдороге, стань лицом к малой родине — видишь, бьет студеной родник, скатывается от него к реке, к родной де-

ревне Зятки тропка, поднимается по ней человек, и есть в его походке что-то знакомое...

1.

Как ни пыталась зима удержаться, выгадать денек-другой, спрятаться в оврагах под грязным, слежавшимся снегом, но жаворонки упрямо звенели над полем, а в перелесках горланили грачи, как школяры на перемене.

Казалось, устоявшийся за последние две недели запах талого снега и подсыхающего навоза на дорогах выветрился, его перебил более сильный, тянувший с поля. В нем смешались все запахи возвращающейся к жизни земли.

Но дайте срок, и однажды, в полдень, кто-то скажет: «Слышишь?! Отошла земля, испариной взялась. Слышишь, дышит».

Надо только уметь ждать, даже в такую весну, как нынешняя. Дурачилась она. Март прошел в оттепелях, а до половины апреля топили печи по два раза на дню.

Переломило резко. Оседая, зашевелились снега и сотни ручейков и речонок погнались в Илим талую таежную воду, способную поднять подточенный уже лед, сломать его и, разбрасывая обломки по берегам и островам, вынести в Ангару.

Всю последнюю неделю Иннокентий жил ожиданием ледохода. Обедал наско-

ро, прямо в мастерских, где бригада вела отладку последних сеялок, и, припадая на правую ногу, спешил к реке.

В центре Зятьков два года назад начали строить Дом культуры. Вывели стены, а недавно привезли пиломатериал для крыши и уложили на самом берегу в два штабеля. Сюда и приходил Иннокентий в свободное время, стелил на доски старый ватник, ложился и упрямо искал в реке долгожданные перемены.

А река жила накануне больших перемен. Лед подняло. У кромки его густо бился метляк — предвестник скорого ледохода.

Тоскливо было на душе у Иннокентия. У него никаких особых перемен не предвиделось. Разве только бабушка вернется, как только установятся дороги. Еще зимним путем уехала Пелагея Денисовна в город погостить у сына.

Иннокентий сирота. Вот уже лет двадцать живут они с бабушкой вдвоем. С отъездом бабушки Иннокентий приходил домой только ночевать, а день, если не занят работой, проводил в столярке у Алексея Ивановича Козырева, с которым дружил еще покойный отец. После смерти друга столяр опекал Иннокентия, без излишней докучливости помогал ему где делом, а где советом.

Частенько они засиживались в столярке допоздна. Алексей Иванович своей охотой вызвался сделать для нового Дома культуры резные наличники и козырек на крыльцо. Иннокентий с удовольствием помогал ему.

Домой он всегда возвращался берегом. Проставившись со столяром, шел через двор, заставленный старыми телегами, к реке. От воды тянуло холодом, но Иннокентий не запахивал телогрейки, стоял подолгу, опершись на воротца ограды, и жадно, с непонятным беспокойством смотрел на реку.

Но часто бывает: перестаешь ждать, а гость на пороге. Прозевал Иннокентий первое, робкое шевеление льда, не услышал и стартовый выстрел ледохода.

Тронуло в разгар майского праздника.

Первой скатилась к реке огородами ребятня и повисла на пряслах. Следом, оторвавшись от праздничного застолья, степенно прошагали к баням взрослые.

Бани в Зятьках всегда ставили по-над рекой, поближе к воде. И возле каждой — скамеечка. Где-то поставили ладную, даже крашеную, отжившую свой срок в доме, а где-то просто положили на две чурки строганую доску. Весной здесь караулят ледо-

ход. Наскучавшись по теплу, сидят семьями, ждут, когда «плишка по льду хвостом ударит», — плишкой в илимских деревнях зовут приречную птаха трясогузку.

И вот дождались, ударила птаха хвостом.

Первый день праздника Иннокентий провел в тесной, но дружной компании у Козыревых. А утром другого, отказавшись от застолья, с Алексеем Ивановичем ушел в столярку.

К реке они выскочили с опозданием. Где-то в островах случился затор и река временно притихла, набираясь сил для новой схватки со льдом.

— Опоздали мы, Кеша, — покачал головой Алексей Иванович. — Воды маловато. Ну, ничего, к вечеру поднимет, увидим и мы, как река на дыбки встает.

Повернули было назад в столярку, но остановил чей-то крик:

— В Заречье перевоза просят!

Обернулись. Вгляделись. На крутояре стояла машина.

— Рисковые люди, — прошептал Иннокентий, а Алексей Иванович сложил ладони рупором, прокричал:

— Кто такие?

— ...о-и... о-и... — отозвались с той стороны.

— Кто они? — спросил Иннокентий.

— А я, думаешь, понял, — и Алексей Иванович перекричал.

Они замерли, ожидая ответа. Хотя и на этот раз расслышали не больше, все же решили — надо плыть.

Пошли через реку втроем. Алексей Иванович стал в корму, Иннокентия и своего сына Володьку поставил по бортам. Такая переправа на Илимке — не редкость. По тихому льду ходят без опаски и осенью, и весной. И если попадешь в промоину или полынью — лодка под рукой. Хуже, когда зашумит на полдороге. На памяти Алексея Ивановича было два случая — затирало льдинами смельчаков.

Рисковали и сегодня. У реки разве спросишь, когда она потащит на себе лед, круша и ломая его. Но все трое родились на этой реке, ходили по ней на веслах и с шестом, знали все шиверы и ямы и теперь уже не думали о том, что она может однажды и наказать за безрассудную смелость.

Воды было, видимо, и впрямь маловато. Они благополучно перешли реку и, хотя обращались с ней по-свойски, облегченно вздохнули, когда царапнули днищем лодки по галечнику.

— Шабаш, — выпрямился Алексей Иванович и огляделся.

К лодке, поскользывая на мокрых камнях, спешила Кешкина бабушка Пелагея Денисовна.

— Ругайте, ругайте старую, — торопливо извинялась она, — в неурочное время принесло. Да кабы одну... Дорогой Митенька Чалый припарился... Лешачина старый навроде меня, глупой бабы, по гостям шастает. Да боле-то всего боялась за гостью мою. Она сидит, пригорюнилась. Не видала, поди, такой страсти...

Она показывала на крутояр, и все потянулись взглядами за ее рукой. Там, рядом с машиной, на поваленной сосне сидела молодая женщина. У нее на коленях приютился мальчонка лет пяти, тарашил удивленные глазенки на реку. Ближе всех сидел, спустив ноги с обрыва, старик Погодаев, по-уличному Чалый, и спокойно закуривал.

— Бабка Поля, как же ты со своим врагом-то ужилась в одной машине? — удивился Володька.

— А куды его, лешачину, денешь, — махнула рукой Денисовна и стала здороваться с Алексеем Ивановичем, а Иннокентий стоял как вкопанный и не сводил глаз с бабушкиной гостьи...

Старик Погодаев стал спускаться к лодке, а похожая на воробышку под дождем женщина куталась в пальто. «Молоденькая совсем, а уже с ребенком», — подумал Иннокентий и, смутившись, отвел взгляд.

— Переждать-то не могли? — укорил он старуху. — В такую беду домой наладилась, не жилось у Николая.

— Всю жизнь в гостях не проживешь, — Денисовна тянулась к внуку обнять. — Вся-то забота моя тут оставлена. Как без нее, без заботы, жить. Тоской изведешься.

— Ну, будет вам ласкаться, — перебил ее Алексей Иванович. — Дождемся большой воды, — и, обращаясь уже к Володьке, приказал: — Иди, сынок, за вещами, а я мальчонку к лодке спущу...

Стали в том же порядке, что и раньше. Женщин и мальчишку Алексей Иванович усадил в лодку, старику Погодаеву приказал идти сбоку, чтобы в случае чего успеть пойматься за борт.

— Ну, Денисовна, благослови, — ободряюще крикнул он и уперся плечом в корму.

А в Зятках трещали прясла огородов. Теперь уже не только ребяташки, но и взрослые проверяли их на прочность. Вы-

держит прясло пятерых — есть в доме хозяин, коли упадет — засмеют после.

Стащили на лед еще одну лодку, припасли шесты и с напряжением ждали исхода переправы. Стягивалась к макаровской бане деревня.

— Смотри, в корме никак Денисовна...

— Девушка рядом и малец, — отозвались более глазастые и добавили сквозь смехок: — Никак старик Чалый невестой разжился. Ишь, приплясывает возле лодки.

— Верно, Чалый! — удивленно вскрикнул кто-то. — Этот не обробеет.

Лодку выдернули скопом, в одно дыхание. Алексей Иванович с Володькой помогли женщинам подняться, а Иннокентий перенес испуганного мальчонку к бане, усадил на лавочку. Денисовну окружили товарки, зашептали, кося взглядом в сторону ее попутчицы. А та стояла особняком, и хотя всех терзало любопытство, — чья это гостья? — подойти и расспросить никто не решался.

Выручил всех старик Погодаев. Оправившись от испуга, которым переболел во время переправы, он прошелся возле бани и, остановившись напротив лодки, пропел петушиным фальцетом:

— Ежели хорошенько поразмыслить, то мы и утопнуть могли.

Толпа весело зашевелилась, но тут опомнилась Денисовна, занятая доселе тщательным здоровканьем с товарками.

— Ты чего раскаркался? — накинулась она на старика. — Чего детей зазря тревожишь... А вы, люди добрые, потом разберетесь что к чему, будет времечко. Сейчас нам с Варенькой отдохнуть надо. Бориска вон совсем сморился, малой, — заскороговорила она. — Домой мы пойдем. Варюха не гостевать, жить сюда приехала. Ты, Кеша, Бориску возьми на руки. Иди, Боренька, не пугайся — это дядя Кеша твой, — торопила Денисовна, обрубая все сомнения.

Она пошла впереди, Володька засеменял следом, сгибаясь под тяжестью чемоданов; и тут только до Иннокентия дошло окончательно, что бабушка не шутит — в гости с таким объемистым багажом не ездят. Он наклонился к Бориске, и на него глянули с веснушчатого личика два настоженннх глаза, словно спрашивая: «Ты меня не обидишь?» Он торопливо подхватил мальчонку, а когда поднял голову, столкнулся взглядом с Варей, которая с любопытством разглядывала его.

«А она ладная», — подумал Иннокентий и, покраснев, отвел глаза.

В тот же день, когда бабка привела в дом Варю Инякину с сыном, Иннокентий перебрался в пристройку, уступив свою комнату новым жильцам.

Под крышу пристройку подвел еще отец. Вскоре после войны разбросал он амбарчик и в свободные вечера вместе с Алексеем Ивановичем колготился возле начатого сруба, приучая израненные и забывшие плотницкую работу руки к топору. Управившись с домашними делами, мать выходила собирать щепу, ворчала на отца, мол, хватит старой избы за глаза, люди в малухах большими семьями живут... Отец покряхтывал, постанывал и знай тюкал топором. Когда становилось невмоготу, закуривал, поучал жену: «Надо вольно жить. В сорок пятом мы в Германии на хуторе стояли. Так вот, была на том хуторе большущая изба. А жильцов трое. Немка и два немчонка. Мужик ее под Сталинградом пулю нашел. Может, мою. Спрашиваю я как-то немку — семья мала, а избу поставили знатную. Спала та немка с мужиком поврозь, на каждого, стало быть, по спаленке, а дети, однако, получались. Еще кабинет у хозяина был. И у немчат своя комната... К нам же скоро Кешка придет, — он косил веселым взглядом на округлый живот жены. — Пушай парень вольготно живет», — и снова тюкать топором.

«А возьму и девку рожу», — улыбалась мать.

И тогда отец, с силой воткнув топор в бревно, сказал с хрипотцой в голосе: «Нет, мать. Нам нынче мужики нужны...»

Иннокентий хорошо помнит, что, рассказывая ему это, мать поначалу всегда улыбалась, — «выполнила я наказ», а потом улыбка медленно сползала с ее лица, и она надолго замолкала.

Отца Иннокентий не то чтобы забыл, просто не успел хорошо запомнить. Смерть отца с войны вроде как на побывку отпустила и вот, на тебе: вспомнила о нем в краю, далеко от военных дорог. И положила Степана Макарова на пращуровом кладбище, среди древних крестов и нынешних пирамидок.

Стены пристройки завешаны зимней одеждой. Здесь собачьи дохи, шубы, отцова шинель... Бабка уже не раз намеревалась унести все это в амбар, к чему захламлять жилье, но Иннокентий не позволял. Он, казалось, все ждал — придут новые люди и им это пригодится.

И пригодилось.

— Мамке твоей пожалуем доху, — сказал он Борiske, копаясь в вещах.

— Здорово! — взвизгнул от радости Борiske. — Она у нас королевишной будет...

— Королевишна. Да ее и не видно будет из этой дохи, — улыбнулся Иннокентий и невольно стал сравнивать Варю со всеми принцессами, королевнами и царевнами из прочитанных когда-то сказок.

И даже, закрыв глаза, представил, что стоит рядом с ней. И решил, что грустная получается картина.

Варю он представлял камышинкой на реке. Он же рядом — кол, за который сети крепят. Стоит чуточку внаклон — это когда калеченой ногой на полную ступню станет. Да и какое ему дело до квартирантки — живет и пусть живет. Самое лучшее не замечать ее, чтобы потом не страдать от лишней обиды. И он стал обходить Варю стороной, даже избегал встреч за ужином. Ссылаясь на занятость по работе, а все вечера просиживал в столярке.

А вот с Борiskeй подружился. Да и как стороной пройдешь, когда этот демоненок вихрем по дому носится, к Денисовне, как к родной бабушке льнет, со всей деревней успел перезнакомиться, а недавно отправился один в поле... искать дядю Кешу.

Сегодня играть не с кем. Наскучили Борiske разговоры взрослых и их дела, покрутился он в доме и сквозанул на улицу — все двери нараспашку, так что Иннокентию сейчас каждое слово из горницы слышно.

Давно у Макаровых не бывало столько гостей, как в эти дни. Высмотрят, когда Варя в библиотеку уйдет (она туда работать устроилась) и тянутся один за другим, прикрываясь каким-нибудь заделем: то соль в доме перевелась, не займешь ли, Денисовна, до завтра, то на спички обедняли, а в магазин по празднику времени не попадешь...

Сегодня к вечеру принесла нелегкая Валентину Козыреву. Битый час отсидела, а уходить не собирается.

— Ох-ти, темнишеньки, — это бабушка вздыхает. — Нет хозяина в Колиной семье, — бабушка говорит тихо, с раздумьем, и Иннокентию приходится напрягать слух. — Коля у меня мастеровой мужик, а вот с ей совладать не может. Какой уж тут порядок, когда баба хорошего мужика шпыняет, а он слова сказать боится... Гостей они при мне звали. Все ее дружки и подружки... Поспрашивала я: у каждого само большое один ребяенок... Порядок ли... Так вскорости и робить некому будет. Вы-

пили они, значит, и бабы наравне. Мужики закурили и бабы туда же. Срам-то какой! Потом кофею стали пить, разговоры вести. Спор у их зашел, Коля мой возьми да и встрянь. Тут она и накинулась на его: «Лопата, много ты понимаешь». Гости и те сконфузились, а брательник ее из-за стола ушел. И чо он к ней подцепился? Жил бы дома, нешто по сердцу не нашел бы? А она-то сорока вертлявая. Все добро в ей, что по-французскому говорить научена. Так у нас Митенька Чалый по-матерному горзд, — тут в горнице дружно засмеялись, и Иннокентий не мог сдержаться, заулыбался.

И тогда Валентина попросила напрямую:

— О квартирантке-то расскажи.

— А чо о ней рассказывать, — нехотя отозвалась бабушка. — Девка она хорошая, — и, помолчав, продолжала уже веселее: — Я приехала когда к Коле-то, все одна в квартире. Коля мой по темну на стройку уйдет, невестушка вылежится и по магазинам наладится. Я и чаю напьюсь, в квартире подмету, да разве приборка то... Измаюсь от безделья, пока вечера дождусь. Вот и надумала полы помыть. Тока выехала в коридор — звонок. Открываю дверь-то, гляжу, топчутся — бабочка молодая, мальчонка при ей, за ними два чемодана рядком стоят. «Кого надобно?» — спрашиваю. А она молчит. Бориска-то смелее оказался: «Ты чья бабушка?» — и вперед выступил. Чо мне оставалось? «Обчая,—говорю.—Кто полюбится, тот и внук». А как не полюбится?! Ладный мужичок. Живой парнишонка. Люблю таких. Ишь, пронесся и двери все настезь. Ты прикрой их, Валентина, свежо на улице-то, чай, не лето.

Двери Валентина закрыла, и опять Иннокентий остался один на один со своими мыслями.

Не слышал он, как ушла Валентина, и бабушкину колыбельную, которой та усыпляла Бориску, пропустил мимо ушей... Но стоило тоненько отозваться ступеням крыльца на Варины шаги, и он настороженно приподнялся на локтях, оторвав голову от подушки... Сейчас она нашарит ручку двери, тихонько потянет на себя и на носках, чуть касаясь пола, пройдет мимо двери пристройки к себе. А он еще долго будет сдерживать дыхание, чутко вслушиваясь в тишину...

3.

Ночью прошел дождь еще по-весеннему спорый. Прибил пыль на дорогах, оставил

редкие подтеки на стенах и заборах, но земли не напитал.

А в Зятьках ждали большого дождя. Пошла третья неделя, как отсеялись. Самый бы срок доброму дождю, а он только побаловался...

Острова, берега ручьев, скатившихся к Илиму, вспенились цветом черемухи — верная примета местных рыбаков о ходе сороги.

Вчера Иннокентий до поздних сумерек готовился к рыбалке — за током, в перепревшей соломе, накопал червей, оснастил пару удилиц: длинное себе и короткое, легонькое Бориске. Тот все время крутился рядом, но когда вышла на крыльцо Денисовна, позвала к ужину, мигом смекнул, что, накормив, бабушка погонит спать, и выскочил на улицу. Заманила демоненка угрозой, что если не ляжет тотчас же спать — не видать ему завтра никакой рыбалки.

И вот уже светло в комнате, а никто Бориску не будит. Неужто проспали все? Натянув штаны, тихонько крадется Бориска к двери — «вот им задам, соням». Но на кухне уже вовсю шепелявит самовар, а бабушка накрывает на стол.

— Забыли, — обиженно канючит Бориска.

А бабушка в ответ только посмеивается.

— А кого до потемок домой не заманишь? Али работа такая?

— Обманула, — не унимается Бориска. — Дядю Кешу так подняла.

— Дождик был ночью. Сыро на улице, — пытается успокоить Бориску мама, но бабушка продолжает поддразнивать.

— Кто ж доброго рыбака будит? Он сам время знает, — смеется, но вдруг настораживается: — Слышите-ка... — и, вскочив вдруг, бойко семенит к двери.

Варя с Бориской следом за ней выскакивают на крыльцо.

Над пожарным амбаром низко, кажется, перышки можно пересчитать, тянется к реке гусиная цепь. Варя с Бориской заворуженно провожают взглядом птиц.

— Мечутся бедные. Времечко-то уж по парам разбиться, а они пристанища не найдут. А все оттого, что народу пришло много. Леспромхозов-то сколько понастроили... Народ всякий туда прибился, — бабушкины скрюченные пальцы нервно бегают по перилам крыльца. — Который и урвать горзд. Видывала я таких. Потрут-ся возле длинного-то рубля, напакостют и деру... Глянь-ка, и этот туда же. И как тебя, прощельгу, земля держит, — кричит она

Мите Чалому, когда тот бежит мимо, на ходу пристегивая патронташ.

Митя оглядывается и, не заметив сломанной доски тротуара, падает.

— Ну, слава богу, отохотничал! — хитро шурит Денисовна глаза, когда минутой позже Митя тащится назад, приволакивая ногу.

— Шутейничаешь все, старая, — Митя останавливается напротив калитки. — Все криулины ищешь?

— А ты ладно и не жил.

Что верно, то верно. Правда, до войны не замечали за Митькой Погодаевым плохого. А вот когда в сорок четвертом по ранению вернулся домой донашивать солдатские сапоги, то деревня, обедневшая на мужиков, с первых же дней почувствовала неладное. Заносчив стал, теперь уже не Митька, а Дмитрий Северьянович Погодаев. Требовал чрезмерного почитания. А тут еще на беду поставили бригадиром. Быстро он освоился с начальственной должностью. А вскоре, отойдя от ран, начал торить дорожки к вдовам, а порой не стеснялся прижать и незамужнюю бабенку. И тогда, гонимая на прозвища деревня, припомнила, что до войны был в колхозе жеребец по кличке Чалый, племя от которого шло на всю округу, припомнила и намертво приклеила эту кличку любвеобильному Мите.

Теперь Дмитрию Северьяновичу немногим более пятидесяти, а выглядит на все семьдесят. Худоба его, говорят, от злости, зависти и бесполовой вьедливости. Правильно, наверное, говорят.

За свою жизнь кем только Дмитрий Северьянович не был. Больше, конечно, из зависти. К примеру, получили плотники премию за построенный раньше срока телятник, и он на другой же день покупает в сельмаге топор.

Вот и сейчас старика грызет злость.

— А ты зажилась, — сердится он на Денисовну.

— А зачем мне, Митя, помирать. Мне люди при встрече долгие лета желают, как я к ним завсегда с добром. Тебя вот, сам знаешь, другим словом поминают.

— Это кто же? — Митя ерзает на грязных досках.

— Сам знаешь. Да не елозь ты. Занозыто с твоего срамного места вытаскивать некому, — говорит Денисовна спокойно, и это спокойствие бесит Митю.

— Забыли, все забыли, как Дмитрий Северьянович за десятерых чертомелил.

— Чертомелил? — Денисовна присталь-

но смотрит на Митю. — А верно, чертомелил, пока мужики с войны не вернулись да хребта не наломали. Аль забыл, как на работу наряжал? Ксю-ша, — передразнивает она Митю, — ты нынче за ягодой в Черемошное сбегай. Да одна. Я к вечеру добегу, повстречаю... А про должок запамятовал?! Помирать будешь, а Кешкиной хромоты тебе не прощу.

— Чего вспоминать, молодой был, горячий, — Митя ищет примирения. — Кто старое помянет...

Случилось это вскоре после войны. Митю с бригадиров убрали, поставили объездчиком. На единственной в бригаде лошади, годной под седло, объезжал он посева. Особого догляда требовал горох. Сеяли его от соблазна подальше, в стороне от дороги. Но разве удержать ребятишек, для которых в тяжелое послевоенное время горох был чуть ли не единственным лакомством. Еще в пору цветения засылали они разведчиков на гороховое поле. «Плющатка, поди, есть?» — наседали они на посланца. «А то нет, — важничал тот и лез за пазуху, — ужассть сладка», — улыбался он, наделяя каждого наипервейшим лакомством. На следующий день снаряжали набег. И редко он обходился без потерь. Выследит Митя ребятишек и давай гонять по полю. А догонит, вытянет плеткой вдоль спины и, чтоб жаловаться не смел, проведет по деревне впереди лошади, а в руках кепка, полная стручков: «Гляди, честной народ, Дмитрий Северьянович вора поймал. И куда только мать родная смотрит».

Народ в деревне совестливый. Глянет дома мать на разукрашенную плеткой сыновью спину, вздохнув, помажет сметанкой, а в укор Мите Чалому слово сказать постыдится — не у себя в огороде горох рвал ее сын, на колхозном поле...

Так скараулил однажды Митя на горохе Настенку Панову с полуторагодовалым Кешкой Макаровым на закорках. Ребятишки мигом удрали, где за ними Настенке угнаться с Кешкой на спине! Кинулась она к реке, а Митя уже рядом, привстал на стременах, плеткой тянется, совсем прижал девчонку к обрыву. Настенка в страхе руками прикрылась, выпустила Кешку, и скатился тот с обрыва...

Сломанная кость ноги долго не сросталась. В ту пору в районе рентгена не было, а в область из-за дальней дороги везти не решились. Врачевала Кешку бабушка. Нога срослась, но стала чуть короче... Слишком много бед гуляло тогда по земле, да каких бед! — затерялась между ними ма-

ленькая Кешкина беда. Но Денисовне, видно, не забыть этого до самой смерти.

— Молодой, говоришь, был, горячий? — наседает она на Митю. — А забыл, как над бабой своей изгалялся?.. Прости, осподи, — вздыхает Денисовна, помолчав. — Бес попутал при детях с этим басурманом галиться...

И снова тихо на улице. Не видно прохожих. Сидит на тротуаре Митя Чалый, тарашит сердитые глаза на опустевшее макаровское крыльцо и вдруг тоненько взвизгивает, будто кто ему невзначай на руку наступил.

4.

Завтракать без Иннокентия не стали. Решили подождать. Денисовна занялась хозяйством, Бориска стриганул на улице, а Варя ушла к себе. Она погладила выстиранные еще вчера сыновьи штанишки и, выключив утюг, прилегла на кровать. Полистала взятую с собой книгу, но читать не стала, лежала в раздумьи, прислушиваясь к звукам, наполнявшим дом.

Первые дни она пыталась помогать Денисовне по хозяйству, но та отвела ее помощь, сказав однажды: «Домашность не твоих рук дело. Какие твои годы, успеешь, хлебнешь бабьих забот».

Так говорила и ее, Варина, бабушка Алена. С ней и отцом Варя жила раньше в большом селе на Оби. Дом их стоял на окраине. Окнами загляделся на село, на улочку, заросшую травой, на две колени, пробитые отцовской машиной. Отец работал в совхозе агрономом, жил суетной сезонной жизнью: весной встречал и провожал солнце в поле, летом на сенокосе, а осенью прихватывал вдаль от дома и ночь.

Матери Варя не помнит. Когда было два года, мать уехала и больше не появилась. На все расспросы дочери отец, грустно улыбаясь, отвечал: «В командировке наша мама, в бессрочной»...

Так и получилось, что жила Варя с бабой Аленой. Никуда не уехала старушка от зятя, жалела по-своему, советовала жениться и частенько ворчала на него: «Дитя отцовской ласки не видит, у меня шестеро было, а всем за день по шлепку доставалось»...

— Ох-ти, темнишеньки, — Денисовна наконец-то управилась со всеми делами, присела на краешек Вариной кровати. — Не выспалась? Женихи, поди, всю ночь не отступались? Оно ведь, коли спится, так и снится.

— Какие уж там женихи, — засмутилась Варя. — Мне теперь одна забота — Бориска. Его в женихи вывести.

— Эка забота, — заулыбалась Денисовна. — Может, завтра и оженим парня-то, а?

— Завтра не завтра... Эх, милая баба Поля, — Варя приподнялась в постели, прижалась к шершавым, в синих прожилках, рукам старухи.

— А вздыхай не вздыхай — у жизни свой поворот. Бабы вон, не всякая, конечно, но нашли свою долю, после войны-то.

— Куда уж мне.

— Снова да ладом, — рассердилась старуха. — В твою пору бабы милуются без памяти, деток рожают и не морщатся, а тут на тебе: «Одна забота», — передразнила она. — Да коли жить будешь по-людски, так и парень твой человеком будет... А без семьи-то какая жизнь. Я вот Кешу сколько годов тяну, за отца-мать стала... При деле мой парень, а семьи не завел. Разве ладно? Ты вот утресь меня за рукав, а я ведь не из блажи с Митькой-то галилась. У нас в родове-то мужики все тихие, сами по себе. В парнях, чтоб с девкой побаловаться — ни-ни. У нас бабы-то за мужиками, что за крепостями были. Только повыстригла война мужиков наших... Кеше тридцатый пошел. Мне бы с правнуками нянькаться, а он все один. Другой бы разве глядел на хромоту свою? Давно бы округился. А он, макаровска-то родова гордая, все ждет чего-то. Я уж молю бога, чтоб нашлась какая да опутала. Опять же боязно: он же баловства не потерпит. Тихой уж больно, ох, тихой. Я уж думала, может, зря парня-то в город не отпустила...

Никому не отдала Денисовна внука. Отказала детям своим, Николаю и Мише, жившим в больших городах — «просто ли хроменькому среди чужих в городе будет, а с деревенскими я слажу по-своему».

— В городе-то, может, побойчей бы был, — сомневалась она теперь. — Ты вот жила в городе-то, рассудила бы, — попросила она Варю.

— Жила, — скривилась та в усмешке и надолго замолчала.

...Бывает так: плывешь широким, спокойным плесом и час, и два, не задумываясь о времени и расстоянии, но стоит лодке вырваться на стремнину и ты, загораясь азартом скорости, торопливо подгоняешь ее, наверстывая упущенное...

Легко и беззаботно жилось под бабушкиной опекой, под незаметным, но внима-

тельным взглядом отца. Но всему свой срок, осталась позади школа, пришло время выбора...

В Барнауле жила тетка, родная сестра матери, ей и передала бабушка заботу о внучке.

В доме тетки была совсем иная жизнь, к которой с бабушкиными мерками подойти было невозможно. И после тихого плеса понесло Варю, закружило...

Шесть лет прошло с той поры, но каких... Не стало бабушки, а вскоре погиб в автомобильной катастрофе отец, вышла замуж, родила Борису, после третьего курса бросила институт, а еще через год ушел муж... В растерянности Варя кинулась к тетке, дом которой считала тем единственным островом, с которого можно было бы спокойно оглядеться, но тетка не приняла ее...

— А как же, жила, — повторила Варя и расплакалась.

— Ну, полно тебе... Слезой-то рази можешь, — успокаивала ее Денисовна. — А видно, и тебя, девка, жизнь побила... Тока скажу я тебе — поддаваться-то ей не резон. Ты про тетку-то, мою невестушку, забудь. С ее чо спросишь. У ее завсегда один ответ припасен — «устала». Мне вот семьдесят пятый годок побежал, мне б ноги пора стоптать по саму задницу, а я бегаю. Налезаться-то там успею... Тетке бы твоей ревунов полну квартиру, а она всю жизнь телкой неогуленной ходит, прости меня, осподи, за охульное слово, не в упрек Коле моему сказано...

Она успокаивала Варю, а сама с брезгливостью вспоминала разговор с невесткой, в котором та как могла хаяла племянницу. Не щадила она и родной сестры, Вариной матери. Обеих не постыдилась назвать потаскухами.

— Баба Поля, тетка тебе наговаривала, наверное, обо мне? — вытирая слезы, спросила Варя.

— Я и сама не без глаз, — ответила ей Денисовна. — Не звала б я тебя, коль не по душе бы пришлась.

— Спасибо, баба Поля, — Варя сжала ладонями лицо, закрыла глаза, будто хотела забыться. — Растерялась я совсем, да же и не знаю, что бы было со мной, если б не ты... Перепелелось все у меня, перепуталось. Люди-то, баба Поля, какие разные. Не знаешь, кому и верить.

— А ты учись. В жизни незрячему пропасть просто. — Денисовна глубоко вздохнула, будто набираясь духу. — В деревне тебя по-разному приняли. И опять без

Митьки Чалого не обошлось, — старуха замолчала, перевела взгляд с Вари на окно, не решаясь приступить к главному. — Митька с теткой твоей говорил, — наконец выдохнула она. — Мало ль чо сейчас по деревне пустит.

— Что пустит? — Варя отняла руки от лица, из-за них на старуху смотрели широко раскрытые, полные удивления глаза.

— Да уж не знаю, — Денисовна затебила фартук, расправляла его на коленях и снова комкала.

— А ты не скрывай, баба Поля, — глухо пробормотала Варя.

— И скрывать нече. Митька понаплел по деревне-то, будто с наказом от тетки ты приехала: с Кешкой в любовь поиграть, — руки у Денисовны сжались в остренькие кулачки, голос построжел. — Только ты не подумай, что я поверила. А уж коли посерьезному надумаешь, коли приглянетесь друг другу, тут уж тетка твоя не указ мне будет... — Старуха провела уголком платка по запавшим глазницам, тяжело поднялась и пошла. От дверей обернулась: — Ты вставай. Видно, не дожидаться нам Кешки. Без него завтракать будем.

Проводив старуху долгим, туманным взглядом, Варя села на кровати и, обхватив колени руками, задумалась.

К завтраку она вышла повеселевшей, зная, что надо теперь ей делать, чтобы противопоставить себя людям, утратившим веру, доброту и искренность... Пусть смеются, а она сознательно пойдет навстречу Иннокентию, сделает все, чтобы ни он, ни Денисовна ни заподозрили дурного...

А Денисовна, разливая чай, сетовала:

— Заплутал наш рыбак. Мыслимо ли дело, голодному на берегу торчать. А он день высидеть может, было б время. Другие неводишком за вечер по мешку, а то по два берут, а он с удами-то своими за день не боле ведерка...

— Нравится, значит, с удочками сидеть, — рьяно кинулась Варя защищать Иннокентия. — Я ездила с папой. Через удочку-то каждую рыбешку на руке почувствуешь. А сетью...

— Да разве я против, — замахала Денисовна руками. — Какой нам прок с мешков этих. Не торговать же. Тока голодному-то к чему сидеть?

— А я отнесу завтрак, — вызвалась Варя.

Денисовна принесла сумку и стала собирать завтрак рыбаку, а Варя пошла в свою комнату переодеться.

Когда все было готово, Денисовна замечала — найдет ли она Кешу, он наверняка ушел на Матвеевы ямы, а это не близко...

— А я берегом. Река выведет, — успокоила ее Варя.

— Берегом-то версты четыре набегит, — покачала головой Денисовна. — А надо через поле, потом соснячок будет, за ним тропка через лог перекатится — тут и Матвеевы ямы откроются, — объяснила она короткий путь.

5.

Все сегодняшнее утро Иннокентий просидел на Матвеевых ямах один. Клев был неважным. Вскоре после восхода солнца на другой стороне реки застучал лодочный мотор — это снялись рыбаки из райцентра, но Иннокентий уходить не торопился.

Он любил дни весеннего перелома к лету, когда бурное кипение черемухи вот-вот сменится ровным горением зелени. В ней обрамится неповторимо весенней голубизны небо и река, которая качает на своих волнах затерявшееся облачко и бурые берега...

Эти дни, не считая отпуска, были самыми спокойными — сев позади, а время сенокоса еще не пришло.

Полчаса назад клев совсем пропал и, оставив удочки, Иннокентий занялся костром. Из тальниковых зарослей, куда весенним половодьем натащило плавника, принес охапку хвороста, на косогоре накопал корней шиповника и, приладив с помощью камней таганок, поставил чай. А потом долго сидел у костра, смотрел, как вздрагивает котелок в беспокойных ладонях огня...

Тихо было на реке и оттого хорошо думалось.

Сколько разных людей вокруг, а похожих не сыщешь. Поставь, предположим, рядышком Алексея Ивановича и Митю Чалого и только найдешь в них общего, что на одной улице живут, одним райпотребсоюзским завозом одеваются, хлеб покупают с одного прилавка... Только злой Митя к людям. Это ж надо такое наговорить о Варе... А Алексей Иванович на слово скуп, а на доброту щедр. К чему ему лишние слова — за него карнизы в Зятках говорят, литовки росным утром сладкий берут распев, а уж топоры в пору заготовки дров на зиму не умолкают, и каждый насажен на козыревское топорще...

Так, сравнивая Митю Чалого с Алексеем Ивановичем, не заметил, как с теми же мерками перешел к себе. Станный получился расклад. Ни в ту, ни в другую сторону. Так, серединка на половинку. В работе ему, конечно, никто не укажет. Вспомнить хотя бы — утром бывало трактористы ждут наряда в пристройке к мастерским, пока курят, нагородят плетней из анекдотов, а придет бригадир и примолкнут настороженно. «Тес бы надо на Марфины покосы отвезти», — скажет он и оглядит погрузивших мужиков. «Мне самому садиться прикажете?» — и посмотрит с надеждой на Иннокентия. «Ладно», — буркнет тот и поедет на пилораму, а за этим «ладно» три болотистых ручьевини, песчаный взвоз да зыбкий брод через речку Россоху. А на пилораме свои анекдотчики: у Лени Чуварева поясницу с вечера ломит, к Михайле Черному тесть нагринул, недосуг за пятнадцать верст из-за десяти тесин трястись — выручай Кешкино «ладно», слава богу, у Макаровых совесть не пахана, всегда под комелек становились...

В детстве сильно обидчив был. Виной всему покалеченная нога. Теперь-то он понимает, что не от злобы дразнили его пацаны — просто он выделялся среди них своей хромотой, с ним чаще, жалея, заговаривали взрослые, его дольше других катали шоферы... Ревниво ребячье сердце, не терпит оно чужого первенства, а тем более первенства менее ловкого в играх. А как ему хотелось доказать сверстникам, что он равен с ними во всем!

И доказал. Пользуясь расположением к нему трактористов, напросился в прицепчики. А потом, подогреваемый их разговорами: «Держись, Кешка, машины. Люби ее, в ней твоя сила», — подготовился к экзаменам со всей тщательностью, боясь, что из-за хромоты откажут ему управлять трактором, и выдержал испытание с честью, покорив комиссию великолепным знанием машины.

В работе стал равным. А в остальном? Иннокентий со стыдом вспомнил, как два дня назад слушал, краснея, Митю Чалого, и не сумел одернуть его.

Сидели возле кузницы, курили, ждали наряда. Кто-то из мужиков стал рассказывать, как он женился. Тут вывернулся откуда-то Митя, он людной компании никогда не упустит. Мужики к нему — поделись, мол, опытом, Дмитрий Северьянович.

— Я как надумал жениться-то, — осмелел Митя от такого к нему обращения, — так к отцу — хочу, мол, тятя, Дарью взять.

— А он? — подогревают мужики.

— Вот он и показал мне Дарью. Вывел на порог и спрашивает: «Под кофтенкой у Дашки полно?» Я сдуру и брякнул: «Как репа о прошлом годе, что в огороде сажали». Тут тятя-покойничек, царство ему небесное, за шиворот меня и на улицу тащит. «Как о прошлом годе? — говорит. — Ядреная? Ну дак прокормисся, Митька. Мы-то свою репу еще по осени съели. Не обесудь».

— Так без выходного пособия и отправил? — засмеялись мужики.

— Так и отправил, — довольно загоготал Митя и, польщенный вниманием, перекинулся на Варю.

— А что, мужики, макаронку квартирантку ишшо никто не приглядел? Аппетитна бабенка. И, кажись, без норову.

— А ты уж проверил?

— Был бы поядреней, не удержался. Я, мужики, в городе-то с теткой ее беседу имел. Кой в чем просвещенный. Ну дак если мне веры нет, так у Кешки поспрашивать надоть. Он, поди, по родственному-то ревизию навел...

Как хотелось Иннокентию за эти слова тряхнуть хорошенько Митю, выбить из него пакость, а он только больше покраснел и ушел в кузницу.

А ведь получается, что жил он на ощупь, прикрываясь собственным увечьем, без посторонней помощи боялся сделать решительный шаг, когда это требовалось... А закрыв глаза, не угадаешь, в какой стороне день навстречу солнцу покатится...

Вскипел чай. Снял котелок с огня, Иннокентий подбросил в костер остаток хвоста — нагорит побольше золы, можно будет испечь те несколько картофелин, что догадался положить в сумку, и пошел проверить удочки. За этим занятием и застала его Варя.

Сварили уху, но оказалось, что есть нечем — Денисовна забыла положить ложки. И Иннокентий, злясь на больную ногу, не подводи она — быстрее бы обернулся, проковылял к лесу и обратно вернулся с куском бересты. Хорошие получились ложки.

— Вывернулись, — улыбнулся он.

— А в нашем селе из липы вырезают. Вот это ложки, — как бы между прочим сказала Варя и, зачерпывая уху, специально посылнее прижала черпачок к стенке котелка. — Вот, — и она показала пустой черешок. — Утопила.

И Иннокентий, с каким-то глупым, но радостным волнением на лице, протянул свою ложку Варю.

Варя нисколько не стусевалась, ела невозмутимо, нет-нет да и скашивая плутоватый взгляд на Иннокентия.

После завтрака Варя с Иннокентием разобрали удочки и, закинув их метрах в десяти друг от друга, минут пятнадцать молча не сводили глаз с поплавок. Иннокентий вдруг с растерянностью понял, что не знает, как вести ему себя, а Варя сознательно выжидала. Повернувшись к Иннокентию, она стала бесцеремонно разглядывать его. «Сейчас ты закутишься у меня, как береста на огне», — озорно нашептывала она про себя. Но Иннокентий сидел спокойно, опершись тяжелыми ладонями о колени и чуть подавшись вперед. «Ручищито, — восхищенно подумала Варя. — Такой приласкает — не отдышишься».

— Кеша, — хитро прищурившись, спросила она, — ты отчего до сих пор не женился? Может, боялся?

— Чего бояться-то, — нехотя, не повернувшись даже, ответил Иннокентий, а прозвучало это: «Смеяться-то зачем?»

— Я ж без обид. Неужели так ни одна и не нравилась?

— Может, и нравилась, — пробурчал Иннокентий и, делая вид, что ему совсем безразличен этот разговор, занялся снастью — снял старую наживу, долго копался в банке, выбирая нового червя, а наживив и закинув приманку, замер в прежнем положении.

— А мне сдается, что боишься ты, как бы жалеть тебя не стали, — тихо сказала Варя.

— А может, я жалости не хочу, — вспылил Иннокентий и, повернувшись резко к Варю, вытолкнул глухо: — Я на равных хочу, — и замолчал, снова уткнувшись взглядом в поплавок.

— Как это?.. — начала было Варя, но осеклась, понимая всю глупость вопроса. — Прости, не хотела я, — тихо прошептала она и с нескрываемым любопытством посмотрела на Иннокентия, совсем забыв, что минутой раньше подтрунивала над ним из озорства.

«Как же все оказалось... просто, — думала она. — Могло же быть и так — кто-то нравился ему, но не нравился он. И наоборот. И жениться бы он мог давным-давно... Мало ли бывает: пришел, сосватал, а там как будет... Многие так живут, а он не захотел, он просто оказался сильнее».

— Кеша, как ты думаешь... — она хотела спросить: «не выдумка ли это»... но не решилась произнести вслух «любовь» и перешла на будничный, привычный тон. —

Как ты думаешь, гроза нас не застанет?

Он не ответил. Подняв голову, долго, из-под ладони, всматривался в сторону Шального хребта, хотя и с первого взгляда было ясно — грозы не миновать.

Молча смотали удочки и, минуя лог, через посевы, заспешили к деревне. Варя шла впереди и не решалась оглянуться на настигавшую их тучу, погромохивающую и дышащую уже в спину холодом, но еще больше она боялась встретиться взглядом с Иннокентием.

Гроза нагнала их на полдороге. Словно сжатая до предела пружина, распрямилась она упругой стеной дождя и под резкий, барабанный бой грома, погнала к чернеющему на конце поля бригадному стану.

Последние метры они бежали уже по лужам. Заскочили в распахнутую дверь амбара и отдышались. На лицах мокрые, прилипшие пряди волос, ноги у Вари в черных разводьях грязи, а Иннокентий вообще в одном ботинке, а другой плавает в десяти метрах от амбарушки...

Туча нависла плотно, единой, густо-ливовой массой, стерла слабые очертания дальних хребтов, затушевала четкую, твердо проведенную еще с рассветом, линию частогокола Зареченского бора.

Амбар был без окна, а дверь, занавешенная тяжелой кисеей дождя, света почти не пропускала, и только редкие теперь уже вспышки молнии выхватывали на мгновения из полутьмы их лица. Они стояли рядом, касаясь плечами, и боялись встретиться взглядами.

Первой не выдержала этого напряжения Варя. С очередной вспышкой она резко повернулась к Иннокентию и вдруг засмеялась отрывисто и нервно, глядя на его окаменевшее лицо.

— А ведь боишься, боишься, боишься, — горячо и торопливо шептала она, тесня Иннокентия к двери.

И он, растерявшись на мгновение, отступал все дальше от нее, вдавливаясь в упругую массу дождя.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, — в каком-то иступлении шептала Варя. — Иди, иди, там где-то башмак твой плавает, — а сама поспешно стала снимать с себя платье, облепившее тело и неприятно холодившее его. А когда наконец справилась с ним и стала отжимать, то к ней вернулось спокойствие, но ненадолго — снова полоснула молния, и она увидела съезжив-

шуюся фигуру Иннокентия под дождем и засмеялась девчоночьим, почти забытым ею, озорным смехом.

— Кеша, — окликнула она, подстрекаемая вспышкой этого озорства. — Иди, помоги мне отжать, — а когда Иннокентий, безропотно подчиняясь ей, с силой сдвинул другой конец сложенного вдвое платья, потянула на себя, со смехом выкрикивая одновременно: — Ну, смотри же, какая я страшная...

Ливень затихал, когда в отжатой, но еще полусырой одежде, они стояли у двери и молча следили, как между рваными краями тучи и четко обозначившейся, волнистой линией горизонта ширится голубая полоска неба, как бы подсвеченная изнутри.

А потом, когда ливень затих окончательно, Иннокентий принес из сарая, стоявшего через дорогу, дров и прямо на земляном полу амбарушки развел небольшой костер. И они сидели на ящике, жадно тянули к огню руки, чувствуя необычную свободу, не могли наговориться.

— Знаешь, Кеша, — задумчиво говорила Варя. — А мне отец говорил, что я на маму очень похожа. Она красивая была, веселая. Отец-то рядом терялся... А на селе больше его любили. За дело, конечно. Он и дома-то не бывал, все в поле и в лаборатории. Сильно его жалели, когда мать ушла.

— Как ушла?

— А вот так. Занесло как-то к нам фотографа. Верткий, балагуристый... Вернись—нет, а он за фотографии и деньгами брал, и натурой — ну, от кого десяток яиц, а то шмат сала. А фотографии те желтели быстрее, чем огурец-семянник на грядке. Что могла найти в нем мать, ума не приложу... А ты помнишь свою маму?

— Плохо. Один только день в памяти крепко засел.

...Жизнь в Кешкиной матери угасла в одну ночь. Накануне хлопотала у реки, молила на ручной мельнице картошку на крахмал. Осенний денек выдался из погожих — солнечный, тихий. Перекликались женщины от своих мельниц, ребяташки жгли костры, пекли картошку, дымы от костров тянулись сизые, быстро таяли...

После обеда на помощь матери пришла тетя Дуся Оглоблина. Ее трехлетний Колька сразу же затеял игру — выхватывал из костра горящие головни, таскал их к реке, они с шипением гасли, а он стоял на лавнице и удивленно тарачил глазенки. Боясь, что не углядет ей за сыном, тетя Дуся велела Кешке отвести его домой — там и ты

заночуешь, нам бы с матерью к ночи управиться, не до ужина, пожалуй, будет.

А утром Кешку домой не пустили. Только на другой день пришла за ним бабушка, причитая и поминутно сморкаясь в большой платок, повела его проститься с матерью...

— Плохо, когда один остаешься, — тихо сказала Варя. — Нельзя одному, потеряться можно...

6.

Еще пацаном любил Кешка бывать в столярке. Зарывшись в свежую стружку, отдыхал он от насмешек сверстников, прятал под пахучий ворох покалеченную ногу, которую считал виновницей всех своих страданий. Затевая игры, пацаны редко приглашали его, разве только изображать раненого, но и тогда чаще всего он был неприятельским солдатом и над ним потешались: «кувырк-нога» дразнили его товарищи. Не понимали они в детской своей беспощадности, какую боль причиняют Кешке, что от нее в сто крат больше, чем от удара деревянной сабли. Пацаны только истощно хохотали да гукали вслед, когда Кешка, злой, ненавидящий их, убежал в столярку.

Там он никому не был в тягость. Дядя Леша оставлял на время работу, садился к печке и, весело поглядывая, крутил самокрутку. И, казалось, уголек сам выпрыгивал из печи, чтобы дать огоньку.

Зимой столяр мог подолгу стоять возле замерзшего окна, не обращая никакого внимания на Кешку, начинавшего от нетерпения шуршать стружкой. А оборачиваясь наконец, молодой еще тогда и подтянутый, смотрел странным, невидящим взглядом. «Тонкая работа, а не греет», — бормотал он и шел к верстаку.

«Знамо дело, — встревал тут Кешка. — Лед завсегда холодный».

«Я не про то, Кеша, — весело отзывался Алексей Иванович. — Узор тот тепла руки не чувствовал, оттого и не греет».

Кешка любил столяра вот таким, улыбающимся. Тогда и столярка становилась иной — было в ней больше света и веселья. Бодрый стук клянки сменялся повизгиванием ножовки, но самым большим виртуозом был рубанок — с каждой доской разговаривал он по-своему: с сухой перешептывался доверительно, на не совсем просохшую повышал голос, а уж когда попадалась совсем сырая, недовольно брюзжал...

Иннокентий и сейчас часто бывал в сто-

лярке — помогал или молча курил, глядя, как Алексей Иванович колдует над деревом. Вчера была обыкновенная доска, хочешь крышу на бане латай или распили на штакетник для палисада, а сегодня получилась кружевная косыночка для крыльца.

Вот уж, право, все в руках человеческих!

С Иннокентием Алексей Иванович, обычно тяжелый на общение, становился разговорчивее. Может, от того, что тот не лез с пустыми расспросами, а скорее всего легкость и простота его молчаливой оценки покоряли столяра — не любил он покровительственно-громкой похвалы мнимых знатоков, так как настоящих резчиков по дереву в Зятьках осталось двое: он сам да старик Сильвестров.

...Алексей Иванович был в столярке. Иннокентия он встретил так, будто специально ждал его.

— Давай ближе к печке садись, — распорядился он. — А я чаю налью... Печку нынче решил протопить. Ливень он на зеленя-то благодать, а мне сухость нужна.

Он принес маленький столик, приставил к нему две табуретки, в большие эмалированные кружки налил чаю, присел сам и только тогда спросил:

— Варя-то домой ушла?

— А ты откуда знаешь? — удивился Иннокентий.

— Денисовна прибежала. Напугалась она, как вы в грозу-то этакую. А ты чего не в себе-то? С Варей не поладили? — просто, без выкрутасов спросил Алексей Иванович, и Иннокентий не сдержался, рассказал ему все.

— Не верю я ей, — распалился под конец, но осекся под пристальным взглядом Алексея Ивановича, в котором таилась тихая грусть о чем-то своем, в свое время не досказанном.

— Не стал бы я, Кеша, пожалуй, говорить, — он потянулся к чайнику, добавить погорячей. — С другим бы точно отмолчался, а с тобой не могу — схожи мы. Я ведь давно к тебе приглядываюсь.

Налив кружку с краями, Алексей Иванович поставил чайник и долго не убирал руки с его дужки.

— Я, Кеша, жизнь к реке приравниваю... Вот родился я... Жил до твоих лет. За отцом, за матерью, как речка подо льдом. Тихо было, спокойно, как тебе за бабушкой. Поди определи, незнающий человек, где яма, где быстринка. Хотя и на спокойной речке полыньи водятся. Там, где ключи бьют, — и снова на его лицо легла тень мимолетной задумчивости.

— Дядя Леша, руку убери, тебе же неловко, — попросил Иннокентий, и Алексей Иванович, будто стяхивая с себя дремоту, смешно провел рукой от чайника к лицу, потом снова к чайнику и наконец оперся ею о край стола.

— Значит, жил, характер наживал. Может, с твоими годами сравнялся. Тогда свою стремнинку разглядел, свою Валентину. Я к ней, она ко мне. И закрутило нас, завертело... Так и с тобой будет.

— Чего это, — пробормотал было Иннокентий, но Алексей Иванович остановил его.

— Одному, Кеша, нельзя. Серенькая она будет, жизнь-то, когда один, долгой покажется... Хмельно нам было с Валентиной, когда жизнь-то нас свела. Для реки тоже удержу нет, когда она талые воды примет. Это потом, когда в берега войдет, спокойна она. И люди так. Перегорят чуток, порастратят первую силу в молодых ночах, а потом экономней станут, чтобы детей поднять, с внуками понянькаться... Река, Кеша, запруды не любит... Так-то вот... Ты уж прости, если что не так сказал.

Чай остыл. Подогреть не стали. Алексей Иванович молча поднялся из-за стола, ушел ненадолго за печку и вынес оттуда две доски, осторожно положил на верстак.

— Посмотри-ка, что я задумал.

— Прячешь-то зачем доски? — покосившись на темный закуток за печкой, усмехнулся Иннокентий. — Это ж не самогонный аппарат.

— Так не сделанная ж работа. Как ее чужому покажешь. Стыдно, поди, станет? — удивился столяр.

Легонько, как кисточкой, водил Иннокентий пальцем по узорам козыревого изделия. Пристально всматриваясь в слегка намеченные карандашом и стамеской завитушки и листики, пытался разгадать тайну их необычной простоты и легкости.

Томимый ожиданием, Алексей Иванович напряженно следил из-за плеча младшего товарища за его рукой, словно в движении ее была сокрыта некая оценка. В прерывистом и горячем дыхании столяра Иннокентию слышались нетерпение и упрек, но он не спешил оценить, казалось, боялся спугнуть словами разгадку не тайны работы, а самой жизни Алексея Ивановича. Не по меркам окружающих Иннокентия людей жил он. В своем деле искал не выгоду, а красоту. И она, противница громких слов, лени и зависти, была дружна с молчаливым, на первый взгляд, робким столяром.

Над молчаливостью Алексея Ивановича в деревне порой подсмеиваются. Мужичку скоро сравняется пятый десяток, а он за всю свою жизнь меньше наговорил, чем жена его за неделю. Валентина, в отличие от мужа, сухопарого и сугулого, — маленькая, но округлая и бойкая на язык бабенка. Любого до головной боли заговорит, а Алексею Ивановичу все нипочем.

— Алеша, — включается в давнюю игру кто-нибудь из женщин и начинает с подначки. — У нас молодые нынче про любовь разучились говорить. Рассказал бы, как с Валентиной объяснялся.

— Тоже соловья выискали, — не выдерживает тут Валентина, а игрокам только этого и надо.

— Не у тебя спрашиваем, у Алексея Ивановича, — скажет кто-нибудь и примолкнет в ожидании.

Ничего не ответит Алексей Иванович насмешникам, а только покачает неодобрительно головой и отойдет в сторонку.

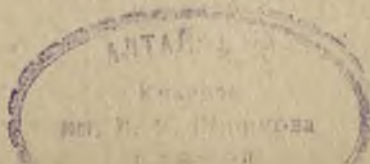
И тогда Валентина с придыханием, буд-то в первый раз, начнет:

— Ой, и вспомнить-то... Я еще материны платья донашивала, когда мой Алексей Иванович к нам ходить повадился. Зайдет вечером, шапку снимет и стоит... Ну, как столб. Тятя валенки подшивает, а то шорничает. Оглядит он Алексея Ивановича и к себе зовет: «Давай, парень, дратву сучить». Бывало за вечер на неделю вперед заготовят. И все молчком. Потом тятя спасибо скажет, а Алексей шапку на голову и в дверь. И хоть бы полсловом обмолвился. Тятя меня следом посылает: «Проводи парня. Загря не на привязи, не ровен час кинется». А Загрю уж месяц, как волки задрали. Да разве ослушаешься? Раньше по-другому жили, родительского слова держались. Так что и вышло — не Алексей Иванович, а я его провожала. Вернусь домой, тятя строжится: «Опять по зауглам целовались? Алешка, он мастак девкам глаза заговаривать». Вот и дострожился. Вышли мы как-то с Алексеем Ивановичем, стали у нашей калитки, тут я ему на шею и повесилась. А он разве ждал прыти-то такой? Шмяк в сугроб, а я сверху. Так вот и живем, — заканчивает она под взрыв хохота.

Но всего обиднее было Иннокентию, когда прошлой осенью в общий разговор встрял Митя Чалый.

— Тихой Алешка, завсегда тихой. Поди, и ребятишек не он накатыл.

Перегнул Митя, перешагнул дозволенный предел. И уж совсем было собрались

мужики намять ему бока, но помешал Алексей Иванович.

— К чему срамиться.

Пытался, и не раз, Иннокентий разобратся, почему не выдержан, а порой и зол бывает в шутке своей человек. Натешится такой балагур над столяром, а часом позже как ни в чем не бывало тащится с просьбой:

— Алексей Иванович, литовку бы насадил. Алеша, черешок у граблей сломался...

И столяр молча будет делать и советиться, если задержит заказ из-за срочной колхозной работы.

Где правда? Уж не в его ли словах?!

— Пустое это, Кеша. Разве надо мной смеялись? Народ над усталостью своей смеялся. Время-то уборочное, горячее. А что я подвернулся, так и другой мог. Нынче по мне прошлись, завтра, может, за председателя примутся.

— Скажешь, и Митя Чалый от усталости? — не сдавался Иннокентий.

— Нет, Кеша, не от усталости он и не от веселья. Митя страх свой прячет. Боится, что на него перекинута. Тогда другой смех будет, злой.

— А что ж жену-то не одернешь?

— Ее не трожь!

Алексей Иванович взволнованно заходил по столярке, брал за чем-то с верстака рубанок, но работы не начинал.

— Разного дерева мы с ней. Как ни подгоняй, а все различие видно. Да и разговор у нее обо мне с добротой... А что оборот у него иной получается, так это против воли ее...

— Нет, я б не сдержался, — стоял Иннокентий на своем.

— Как знаешь, — тихо сказал Алексей Иванович и, помолчав, добавил: — Злым куда легче быть, чем добрым.

Иннокентий еще постигал этот закон жизни. Для Алексея Ивановича он был непререкаемым. Если кому-то больше подходила поговорка «лень вперед родилась», то о столяре чаще говорили иное: «Поперед совесть его белый свет увидела, а потом уж сам Иваныч».

Со стороны посмотреть — странно получается: над человеком подсмеиваются, а он молчит. Была у Алексея Ивановича на то своя причина — столярную работу свою он считал легче какой-либо другой. По его выходило, что Иван Панов, к примеру, за страдный день за баранкой больше руки надергает, чем он за неделю. Так почему же не простить человеку, коль, устав, сорвется он порой.

Так, наверное, всегда получается — чужая работа пугает, кажется несоизмеримо тяжелее, вызывает уважение.

За работой Алексея Ивановича редко кто видел, чаще ахали и охали над готовой вещью. И мало кто задумывался, каких трудов это стоило. Главное, недорого брал столяр за вещь необходимую, удобную и красивую...

— Сонный ты какой-то, Кеша. Спрашиваю, спрашиваю и все без толку, — настойчиво пробивался к Иннокентию горячий шепот столяра. — Как, не переборщил я тут?

— Чего переборщил? — поворачиваясь к Алексею Ивановичу переспросил Иннокентий.

— Чего да разчего, — добродушно заворчал тот, радуясь возвращению к разговору. — Легкость я боюсь потерять, — продолжал он, взмахнув руками.

Много ли надо человеку: понимание, участие — и тогда у него для тебя такие слова найдутся, от которых голова слегка кружится, будто идешь по-над водой...

— Клуб — это, Кеша, не просто клуб — это праздник. Да что говорить, видеть надо... — Столяр, отстраняя Иннокентия, потянулся к доске, а когда выпрямился, держа ее в руках, и поднял взгляд, то споткнулся на полуфразе — не слушал Иннокентий, а если и пытался что-то представить, то только не крыльцо будущего клуба. — Да, Кеша, — вздохнул Алексей Иванович. — Вот и ты... — И не договорил, понес доску на старое место, за печь.

7.

До позднего вечера просидел Иннокентий у Алексея Ивановича. Бабушка несколько раз присылала Борису звать к ужину, но он никак не решался идти домой. А когда распрощались со столяром, ушел к реке, долго сидел на перевернутой лодке, прислушиваясь к лепету воды.

Заглушили мотор на электростанции, а он все сидел, курил папиросу за папиросой, напряженно обдумывая мысль, терзавшую его весь сегодняшний вечер. Никак не мог он понять, что его настораживает в отношениях с Варей — может, чаловские рассказы, а может, он просто заставил себя придумать хорошую сказку с хорошим концом?! Придумать, конечно, много кое-чего можно, но не всему найдется место в жизни.

Было далеко за полночь, когда Иннокентий тихо прошел в пристройку и, сев к столу, зажег лампу. Фитиль был новым и лампа долго коптила, а когда разгорелась, то стены ожили, зашевелились, и за спиной у Иннокентия, в проеме окна, выросла тень. Лампа то горела ровно, то вдруг пламя захлебывалось, и она снова начинала коптить, а тень съеживалась, будто хотела спрятаться.

— А... будь что будет! — наконец решился он и, стараясь не скрипеть половицами, пошел к Вариной комнате. Возле двери он остановился и, сдерживая дыхание, прислушался. Ему вдруг почудилось, что кто-то подсматривает за ним и он, мысленно ругая себя, также осторожно вернулся назад в пристройку.

Ночью ему не спалось. Ломило покалеченную ногу и эта ломота напоминала ему о Мите Чалом. Он пытался обвинить его во всем, но вдруг ясно понимал, что ненависти нет. Может, оттого, что где-то втайне жило в нем четкое представление о всей пустоте и никчемности Митиной болтовни, а вернее всего, отрезвляло чувство превосходства... А в честной игре сильный слабого не обидит. Да и хорош бы он был, связавшись со стариком...

Под утро стало совсем немоготу и, накинув телогрейку, Иннокентий вышел на крыльцо. Закурил папиросу, но тут же скомкал, выбросил.

— Объяснюсь завтра. Обязательно, — решил он и пошел спать.

Но утром с Варей поговорить не удалось, а после обеда Иннокентий уехал в город — получать новый трактор.

8.

В сенокосную пору вечер укорачивается. Два, от силы три часа живет деревня домашним делом, в котором хозяйки изо дня в день и все понапрасну ищут конца, но вот уже отзвенели по дворам подойники, и дымы летних кухонь растворились в ночи... Если плыть сейчас по реке, то воды не увидишь, ход лодки можно определить по тому, как с глухим всплеском идет весло, и вода торопливо бормочет, обтекая лодку, а мимо плывут деревенские огоньки. Но вот погасло одно окно, другое, третье... Деревня прибирается ко сну — завтра опять за дело, которому нужен свежий работник...

Пустынна и темна улица. Кажется, грешно потревожить ее покой. Но вот скрипнула где-то калитка, и Варя невольно

оторвала голову от подушки, настороженно слушая, как кто-то, не разбирая дороги, скребется непослушными ногами. Вот этот кто-то поравнялся с макаровским домом, и по-сварливому бормотанию Варя узнала Митю Чалого. Этим летом определился он в общественные пастухи и теперь ходит от дома к дому, собирает коровью подать, а нынче, зная, припозднился. Вернее всего, в каком-то доме, а может, и в двух, беспокойная за свою скотину хозяйка, поднесла ему водки, нашептывая при этом: «Ты уж проследи, Дмитрий Северьянович, не ровен час, отелится коровенка, отобьется от стада, где ж ее в лесу сыщешь». Завтра, пока не откроется магазин, будет он держать стадо на Кармакульской поскотине, а опохмелившись, заляжет в шалаше, построенном ребятишками для игр, и тогда коровы, спустившись к реке, забредут в воду по брюхо и будут так стоять до обеда. Крепко начал попивать в последнее время Дмитрий Северьянович и стал еще более несносен. Давно бы выгнали его из пастухов, но охотников на эту должность не водилось. К тому же хорошо запомнилось прошлогоднее лето, когда за неимением пастуха, пасли поочередно, от двора к двору — болел ли, занят ли, но пришел твой черед и будь добр, бери в руки пастуший кнут...

Проскрипела за стариком калитка и снова стало на улице тихо, а Варя ворочалась, не могла уснуть. Хотя вечером, после возвращения с Сухореченских покосов, хотелось упасть на кровать, не раздеваясь — так устала за сегодняшний день.

Утром, наскоро позавтракав, побежала она в библиотеку за газетами, оттуда к художнику — оформить две «молнии», а ближе к полудню на парткомовском газике поехала по бригадам.

После недели дождей третий день стояла ведренная погода, и люди спешили навестить упущенное. На стенах было пусто. Варя торопливо вешала на видном месте «молнию», газеты клала на обеденный стол и спешила в другую бригаду.

Последними в маршруте были сухореченские естественные сенокосы. Тракторным граблям и стогометателю здесь негде было развернуться. Почти все работы велись вручную. И чаще всего силами шефов из райцентра. Нынче их привезли на двух автобусах и, разделив на два звена, в каждое выделили по стогоправу из своих. На устье, куда приехала Варя, на стогу стоял Алексей Иванович Козырев. В страдную пору его частенько отрывали от столярных дел.

Газеты расхватили мигом и, пользуясь поводом, устроили перекур. А Варю позвал Алексей Иванович, стал расспрашивать об Иннокентии, но она только пожимала плечами в ответ — самой бы хотелось знать, почему он таится от нее, больше недели прошло, как вернулся из города, а поговорить не удалось.

Чувствуя, что Алексей Иванович не случайно заговорил с ней, Варя, к удивлению шофера, заявила, что остается и вечером приедет вместе с шефами на автобусе. Грабли для нее нашлись, и она оставшиеся полдня гребла, копнила, а ближе к вечеру даже таскала копны в паре с лысоватым и страшно разговорчивым бухгалтером из райбыткомбината. Он, то и дело вытирая пот с залысины, пытался доказать Варю, что, мол, деревня стала хуже, упрекал ее жителей в лени, с радостным удивлением восклицал: «При нас-то вот как было, а сейчас что?» Как большинство бывших сельских жителей, бухгалтер со сладкой истомой в голосе вспоминал и отстаивал свою деревню, десяти, а то и двадцатилетней давности. Нынешнюю он не понимал, а порой и не желал понять, не верил в ее проблемы. «При такой-то технике, — надоедливо вскрикивал он, — когда на гектар по комбайну-то...»

Но Варя плохо слушала его. Ей не терпелось снова оказаться рядом с Алексеем Ивановичем и попытаться любой ценой выведать недосказанное им. Но во время редких перекуров мешал все тот же бухгалтер, неотступно преследующий Варю своим молебном о деревне, а в автобусе их места с Алексеем Ивановичем оказались в разных концах.

Домой возвратились затемно. Отказавшись от ужина, Варя пошла спать, но как ни устала, уснуть не могла. Назойливо вспоминался дневной разговор с бухгалтером, его сменяла перебранка, которую два дня назад устроил Митя Чалый. Пришел он в библиотеку навеселе и, не здороваясь, потребовал у Вари книгу — пособие для пастуха. Часом позже вся деревня знала, что это очередной розыгрыш, но тогда Варя со всей серьезностью пыталась объяснить старику, что такой книги в библиотеке нет, а вот поедет она через неделю в райцентр и там обязательно спросит о ней.

Утомил Митю Алексей Иванович. Как раз вовремя пришел он обменять книгу. Смешно и грустно вспомнить, как тащил он Митю к двери, а тот, цепляясь руками за столы и стулья, кричал благим матом: «Шибко культурные стали! В городе обо-

пнуться не успели, а уж должности им подавай. Пошто это они, в городах побывав, в доярки аль в телятницы нейдут, а все при должностях. Ишь наострились в кабинетах стулья юбкой обметать».

Если хорошо вдуматься, то какое отношение имеют Митины слова к Варю — каждый вправе выбирать работу, которая ему нравится. К тому же она училась на библиотекаря, а что не сумела закончить институт, так то не ее вина...

Все ведь понятно, а тогда расплакалась, и Алексей Иванович как мог успокаивал ее, горячо рассказывая ей о давно известном — об уважительном отношении человека к книге.

Да, она любит свою библиотеку, разноцветные ряды книг на стеллажах, хранящих в себе многовековую мудрость, легкий шум по вечерам в читальном зале, когда перед фильмом сойдутся за шашечными и шахматными досками зятьковцы всех возрастов. Чего же тогда неловко на душе? И ощущение такое, будто временный ты человек на этой земле. И не свой, и не чужой.

Неожиданно пришла мысль, что мучается она оттого, что не хочет признаться в любви к Иннокентию, и Варя не смогла прогнать ее, так как действительно знала, что любит.

Набросив халат, Варя вышла на крыльцо. С реки полз предутренний туман. Набивался он в огородах и переулках так плотно, как ложится сено в сарае под опытной рукой рачительного хозяина. В трех, а может, пяти шагах проступали темные пятна амбаров. «Все под настроение, — грустно подумала Варя. — Вот и утро заплутало в тумане».

9.

В конце июля Варя меняла библиотечки на сенокосных станах. Утром загружали они с киномехаником парткомовский газик книгами и киноаппаратурой, а возвращались домой далеко за полночь. В одну из таких поездок забрались на Марфинские покосы. Здесь звено заканчивало сенокос. Гребли на самых дальних, плохо приспособленных для косьбы мысах. Кочкарник. Трактором не проедешь. Конные грабли на мысы-пузыри, перетянутые лентами болот, протаскивали старой гатью, мощеной еще в первые колхозные годы.

Стыдно было уезжать, увидев, как мучаются люди на этом проклятом многими поколениями зятьковском покосе, и Варя,

с молчаливого согласия киномеханика, осталась помочь. И надо же было случиться такому, что, разогревшись на работе, хватил ее студеной, как лед, воды. Вечером, по дороге домой, почувствовала жар, а утром увезли ее в больницу с воспалением легких.

Случилось это в конце июля, а ныне уже отсенокосили в округе, с полмесяца как за хлеба взялись, теперь недолго страдовать осталось...

Вчера Денисовна с попутным молоковозом скатала в райцентр, навестила больную. Варя вышла на больничный двор, и они посидели на лавочке под тополем, больше говорили про Бориску.

— Какое тебе за него беспокойство, — успокаивала Денисовна. — Со мной малой. А как Кеша дома — к нему льнет... Не чужой, поди, ему, только разве отцом не зовет...

Варя хотела спросить, почему же Иннокентий о ней забыл, почему ни разу не навестил, но не решилась. Да и что бы ей могла сказать Денисовна, когда и она не знала, что Иннокентий несколько раз приезжал в райцентр, подолгу стоял под окнами Вариной палаты, а объявиться не посмел.

10.

А дома Денисовна до поздней ночи хлопотала по хозяйству. Весь дом на ней, как без хлопот-то.

Летом она, бывало, по дому топчется. Огород требует ухода, а потом готовит на три семьи варенье и солонину. Осенью Иннокентий собьет ящички и отправят они домашний гостинец по двум адресам — Николаю в Барнаул, Марии и того дальше, живет младшая в Хабаровске.

Вскоре ящички вернутся назад. Будет в них платок для старухи, Иннокентию рубаха. А то развернет Пелагея рубаху, а там бутылка вина, этикетка черусская. В сельмаг такого не привозят. Это подарок зятя. Покрутит Иннокентий бутылку, за ужином нальет себе стопку, бабке половинку и поставит вино в шкафчик (не избалованные, поди) до более удобного случая.

Кроме гостинцев, достанет старуха из ящичков свертки со старой одеждой и станет раскладывать на лавке по цветам. Пестренькое внучкино платье на один край, белую майку сына на другой...

Каждую вещь она осмотрит со всех сторон. Иногда покачает головой — неаккуратист зять, рубашка совсем новая, а рукав папироской прожег.

Разбирая присланную на дранки одежду, старуха узнает о семьях своих детей больше, чем за их короткие, спешные наезды домой.

Маша, пожалуй, крепче живет, гляди какие наряды справляет дочери, не отказывает в обновах и мужу, а вот Николаю не повезло, невестка, по одежке видно, любит принарядиться, а мужа не балует — белье у него совсем застирано.

В такие часы Иннокентий любит сидеть у печки и курить под негромкое бабино бормотанье.

После ноябрьских праздников, длинными зимними вечерами, старуха готовится к главной работе. Скручивает дранки, красит их. А ближе к весне, когда солнце смелее заглядывает в горницу, Иннокентий ставит красна. И начинается главная работа.

Дорожки ткали во многих домах. Считалось это делом обыденным, от которого дохода на копейку, разве неспешное зимнее время скоротать.

А старуха в этой работе забывалась. Иннокентий даже порой сердился на нее. Стоит ли горбиться, не на стену пойдет, под ноги... К тому же у детей городские квартиры, с коврами...

Незадолго до вспашки огородов старуха заканчивала работу. Теперь бы самый срок продать дорожки, оправдать нелегкий труд, весной и копейка дорожает, но Пелагея свертывала дорожки и относила в амбар.

Иннокентию казалось грешно прятать такую красоту, и он тайком находил покупателя. Старуха никогда не спрашивала потом, кому продал, как сторговался.

День ко дню, неделя к неделе — пробежало лето. А однажды, осенними сумерками, Иннокентий приносил с почты посылку. И все повторялось.

Нет покоя на сердце у матери. А скоро, ой, скоро, дорожка ляжет туда, где раньше времени, опередив мать свою, нашел покой один из сыновей. Он-то поторопился, а как ей уйти? На кого оставить внука? «Осподи! — просила она не раз. — Дай Варваре щедрое сердце. Хорошо по земле ходить, но возьми тепла от меня, отдай ей». И верила, что дошла ее просьба, неважно до кого, главное, что он сильный, он поможет Варе преодолеть самое себя, а там уж ее, Денисовны, забота. Тут уж она постарается. Сколько лет помогала Кеше выпрямиться... Кто скажет теперь, что внук у нее плох. Плохому работнику разве доверят

такую машину. Трактор нынче у Кеши «Кировец». Нет, Кешу в работе никто не охает... Отчего же тогда беспокойно ей? Завтра вот Варю домой привезет... Радоваться бы...

11.

Утром распадки курчавились туманом, но к полудню, когда Денисовна с Варей выехали под Баваганский Яр, разветрило. По реке гнало рябь, и лишь в камышах зеркалили прогалины, недоступные для легкого ветерка. Дорога подсохла. Утром по ней прошли машины на элеватор. Укатыли. Таратайка катилась легко. Встречных не было, и догонять было некому — с элеватора машины пойдут только к вечеру. Опустив вожжи, Денисовна подремывала. Вчера, уже в сумерках, начала она прибирать в доме, и хлопот бы этих хватило до утра, но во втором часу ночи погасили свет.

— Баба Поля, а ты вздремни, — видя, что старуха клюет носом, сказала Варя. — За лошадью и я посмотрю, — и голова ее, вздрагивая, опустилась на грудь.

— Ты поплачь, поплачь, Варенька, — запричитала Денисовна. — Стыда в том нет. Это горесть со слезами выходит. Полегчает тебе.

— Быть-то как? А-а-а? — Варя подняла голову, посмотрела так, словно хотела опереться взглядом. — Я же уезжать собралась. И письма куда надо написала.

— Как уезжать? — не поняла Денисовна.

— Я и сама не знаю, что со мной происходит, — Варя опустила голову, вытерла слезы. — Хлопочешь ты из-за меня, хлопочешь, я... Не хотела говорить, но и скрывать от тебя, баба Поля, нельзя. Поначалу мне легко у вас было, вроде б как дома, у отца с бабушкой. Потом разговоры всякие по деревне пошли. И тогда я наперекор им решила поиграть с Кешей, влюбить в себя. Помнишь рыбалку-то? Пыталась я тогда пококотничать с ним, будто невзначай спросила, отчего он не женат до сих пор, может, женщин боится. Так знаешь, что он ответил мне? Я, мол, на равных хочу. Мне, баба Поля, страшно тогда стало за ту женщину, которую любить он станет. Для него ведь нельзя быть просто женой, таких среди нас много, его любить большой любовью надо. Я в больнице-то о многом передумала... Люблю я его, но, видно, не так. Иначе почему же сторонится он меня...

— И от этой беды ты бежать наладилась? — спросила, улыбаясь, Денисовна и,

дождавшись ответного кивка, сказала уже без улыбки: — От себя-то разве убежишь... А на новом месте как будешь, хворая ты еще. Здесь же какая ни есть, а своя. Мало бы мне, а то секретарь партийный, Алексан Егорыч, сколько спрашивал, когда Варя выпишется, в новую библиотеку въезжать станем скоро, как без хозяйки.

— Баба Поля, — Варя приподняла голову. — Как же так? — она заморгала часто, готовая вот-вот вновь расплакаться, но сдержалась.

— А ты погоди собираться-то... И казнить не к чему, — Денисовна пододвинулась к Варе, обняла ее и та, как малый ребенок, притихла в ожидании ласки и участия. — Конь-то, гляди, как мордой крутит. Ну, пусть постоит. Нам разве к спеху. Он постоит, мы посидим. День-то как разгулялся. Я ведь так метила: бабочка сколько в больнице томилась, дай запрягу Мха, тихохонько поедем, леточко наше, бабье, догуляем. Можно бы и на машине, не отказали бы, да на лошадке сподручнее, где захотел, там и остановился, сам себе хозяин. Скоро не посидишь так, скоро холода пойдут, к печкам прогонят. — И, помолчав, Денисовна построжилась. — Вытри-ка слезу. Нече по пустякам лить. Сушит она бабу, а тебе выправляться надо, — она вздохнула и, высвободив руку, провела ею по Вариной голове. — Волосы у тебя, девка... Цены им нет.

Варя ничего не ответила, молча тронула лошадь.

12.

Первой в доме просыпается Варя, но лежит, закрыв глаза, и слушает: еще темно, но уже проскрипели за окном доски тротуара — это уже за Қозыревским амбаром; вчера Кеша наехал трактором, а починить было некогда, вот и оступился Николай Черемных. Если не зашибся, то через двадцать минут запустит двигатель электростанции, а доски тротуара теперь уже будут скрипеть без устали — следом за джирками пробежит легкий на ногу бригадир Пушмин, под грузным председателем Тихоном Ивановичем Саваловым доски будут постанывать. И так весь день.

В пристройке, куда дверь всю ночь была открыта, слышно, как задают храпака Иннокентий с Бориской. Словно состязание у них — чей нос дольше свистуна протянет. Растолкать бы их, потревожить, а то будут до самого завтрака переключаться. Да неловко ей идти в пристройку.

Варя тихо улыбається, вспомнив, как растерялся Иннокентий в день ее приезда. Она видела, как потоптался он во дворе, а в дом войти не решился, ушел и бродил где-то до полуночи... Все-таки волновала его их встреча. И все-таки жаль, что он не показался ей в тот вечер.

Странная она все-таки баба. Кажется, достаточно намаялась в тот день, а уснуть до его прихода не смогла. А в грозу весной на Букинском стане — не она ли бесстыдно растелешилась, сама позвала, а когда стала полусырое платье натягивать, приказала парню отвернуться...

Спала ли, не спала Варя, а окна уже серые, словно посыпанные пеплом. Заскрипели половицы в горнице, значит, поднялась Денисовна. Теперь дом начнет просыпаться.

Еще минут сколько-то лежит Варя, молча прислушиваясь к нарастающей жизни нового дня. Суетное нынче выдалось утро. Денисовна собралась в Игирму к свату Егору Борисовичу Савелову, который передал с оказией, что знает, где можно побраться последней, прихваченной морозом брусники, а потому торопилась.

— Бориска! — тормозит она мальчонку. — Тебе мой наказ — от дома ни на шаг. Побудь нынче с матерью, — и уже как к взрослому, с нарочитой серьезностью: — Воды и дров с дядей Кешей в баню наносите. Обернись домой, топить будем.

— Кеша! — слышится ее голос уже из сеней. — Перевези меня в Заречье.

Варя представила сегодняшнее утро, увязшее в тумане, услышала глухой перестук весел с борта лодок, невнятные голоса на реке...

Отстрадовала деревня, сегодня, в первый выходной за всю осень, не одиночно, не тайком от бригадира и председателя, а вольно уже, двинет она в Зареченский бор искать не обитые, не истоптанные еще брусничные палестины...

Уехала Денисовна, а перед дорогой не зашла, не попрощалась. Варя заметила уже, что последнее время она ведет себя как-то странно по отношению к ней — не сторонится, но и не приветчает, как прежде, и как бы оберегает Иннокентия от нее. Вчера он заряжал патроны в своей пристройке, Варя зашла посмотреть на его работу и тут же появилась возле стола с боевыми припасами Денисовна, сунула Иннокентию кусок бересты — вырубай пыжи, а сама занялась набивкой. Пригала мерка в ее руках, прыгали, катились по столу дробины. «Дай я», — просил Иннокентий, но Денисовна от-

водила его руку, а своей, вздрагивающей и неловкой в исконно мужской работе, шарил по клеенке, собирала свинцовые горошины. «Эко, шаловливы», — ворчала она. Но пыжи забивала она толково. Варя трясла патрон над ухом — дробь молчала. «Ловко», — удивлялась она. «А чего ловко», — не без гордости отвечала Денисовна, не оставляя работы. — В нашей родове все к ружьям приучены с малолетства. Были охотники, да всех война перевела. Только что сват Егор и остался... — руки ее задрожали пуще прежнего, она попыталась утвердить их на столе, но непароком зацепила локтем строй солдатиков в латунных шинелях, покатились, застучали, падая, гильзы...

А где же это Иннокентий потерялся? Неужто и он не заглядывает? Одной-то день долог кажется. Варя выпростала ноги из-под одеяла и так замерла, прислушиваясь, но в доме было тихо.

Иннокентий с Денисовной в это время плыли по реке. Солнце еще не встало, но окна за их спинами пламенели. Осенние проводины обернулись летней зорькой.

Денисовна молчала. Уткнулась взглядом в зареченский берег и непонятно было — тянется она к нему или оттолкнуться хочет.

— Отплаваем скоро, — тихо сказал Иннокентий. — Вот уже и забереги прихватывает. Не сегодня-завтра снега падут.

Он постоял на берегу, подождал, пока бабка поднимется на взвоз и только потом оттолкнул лодку.

— Ты вот что... Замешкаюсь, так без меня баню затопишь, — услышал он, уже изрядно отплыв, но не видел, как тяжело опустилась возле сосны Денисовна и долго сидела в глубоком раздумье.

А на другом берегу не своя, не чужая в макаровском доме, плакала Варя.

13.

Поле крайнее, дальнее. Косогористым клином уходит оно к колхозным лесосекам, в вершину ручья Черемошного. В сумрачные осенние дни тайга, когда-то недалеко отступившая под топором сибирского мужика, будто угрожает полю почерневшим пихтовым воинством, перед которым кое-где грудятся ватаги лихого листвяка. В солнечные дни округа молодеет. Звенят медью осины, рябит в глазах от бегущих по косогору берез, взгляд теплеет, остановившись на стеленном наряде пихтача.

Поле перехвачено дорогой. Пользуются ей один месяц в году, в июне, в пору вывоза

дров. Не однажды перепыхивалась дорога беспечным трактористом, поленившимся поднять плуг и, обрезаемая у краев поля, зарастала, затягивалась травой. Но люди, проторившие ее много лет назад, знали счет времени. И однажды, изматерившиеся на болотинах объездной дороги шоферы, накачивали ее вновь.

За дальностью своей поле пахалось последним. Нынче ему повезло на хорошего пахаря. Не торопясь подобрал Иннокентий все клинышки, не дал заезваться, запахать проселок Володьке Козыреву. Парня очень мытарил по бригадам, и нигде он со своим стареньким ДТ-54 не прижился. Кто знает, чем бы все это кончилось, но разобрался механик в неблагополучии, определил парнишку напарником к Иннокентию. Этот материться не станет, сам полезет под чужой трактор, Володька же из занозистых, не потерпит, ночами будет сбивать пальцы гаечным ключом, дорогу к фельдшернице Лильке забудет, но не подпустит второй раз Иннокентия к своей машине.

До Черемошного напарники неделю пахали Балаганские поля. Володька повеселел. Если полмесяца назад подумывал он наострить лыжи из колхоза, мало ли леспромхозов вокруг, то теперь, глядя на Иннокентия, почувствовал зверский аппетит к той самой работе, которая раньше казалась самой неблагоприятной на свете.

В Зятках успокоились куры, по причине своей короткой памяти скоро забывшие треск Володькиного мотоцикла, но зато всполошились старухи — Лилька стала рассеянной, банки на немощные их спины ставила сердито, подолгу в немом раздумье сидела на крыльце, пока терпеливая старушонка не начинала верещать по-заячьи, чувствуя, что душа покидает ее.

А Володькин трактор тем временем бороздил поле в Черемошном. Но всему бывает конец: сошлись два агрегата, дряхленький, переживший все пенсионные сроки «детэшка» и «Гулливёр» К-700 на проселке и, блеснув лемехами, замерли.

Первым на землю прыгнул Володька и ловко, одним щелчком, выбив из пачки сигарету, закурил.

— Кеш, — умоляли его глаза, — может, спичку потянем?..

Иннокентий, не вылезая из кабины, оглядел поле, промерил взглядом узкую полоску стерни... Последняя борозда. Рано нынче с зябью управились.

— А чего тянуть, борозда-то последняя, грех ее на твоей развалине допахивать. Ясно.

— Куда яснее, — усмехнулся Володька. — А если на людей-то перевести, то старику, коли топор или рубанок тяжел, то и ложка за обедом не с руки.

Иннокентий, которого Володькин упрек застал врасплох, не нашелся, что ответить, молча отогнал свой трактор в сторону.

— Вот это по-нашему, — повеселел Володька, одним махом запрыгнул в кабину и бесшабашно заорал: — А ну, трогай, дедушка! Авось праздник у тебя сегодня, глядишь, последнюю борозду тянешь.

И вот бежит впереди трактора узкая полоска жнивья, а за плугом и вокруг Иннокентия лежит вспаханное поле, ровное, опустошенное, не за что зацепиться взглядом. Когда-то на этом поле Кешка Макаров с молчаливого благословения Ивана Тройного провел свою первую борозду. С каким остервенением сжимал он рычаги, боясь, что «детэшка» выскочит из борозды. А теперь вот Володька последнюю борозду на этом «детэшке» тянет...

Истинный, необъяснимый обычными словами смысл своего труда познаешь чаще всего внезапно. Так вот, глядя на вспаханное поле, Иннокентий неожиданно увидел его изнутри... Он почувствовал его великую силу, которая заставляет по весне сухое и маленькое зернышко выпрямиться в зеленый росточек, а тому тянуться потом все лето к солнцу, переплетаться со струями дождя... И будет по осени кланяться полю колос, вобравший в себя янтарь и силу земли, солнца и дождя...

— Кеш, ты чего, задремал, да?..

Внизу приплясывал Володька, а в глазах у него хохотали веселые чертенята, сродни тем, что тешили Иннокентия после хорошей работы.

— Кеш, — не давали они ему покоя. — А ведь отпахались...

14.

В Зятки приехали к вечеру. Трактора мыть не стали, поставили как есть за кузницей — кто знает, какая еще работа будет.

Уже подходя к дому, Иннокентий вспомнил о бане. Денисовна запаздывала, так что все хлопоты падали на него.

Затопив каменку, Иннокентий спустился к реке. Минувя деревню, пылили машины с ягодниками из райцентра. Не иначе в Качинском бору топтали брусничник. Ягоду оттуда не они, так другие вывезли еще зеленым и теперь наверняка сгоняли впусую, повинувшись вчерашним разговорам о полных ведрах.

Протопилась одна каменка, затем другая...

Слазал Иннокентий за свежим веником на подволоку, а Денисовны все не было.

«Уговорил, поди, дядька, ночевать оставил, — с грустью подумал Иннокентий. — А Варя слаба еще, одну в баню пускать боязно. Может, Степановну позвать?»

Он вышел на улицу. Днем тиха и безлюдна, к вечеру деревня ожила — люди потянулись, кто к соседям, кто в клуб. За околицей, где-то на полдороге от ферм, дьярки повели песню...

Иннокентий постоял молча, прислушиваясь, в надежде, что песня вернется, но она не возвращалась и ему не то, что взгрустнулось, а стало как-то томительно... Солнце между тем скатилось к хребту. Пробежали через улицу тени. Заскрипели, захлопали калитки. Будто дождавшись своего часа, побрели на улицу старики и старухи — день провожать.

А к Степановне приехали гости и, уже изрядно подвыпив, шумели так, что было слышно на улице. Какая теперь надежда на нее...

Дома Иннокентий долго топтался возле двери Вариной комнаты, не решаясь зайти. Заглядывал он сюда редко, если уж сама позовет.

— Ты чего, Кеша?

Оклик был неожиданным, и Иннокентий, растерявшись, подался ему навстречу. Варя сидела на кровати, закутавшись в одеяло.

— Уж не с Денисовной ли что? — испугалась она.

— Ага, — бухнул невпопад Иннокентий, но тут же опомнился. — Нет ее, не приехала, а баня истоплена. Одна-то помоешься?

— Так вот ты о чем, — улыбнулась Варя. — Полегче мне, как-нибудь сама.

Она собрала белье и осторожно, на ошуль, пошла из дома. Иннокентий, глядя ей вслед, покачал головой, потоптался с минуту на крыльце и тоже побрел к бане. Постоял у двери, прислушиваясь, пока Варя не загремела тазами и только тогда вышел к реке.

За баней поставлен старый деревянный диванчик, но посидеть на нем не пришлось: в бане что-то глухо стукнуло, и Иннокентий рванулся к двери, окликнул.

— Скользко, — отозвалась Варя. — Но ты не беспокойся, я осторожнее буду. Иди.

— Ладно, — буркнул Иннокентий, но не ушел, сел на порожек предбанника, стал терпеливо ждать, пока Варя помоеется.

«А иначе как. Кто же ей, кроме меня, поможет», — думал он, сознательно наталкивая себя на мысль, что это только помощь больному человеку. Но тут же противился ей, крепко закрывая глаза, но и сквозь плотно сомкнутые веки проступали очертания той Вари, которая подсмеивалась над ним, когда они пережидали весеннюю грозу на Брукинском стане.

«А чего ждать-то? Сколько? Чего противиться себе? Пора и мне мужиком быть, а не пацаном сопливым!» — в каком-то радостном, задиристом настроении решил он. И ждал, чтобы по-хозяйски взять Варю под руку и увести в дом.

Людмила
КОЗЛОВА

Улетела в синь ночную
паутинка дня,
но о чем же я горюю,
что гнетет меня!
То ли сделать не успела
что-то, а могла,
то ли вышла за ворота,
а повсюду мгла,
а повсюду мгла,
иль обидела кого-то,
друга ль предала?
Нет.

Но просто надо было
силы не беречь,
не прощать себе унылых,
бестолковых встреч,
не прощать
ошибок малых,
не свершать больших,
злой судьбой своей
устало
объясняя их.
Надо было верить людям
и не помнить зла.
Я ведь знала это,
знала,
но вчера лишь
запоздало
сердцем поняла.

ОТПУСК У МОРЯ

У самого синего моря
в далеком-далеком краю
о нашем алтайском просторе,
о желтом осеннем уборе
я думала думу свою.
О красной осине,
безоблачной сини
сентябрьского неба,

буртах золотых
бесконечного хлеба,
зеленых машинах
солдатских колонн,
о горьких рябинах
на склонах,
на склонах.
И южное солнце
ко мне не пристало,
И за две недели,
ах, как я устала.

ВСТРЕЧА

На щеке твоей
навазелиненной
отразилась рыжая серьга.
Смотришь ты значительно
и длинно.
— Вспоминаю, — морщишься, — ага.
Как же, как же,
в школе
помню, помню.
Скажешь тоже...
Оля...
вот уж смех.

Ольга Николавна,
милый Коля.
Ну, давай за встречу,
за успех.
Я! В буфете местном
продавщицей.

Ну, какие песни!
Я! Певицей!
Я и петь-то вовсе не умела,
я и петь-то вовсе не могла.
Ну какую робкой и несмелой!
Я все время бойкою была.

●
Продается дом на слом,
продается.
Не живется людям в нем,
не живется.
Потому, что тишина
в доме сонном —
одинокая струна
с долгим стоном.
Потому, что в нем часы
отстают,
сторожа его старинный уют.
Потому, что в холода
в старой печке

дым клубится, как вода,
в горной речке.
Выползает,
 словно зло,
через щели.
Продается дом на слом —
не сумели
 уберечь его с тобой,
 не смогли.

Они — мои соседи.
Утром у них зарядка,
завтрак готовят вместе,
все у них в порядке,
все всегда на месте.
Взирают они свысока
на мой телевизор:

«Прокат!»

— Да, — говорю, — прокат,
взят на пока.
Завершая их визит,
взгляд по комнате скользит:
и нет у тебя ковра,
и стулья менять пора,
и самый большой твой грех —
нет мебели под орех.
Они планируют сына
потом, в кандидатской жизни,
а я потираю спину,
 стирая пеленки,
не сделав себе машины,
квартиры и гаража.
— Какая неосторожность.
Ну разве так жить
 возможно!

Юсуф
СОЗАРУКОВ

Да, я везучий! До сих пор ни разу
по крупному не спотыкался там,
где для иных разбить свои затылки
не представляло б никакой проблемы.

Везуч и в том, что был рожден в народе,
причастностью к которому всю жизнь
горжусь, и чей язык гортанный
меня бодрит скорей, чем сотня маршей.

Да, я везуч! Рано или поздно
передо мною высветился путь,
которым мне дано пройти, да так, чтоб
не только из приличья говорили:
«Он неплохим был в жизни человеком».

А в дни, когда замки моих дверей
слетали прочь под натиском ненастья,
когда врага давал мне каждый день,
когда любовь невесты оказалась

хоть и густым, но все-таки туманом,
когда страдал от выходки подонка,
привеченного мною по незнанию.

Я был один. И моего бессилья,
и слез моих вам видеть не пришлось.
А потому кажусь благополучным.
Случайно ль это! Нет. Ведь я везучий!

ВРЕМЯ И МЫ

Многое было до нас,
многое будет без нас,
но за свершение нашего времени
спросится именно с нас.

Все наши вехи учтут.
Лучшее наше зачтут,

с худшим войну поведут беспощадную, —
за пережиток сочтут.

Путь наш недолгий земной
вмиг обернется струной.
Как зазвенит та струна при касании —
то нам и будет ценой.

Шторм еще будет крепчать,
сердце устанет стучать.
Нам и сражаться за место в Истории.
Нам за нее отвечать.

●
Мой край родной! Я одного
в себе не понимаю, —
того, что горец истинный
и сын своей земли,
когда я дома — родины
порой не замечаю...
И задыхаюсь без нее,
когда она вдали.

ПРОШЛОГОДНЯЯ КАРТИНКА

Куда ты рвешься, бедная душа!
Ни памяти тебе, ни прежней ласки.
В Рубцовске дождь. На целый мир шурша,
он все перечеркнул, и нету сказки.

Всхрапнул дверьми троллейбус и исчез.
Минута за минутой улетает.
Смятенная душа, зачем ты здесь!!
Прохожих тут и без тебя хватает.

Глуши обиду, а с мечтой, что вез,
расстанься у заказанных дверей.
Не потому, что очень ты замерз...
Ты одинок. А это — холодной.

ПИСЬМО СЕСТРЕ

Боюсь из дома телеграмм...
Как взрыв, листок семиполосный.
Ты не заметила — и впрямь —
я стал в разлуке с вами взрослым.

С годами стал я понимать,
что сам теперь уже в ответе
за тех, кого нам удержать
не суждено на этом свете.

Когда теряли мы отца,
с такой же телеграммой, точно
явление страшного конца
в калитку к нам стучалась почта.

Теперь все чаще снится мать
во взрослых снах моих тревожных...
Не надо больше посылать
Мне телеграмм неосторожных.

НУМИЗМАТУ

И мой современный полтинник возьми.
До блеска натри, в целлофане храни.
Нет, я не шучу. Улыбаешься зря ты —
монета моя с моей первой зарплаты.

ЛУЧ

Когда б я горную вершину озарил,
вы б тою красотой залюбовались.
Но я собою пропасть осветил,
чтоб вы подальше от нее держались.

●
Люблю апрель — борьбу тепла и стужи,
смертельный бой извечных двух начал.
Хоть по ночам и замерзали лужи —
в песах уже подснежник расцветал.

●
Полночное небо, сгорая, звезда прочертила...
Две женщины вздрогнули, видя летящей ее.
Одна загадала, чтоб сына судьба сохранила.
Другая — на легкое счастье свое.

Виталий Марчук родился в Барнауле в 1948 году, где живет и сейчас. Здесь учился в Политехническом институте, отсюда ушел служить в ряды Советской Армии. По окончании службы работал на заводе «Трансмаш». Сейчас заведует отделом писем в редакции газеты «Молодежь Алтая». Участник краевого семинара молодых литераторов 1977 года. Член Барнаульской литературной студии. В альманахе публикуется впервые.

Виталий МАРЧУК

ПОГАШЕНИЕ

РАССКАЗ

Таблица погашения облигаций сорок восьмого года была помещена в «Известиях» за 21 декабря. Лобко и его жена были в гостях, когда принесли газету. Ну, наконец-то! Вечер скомкался, хозяевам не терпелось проверить облигации, да и гости заспешили...

Дома, едва раздевшись, причем мать бросила свою шубу на диван, чем поразила двадцатилетнего сына, Лобко подошли к старому, самостроенному комоду, верному спутнику их тридцатилетней совместной жизни. Комод был приобретен в день их свадьбы и бережно хранился все эти годы. Сын, молодой и нетерпеливый, напрочь забывший, как из этого комода ему доставались все подарки, год от года все дорожавшие и хорошевшие, предлагал выкинуть его, но и сам Лобко, и его жена Ксения твердо держались за старого товарища. И вот теперь они резко двигали ящиками, так что комод только поскрипывал.

В полчаса были перерыты все ящики. Облигаций не было. Федор Лобко растерянно переключал с места на место свои трудовые книжки и боялся взглянуть на жену. Разворошил зачем-то письма, поддерживающие когда-то их молодые дни расставаний, но ничего не нашел.

Перед старым комодом, с боков которого уже местами полезла краска (как его ни обновляй, он все старел), стояли мужчина и женщина, знавшие друг друга не хуже

этого комода и потому особенно раздраженные нелепой ситуацией.

Федор Лобко, крупный пятидесятишестилетний мужчина с мощной сутулостью, рано поседел, болело плечо, сломанное в лагере, — он подставил его под балку, падавшую на друзей, — последние годы заметно сдал, стал суетлив, неряшлив, за едой громко сопел, чем страшно раздражал сына, стеснялся этого, но ничего не мог поделать; засыпал перед телевизором, но стоило только выключить, как вскакивал и раздражался — ведь он смотрит передачу! Сейчас Федор едва сдерживал мелкое противное чувство, которое просилось наружу.

— Три тысячи! — задыхаясь, но стараясь быть спокойной, заговорила Ксения. — Три тысячи! Все брали на одну, ну на полторы, ему давай на три, как же, сознательный, надо отличиться. Надо помочь Родине! Помог! А теперь плакали твои денежки!

— Может, ты их куда задевала?

— Я? Да я к этой старой развалине второй год не подхожу. Держишь тут всякую рухлядь, подумаешь, лучший мастер делал, цацкаешься тут с ней. Да! Это ведь ты тут что-то переключал недавно. А то ишь ты — я заложила. А!

— А чо ты кричишь-то?

— Я еще и кричу! Сам задевал куда-то облигации, а я кричу! Ну что стоишь, как болван, давай смотри...

— Ты их сама в прошлом году переязывала. Вспомни-ка!

— Я? Не помню, да и зачем мне их было тревожить. Лежат себе и лежат.

— Нет, ты их увязывала...

— Ну что ты надо мной издеваешься — а? Ищи, я тебе говорю, должны где-то быть. Три тысячи... Три тысячи... Помощник...

Федор перекалывал увязанные лентой стопки писем, всевозможные квитанции, справки многолетней давности, которые он хранил «на случай», расчетные книжки и вкладыши к ним, отслужившие военные билеты, инструкции к всевозможным утюгам и плиткам, часам и швейным машинкам, которых уже давно не было в доме, обтрепавшиеся Почетные грамоты. Облигаций не было.

— Ну и что же, что на три тысячи — все ж тогда Виктор родился! Надо же было отметить как-то. Страну ведь для него строили, а после Победы разве до денег было, вспомни...

— Нечего мне вспоминать! Победа, стройка... Расфилософствовался, ищи!

— Вот 54-го года пачка.

— А-а! Ну, как же — целина! Как не взять облигаций тысячи на четыре! Кто же их, бедных целинников, кормить будет! Федя! Как есть — Федя! Ищи! Нам до этих-то не дожить, поди!

Федор начал раздражаться не на шутку. Деньги и впрямь немалые. Сейчас, эх, как сгодились бы!

— Ты сама-ка поищи. Не трогал я их.

— Витька! Иди-ка сюда. Облигации брал?

— Че-го?!

— Облигации сорок восьмого года брал?

— Нужны они мне...

— А куда ж они делись?

— Я их не караулил...

— А на что ты вообще годеи?! Заработать толком не умеешь, что в доме делается, не знаешь... Не караулил он их, видите ли!

Виктор окинул отца и мать, разделенных комодом, оценивающим взглядом, сделал скучное лицо и ушел к себе. Включил радиолу.

— Сделай потише! — рявкнул Федор. — Не видишь, мы заняты. Совсем уже распустился, пороли в детстве мало.

Виктор совсем выключил радиолу, вышел в комнату и лег на диван, странно разглядывая отца и мать.

— Слушай, — медленно произнесла Ксения, поднимая пальцы ко рту, — а мама не могла их взять?!

— А она разве о них знала?

— Что ты, не знаешь моей мамы?! Конечно, знала! Точно, она унесла. У нее же склероз. Решила, что это ее, и унесла.

— Ну, тебе со своей старухой самой разбираться!

— А как разбираться-то, как? Попробуй, докажи, что это не ее!.. И не смей мою маму называть старухой.

Эту фразу она произнесла, уже надевая шубу, поглядывая на то мокрое пятно у комода, которое осталось от их обуви. Но тут недавно купленные, огромные, крылатые настенные часы звонко пробили половину десятого. За спорами погас день, начавшийся так буднично, сонно и мирно. Вспомнили вдруг, что не ужинали. Ксения наскоро собрала на стол и задумчиво ушла спать. Федор еще с полчаса покурил на кухне, оторвал привычным жестом листок с календаря, пошарился в своем инструментальном ящике, ничего не нашел. Тоже пошел спать. Посреди ночи вдруг оба проснулись, лежали тихо, стараясь понять — спит ли другой. Потом Федор тихонько вылез из-под одеяла, зябко пошарил по полу в поисках тапочек и вдруг до боли, до ломоты в зубах отчетливо вспомнил, как стоял этими ногами по колена в жидкой ледяной грязи и черпал ее, черпал... Придерживая рукой сердце, побрел на кухню. Не было острой боли, как при приступах, было обыденно тяжело и нехорошо.

Ксения затаилась, чего-то она ждала, она и сама не знала — чего, но ждала. Вот вытянутая фигура мужа, в зеленоватом белье, пересекла лунный блик на полу, обошла невидимый стул, шаркнула тапочками о вечно отогнутый угол коврика и исчезла в темном дверном проеме. Ксении стало вдруг так жутко, что она едва не вскрикнула, но пересилила себя, молча пошла следом.

На кухне торчал из темноты желтый ночник. Под ним сидел хмурый Федор и что-то подсчитывал на обрывке газеты. По привычке помогал себе шепотом:

«...три в сорок восьмом да четыре в пятьдесят четвертом, да еще три в пятьдесят первом...»

Он откинулся к стене, в стылом желтом конусе остались только тяжелые костистые руки, бережно складывавшие клочок бумаги с подсчетами. Ксения постояла за его спиной, вздохнула и ушла обратно. Вскоре пришел Федор, успокоил: «Найдутся, не может же быть, чтоб наши годы зря...» Ксения уже спала.

Утром она машинально собрала завтрак и заспешила на работу, буркнув, что вече-

ром зайдет к маме. Обычно Федор ворчал на эти задержки, зная, что теща и три ее дочери собирались обычно перебивать кости мужьям, но сегодня промолчал. С сыном говорить было не о чем, хотя в глазах его вспыхивал какой-то интерес, раза два он уже хотел задать свой вопрос, Федор тогда весь напрягся, но Виктор так и ушел молча.

Кое-как дождалась Ксения вечера. Всю дорогу она уговаривала себя, что надо старого человека понять, но на пороге не сдержалась и вместо приветствия заговорила нервно, быстро, почти закричала:

— Мама, ну сколько раз говорить, что наши дела — это наши дела, а наш дом — это наш дом. Что ты себя везде хозяйкой считаешь! Просила тебя, ничего не делай без нас, Федор сколько раз злился, все-таки он в доме хозяин, а ты опять...

Она перешагнула через порог, стянула с головы шаль и, не снимая пальто, тяжело осела на стул у двери. Перепуганная старушка, прижав вздрагивающие руки к груди, дыша в лицо дочери почему-то особенно неприятным сегодня дыханием старости, кое-как смогла ответить:

— Что случилось-то, доченька, я уж у вас с год не была, больна я, тяжело мне ходить. Вон мусор и то соседи выносят.

— Ты у меня еще здоровая, — убедительно сказала Ксения и скинула пальто. — Ты, мам, скажи, ты наши облигации за сорок восьмой год не брала?

— Да что ты, Ксения, какие облигации? Ваши? Зачем они мне...

— Ну, может, ошибкой взяла? Я ж не говорю, что нарочно. Дай, я посмотрю.

Она прошла в комнату, заметила свои мокрые следы и подошла к комоду. Неяршливо сложенные в нем самые неподходящие вещи: грязноватые непростиранные простыни, вышарканные полотенца, какие-то пакеты, письма, вываливающиеся из сгнивших конвертов, зеленоватые иконки, крестики, деньги, завязанные в платок и засунутые под старые журналы, которые рассыпались и заполнили весь комод мелкими клочками, заношенные кофточки и блузочки, юбки и чулочки дочерей, зачем-то сохранявшиеся матерью, ремень и пилотка отца — все затрудняло поиск. Ксения перерыла их, покрылась старой липкой пылью, но облигаций не было.

— Да что ты, доченька, да разве я возьму, да зачем они мне... Вот здесь еще посмотри, а вон там, под простынками не шарил? На целых три тыщи, это ж какие деньги! И потерялись.

Мать поджалась, сидела тихо, покачивая головой и тревожно поглядывая на Ксению. Та торопливо затолкала все стариковские обноски, шкатулочки обратно в комод и устало села прямо на пол.

— Куда ж они делись?..

Молчали долго. Ксения перебралась к столу, попила любимого мамино компота, сегодня он был непривычно жидким — столовским. Провела взглядом по стенам, уже давно небеленым, подернувшимся легкой вуалью серого налета, и неожиданно на нее навалилась, вся тяжелая старость комнаты, которая, в сущности, была лишь старостью ее матери. Зябкое что-то произошло по сердцу, она подумала, что и сама она уже не молода, что, может быть, и ее ждет одинокая и беззащитная старость в комнате, которую даже не на что побелить. Она уже собралась дать себе слово не оставлять теперь мать так надолго, но тут мысль о деньгах, которые, как она вот только что убедилась, ох, как нужны, об этих злосчастных облигациях, растормошила ее.

— Ладно, побегу. Береги себя, сильно не уставай. — И, уже берясь за ручку двери, задумчиво произнесла: — Неужто Витька продал?

Через мгновение она в сердцах обругала себя — надо же было ляпнуть это вслух, теперь мать разнесет, что внук пропил облигации. Мысль эта разозлила ее, захотелось вернуться, переговорить все, да дернула плечами и побежала вниз.

Виктор второй день ходил хмурый и молчаливый, раздвоенным взглядом подолгу глядел на один какой-нибудь предмет, словно не узнавая его. На вопросы отвечал чуть ли не с сердцем, коротко и снова надолго замолкал. Ксения решила, что это его вина — боится, что все раскроется. Федору не сказала ни слова, но на следующий день пораньше ушла с работы.

Письменный стол был не закрыт, она тихонько поворошила бумаги, тетради, обнаружила фото веселенькой девчонки в кулечке с надписью на обороте «Милому» и долго не могла трясушимися руками затолкать ее обратно. Странные, незнакомые вещи, которых оказалось так много в столе сына, которых не должно было бы быть, если бы он был тем мальчиком, каким она его знала, оставили в ее душе тревогу и первый холодок грядущего одиночества. Одно из писем к сыну она неожиданно для себя прочла. К ее Виктору обращались за советом в каком-то сложном и не известном ей деле, она кое-как уразумела, что это он, ее сын, для кого-то опытный и сведущий

человек. Открытие это, сначала приятно потешившее ее, затем просто напугало. Она быстро уложила все обратно, теперь только почувствовав неловкость и стыд. До сих пор все, что бы она ни делала в этих стенах, никем не подвергалось сомнению или обсуждению, считалось — и она давно срослась с этим мнением, — что каждый ее шаг единственно правилен и необходим, хотя сама она никогда не могла бы сказать твердо, как она поступит в том или ином случае; и уж точно никогда не обдумывала свои поступки, руководствуясь лишь заботами о семье. И вот это открытие вдруг показало ей, что, возможно, ее судят за какие-то ее поступки и даже, может быть, за что-нибудь осуждают и, может быть, за что-то не любят! И впервые за много лет в своем собственном доме ей стало неуютно и тревожно. В кухню она пришла подавленная, едва ли не больная. Мало-помалу привычные стены вернули ей всегдашнюю уверенность в себе, в своих мыслях и делах. Она принялась за ужин, вскоре тревога ушла, и лишь беспокойство об облигациях не покидало ее. И тут только она спросила себя: что же, собственно, она искала в столе Виктора? Ведь, если он их продал, как она сначала подумала, их, конечно же, там не найти. Разве что деньги, но он у нее не такой уж дурачок, чтобы держать их в столе. Соображение это рассмешило ее: «Ну, дура, баба!» Неужто все деньги на эту вертихвостку ухлопал... Да нет, быть того не может... три тысячи.

Ужинали молча. После ужина Федор улегся перед телевизором на диване и вскоре захрапел; Ксения устало сидела на кухне, изредка порываясь что-нибудь сделать и вновь застывая в раздумье. Виктор в своей комнате склонился над книгой да так и застыл на весь вечер. Даже шороха страниц не было слышно.

Прошло еще два дня. Ксения и Федор вдруг обнаружили, что давно, пожалуй, с последней двойки в дневнике сына, не было в их жизни ничего, что сейчас бы всплыло в памяти, за что можно было бы уцепиться мыслью в минуту раздумий. Ели, пили, спали, что-то делали на работе, ходили в гости, принимали их у себя, но все текло мимо, мимо, не радуя, не огорчая... Была, правда, надежда, что Виктор женой и детьми украсит жизнь, но и его, видно, накрыла своей тенью мирная размеренность их жизни, дважды был на грани женитьбы, но оба раза в последнюю минуту молодые ссорились, казалось, не надолго, оказывалось — навсегда. Его редкие отлучки всегда объ-

яснялись очень подробно, да и знали о них Федор с Ксенией задолго до вечеринки или какого-нибудь выезда за город, неожиданностей не было и здесь. Ввели этот порядок они давно, после школы Виктор пытался его было поломать, слегка распрямиться, но Ксения подавила эти слабые ростки бунта, Федор, который сам уже давно не делал без ее ведома ни единого шага, поддержал, Виктор как-то погас, и с той поры не было ни дурного, ни хорошего.

Казалось, пора уже было смириться с пропажей облигаций, успокоиться и жить по-старому, как вдруг Ксения вспомнила:

— А Прокопенко, землячки твои, не завезли их с собой?

Прокопенко — муж и жена, молодожены в то время, когда Виктор еще учился в седьмом классе, — жили у них на квартире. Пригласил их сам Федор, посонувствовавший их мытарствам, Ксения тогда простила ему самостоятельность — деньги в семье были не лишними. С рождением девочки они очень кстати получили квартиру, отблагодарили Федора великолепной трубкой, а Ксению — шалью и пересекли.

— Кто ж их знает? Комод-то тогда в их комнате стоял, это он Витьке только не нравился.

— Ну... я так и знала, — словно кто тягостно закрученную пружину отпустил в ней, так легко, свободно и зло почувствовала себя Ксения. — Вечно ты со своей жалостью лезешь куда тебя не просят. Ведь сам! Сам привел их в дом. Ах, земляки, ах, надо помочь! Вот и обобрали тебя, благодетеля! Как липку. Где они теперь, где ты их найдешь? Да и не такие они олухи, уж, поди, давно проверили да деньги получили. Говорила, когда уезжали, — надо их проверить, так нет же — совестно! Ну вот и совестись теперь!

Она замолчала, не зная, что еще добавить, как сильнее выплеснуть злость своей правоты. Федор нервничал, состояние вины перед женой было для него привычно, но такие деньги...

— Знаю я, где они живут. Можно съездить, спросить — не прихватили ли, мол, случайно. А может, и таблица им еще не попадалась.

— Как бы не так! Сейчас они тебе и выложили денежки.

Федор отвернулся от жены, ее сухонькое, обиженное и раздраженное лицо сделало ему едва ли не отталкивающим, и он не хотел, чтобы она поняла это. Не сразу потом оправдаешься...

Виктор стоял в двери своей комнаты, навалившись на один косяк плечом и за другой придерживаясь пальцами. Глаза его медленно бродили с отца на мать и обратно, он всем своим видом выражал полную непричастность к их разговору. И вдруг чуть ли не сквозь зубы насмешливо выдал:

— А ты, маманя, сходи, у них в столе пошарься...

Ксения было вскинулась, но, поняв тут же намек сына, осела, сникла на стуле и тихонько заплакала.

— Издеваешься над матерью... А как я всю жизнь копейки считала... Всю жизнь у соседей до зарплаты занимала... Отец семьсот да я триста — вот и все деньги, проживи-ка на них тогда... не знаешь. Из-за тех облигаций я, может, ночами работала... Смеешься, все тебе отдали... все... хоть бы чуток благодарности матери-то...

Она плакала безутешно, в той нестерпимой жалости к самой себе, что нет-нет да прорывалась из души. Встала, медленно, словно враз состарившись, как умеют только женщины, побрела в спальню, легла на диван лицом к стене, сжавшись вся, подобрала колени к груди, и отдалась слезам, тихим и бесконечным.

— Что уж, так плохо жили, что ли? — потерянно пробормотал Виктор, избегая взгляда отца.

Тот устало махнул рукой, лицо его стало виноватым, и пошел к жене. Слышно было, как диван заскрипел под его телом.

— Ксения, ну, успокойся... ну, Ксения, — голос отца был тих, устал и слегка раздражен. — Да найдутся они...

Жалость и к матери, и к отцу, который вот чуть ли не униженно успокаивал мать, словно виноватый в ее тяжелой жизни, до сердца резанула Виктора. Чувствуя и правоту свою, и тягостную боль от этих слез, он пошел в спальню. Подошел к матери, прерывисто вздохнул и, не зная, что сказать, неожиданно для самого себя предложил:

— Ну, хочешь, я сам к ним схожу?..

Ксения только глубже отвернула голову в подушку и коротко, расслабленно махнула рукой, словно прося оставить ее в покое, ничего ей не нужно...

— Да схожу я, схожу, адрес только дайте, — сказал Виктор и, начиная злиться, ждал, пока отец найдет адрес. Затем быстро ушел...

Чем ближе он подходил к дому Прокопенко, тем нелепее казалась ему собственная выходка. А жалость и раскаяние, что

так быстро овладели им дома, были просто смешными и глупыми. Уступка матери (какая уже по счету?) мучила его все сильнее. Он медленно поднялся до четвертого этажа, остановился у батареи под окном и, положив на нее перчатки, задумался... Как это войти в чужой дом и искать там облигации! Да как спросишь-то об этом? Нелепость какая... Ему вспомнились вдруг и другие мелочные, нелепые поручения, которые он, скрипя зубами, выполнял, и вдруг понял, что все они означали одно — время его родителей ушло. Ушло бесповоротно... А они все цепляются за него. И вот и он туда же. Ну, так как? Нет, невысказано...

Он быстро сбежал вниз, решив сказать дома, что и у Прокопенко облигаций не нашлось. А у самого подъезда вдруг злость и стыд перехватили дыхание. Да врать-то чего... унижаться. Пусть, пусть знают, что думаю сам по себе, а не из жалости... или там благодарности... Надоело, хватит!

В первые же минуты после ухода Виктора и Федор, и Ксения поняли, что нет у Прокопенко их облигаций, да и не могло быть — не те люди, чтобы «прихватить» чужое. Ксения притихла, утомленная слезами, Федор еще немного посидел рядом и ушел на кухню, загремел там посудой. Ксения вытерла глаза уголком подушки, загнула пушистый плед вокруг ног и затихла. Неожиданная злость сына пугала ее своей беспричинностью, как ей казалось. Ну что с того, что в столе пошарилась, не кто-то ведь... мать. Ей припомнились и другие их стычки, когда он на пустейшие, казалось, ее просьбы отвечал непонятым, угрюмым сопротивлением. Однажды, Виктору было лет двенадцать, они шли с ним откуда-то, и она увидела в траве, у тропинки, десять... или двадцать копеек. Да, точно, десять. Монета лежала в грязи. Ксения остановилась, коротко оглянулась кругом и велела сыну поднять ее. Виктор посмотрел на монету, потом на мать и уставился в землю, не двигаясь. Ей пришлось хорошенько шлепнуть его, только тогда он нагнулся, поднял монетку вместе с добрым куском грязи и подал ей в ладонь. Она рассвирепела и, придя домой, отхлестала его от всей души. И вот теперь эта короткая давнишняя история вдруг с неожиданной яркостью всплыла в памяти. А за ней потянулись другие, такие же странные и нелепые из-за все более растущего сопротивления сына. Она подавляла его, полагая, что это и есть воспитание, но только сейчас поняла, что с каждой такой стычкой сын уходил от нее все дальше и дальше.

А ведь еще не так давно, как ей теперь казалось, она чувствовала его так остро, что по одному лишь повороту его головы или движению пухлых губ, все знала о его бедах и заботах и либо разрешала их пустяковой лаской, либо перечеркивала снисходительным окриком. И, казалось, не будет сносу этому материнскому чутью, не будет утраты той кровной связи. А вот смотрит она на сына, видит его спокойное и улыбочное лицо и — не понимает его. И, выходит, надо теперь на старости лет учиться его понимать, понимать — как чужого человека, как стороннего ее материнской заботе. И уже он сам по себе...

Ксении вдруг стало ясно, что все последние годы Виктор только уступал ей, ее претензиям, сам же давно, видно, рвался от них.

Она устала от этих мыслей, таких неожиданных и тяжелых и, чтобы отвлечься и успокоиться, полезла в шкаф, где в картонной коробке лежали вырезки из старых журналов мод и мотки ниток. В коробке (она уже давно не пользовалась ею), видно, побывали мыши. Ксения вывалила все ее содержимое на пол и, тут наверху кучи из бумаг и тряпья оказалась пачка пожелтевших облигаций, аккуратно перевязанных скрутившейся тесьмой.

— Федор, наш... лись, — голос ее сорвался, она закашлялась и принялась быстро срывать с пачки тесьму.

Над ее плечом склонился запыхавшийся муж. Он хотел было взять пачку, но Ксения, не отвлекаясь, дергала локтем, считала облигации. Все! Газета с тиражом, которую уже хотели выбрасывать, лежала под телевизором. Пальцы Федора, большие жесткие пальцы бывшего землекопа, плотника, никак не могли подлезть под полированный ящик и ухватить ее, он ругался, двигал телевизор, но газета скользила по тумбочке и не давалась.

— Да что ты на нервах моих играешь! — взорвалась Ксения.

Федор приподнял телевизор, антенна полетела на пол, и круглая ее черная подставка аккуратно раскололась на две равные части. Ксения выхватила газету, Федор брякнул телевизор обратно, и они развернули газету прямо на полу.

Погасились все облигации! До единой! Ксения, не веря глазам, сверяла то одну, то другую — нет, ни одной ошибки! Полное погашение!

Они еще сидели на полу, и Федор, утра-

чивая чувство неизбежной вины, которое последние дни владело им и было особенно острым при воспоминаниях о дурацких трагедиях в молодости на эти облигации, теперь осмелел и рискнул даже похвастать своей предусмотрительностью, которая вот принесла же им ни много ни мало три тысячи рублей. Ксения снисходительно молчала, когда вернулся Виктор. Он молча прошел в комнату и хотел было что-то сказать, но, наткнувшись на торжествующий властный взгляд матери, смешался.

— А мы свои пацки, — поднимаясь, похвасталась Ксения. — Вот, на все три тысячи.

На следующий день Ксения пошла в сберкассу. Длинная равнодушная очередь испугала ее. Неужто все с облигациями? Да, так оно и было. По скрытому нетерпению мужчин и внимательным взглядам женщин Ксения поняла, что все это — ее конкуренты. Их молчание, неторопливость раздражали Ксению, ее реплику о том, что так, пожалуй, и денег не хватит, никто не поддержал.

Она уже была недалеко от заветного окошечка кассы, как вдруг, рассеянно глянув в большое, заиндевевшее по краям окно на улицу, застыла, увидев за ним крепкого, лобастого парня в сдвинутой на затылок шапке, с чемоданом в руке. Он шел, отвернувшись от окна, поднятым плечом растирая подморозившееся, видно, ухо. Виктор!? Пальто как у сына, шапка его и эта скверная привычка греть ухо об плечо, вот только чемодана у них такого нет... А долго ли купить... Пока парень шел за простенком между окнами, Ксения вся извелась, то собираясь выйти, то удерживая себя в очереди, которая как назло застопорилась. Парень появился в другом окне, но солнечные блики, искрившиеся на морозных узорах, слепили, мешая его разглядеть. Она отвернулась от окна и тут же, бросив кому-то сзади: «Я сейчас вернусь», пошла, побежала к двери. Уйдет же, уйдет...

В распахнутом пальто, сбившейся шали выбежала она на улицу. Высились кругом громады зданий, по расчищенному асфальту дороги мчались, играя пушистыми белыми хвостами выхлопов, автомобили, узкая полоска тротуара, жавшаяся к стенам домов, была заполнена людьми. Горькое, бесконечное чувство утраты овладело Ксенией, она кинулась вперед, пытаюсь разглядеть за спинами и головами такую знакомую шапку...

Владимир СОКОЛОВ

ПЕЙЗАЖИ

Мой старший брат пейзажи рисовал,
и я его пейзажи
узнавал;

в долбленке, промышляя по протокам,
парнишечкой
во времени жестоком. —

Война кормила нас польским лучком,
да ежедневным
тусклым чебачком.

Война поила нас лихой бедой.

И брат, непоправимо молодой,
стоит сейчас в моем воображеньи,
презрев

секунд, минут

и лет движенье...

С протоками своими иногда
встречаюсь я.

И ясная вода

пейзажей тех печальное мечтанье
мне открывает, точно завещанье...

Да, старший брат пейзажи завещал —
лесок и плес, лодчонку и причал,
и солнечного луга процветанье,
и карся глубинное мерцанье...

Они, как от него — живого — нить...

О, люди, помогите сохранить,
сберечь от разоренья и растраты
последние следы

родного брата.

С большого пресса сняли маховик.

Он был...

Да нет, нельзя сказать — огромен,
но для людей, собравшихся,
велик —

дитя родное огнеликих домен.

Спокойным взглядом оглядев металл,
механик,

тощий, лысый, невысокий,
чумазым слесарям преподавал
нелегкие ремонтные уроки.
Перекрывая цеха шум и звон,
слова звучали коротко и сухо.
И возвышался маховик, как слон,
невольно настораживая ухо...

Не надо маленьких волнений,
не надо маленьких тревог.

Чем ярче свет,

тем резче тени,

чем глубже мысль,

тем ярче слог.

Уйди от воробьиной драки,
не в ней

стремительный посып, —

в неутраченной атаке
живет источник

свежих сил.

Как сделать, чтобы вдохновенье
себе открыло рубежи
не в совершенстве изощренья,
а в углублении души?

Как доказать всем людям снова,
что, раскаляясь добела,
в начале жизни было слово,
а от него

пошли дела!

Михаил АНОХИН

СЛОВА

Когда впервые голод ощутил,
То гордый дух мой
Телу запретил
Просить уступки у слепой судьбы.
Отец заметил мне:

— Мужчина ты.

Когда впервые в жизни полюбил,
То все цветы у ног ее сложил, —
Но истоптала все мои цветы...
Я, раненый, и стоны не издал.
Отец сказал:

— В тебе живет металл.

Когда кирка валилася из рук,
А сердца стук
Был самый громкий стук,
тогда геолог,
Старый и седой, сказал:
— Вот так выигрывают бой!

Я те слова до смерти сохранию,
Не изменюсь и им не изменю.

Течет в ладонь холодная вода —
Забытых ледников живая сила...
Ты тоже холодна,
Но не беда,
Огонь и стужа — двуединство Мира.
Мне вновь с тобою по тайге бродить
И так, как раньше, колдовать над шлихом.
Все это называем словом — жить.
Ну а друзья!
Те называют лихом.

Лишения...
Лишаемся чего!
Кровати теплой!
Люстры с позолотой!
Иль раздраженность подавлять зевотой,
А бытом подменять все бытие!

Мне счастье то, что ты совсем иная,
Открытая и солнцу, и ветрам...
Моя любовь,
Ты, радуга литая,
Вершиной к звездам, к солнцу и горам!

СУДЬБА

Ты меня забудешь и забудешь,
Хоть цветка я проче и прочнее.
Что такое:
Любишь иль не любишь?
Неужели тоже лотерея?
Про березу все стихи писали.
Про осину тоже что-то слышал.
Скошенные травы как дышали,
Вот про это кто и где напишет?
Память сердца,
Будь открытой раной,
Не давай забвенья и покоя,
Не был я тобой еще обманут,
Не жалею,
Не выводи из боя...

В землю врезались лемеха.
Пахота.
Зоревая работа.
И слипались глаза,
И качало меня,
Тело ныло от пота.
Не выдерживал это металл:
Пальцы лопались с хрустом на траках.
До чего же изнежена сталь..
Сознаюсь, я плакал.
И от слез каменел.
Ты прости меня, степь,
Что крушил я твои
Васильки и ромашки.
Ты прости меня, песня,
Я только хрипел.

Ты прости меня, небо,
Я видел лишь серые краски.
Труд — не праздник,
Весь труд — в одолении себя,
В этом есть возвышающее начало.
О, работа,
Ты прочность мою испытала,
Я прошел твоё пекло,
А люди сказали:
«Судьба».

Крылатый ветер из-за гор пробился,
Очистил небо от свинцовых туч.
В лесу подснежник заново родился,
Мир обновил весенний первый луч.

Скажу тебе: «Прощаю все обиды.
Мороз зимы, как лед, идет на слом».
Открыты окна, и сердца открыты.
Как очищение принимаем гром.

«Да здравствует весна —
Скажу я, повторяясь. —

Да здравствует весна,
Приход её могуч!»

Мир стал добрей, в лучах её купаясь,
Мир стал умней, свинец изгнав из туч.

Чем я старше, тем горше предчувствие
лета,

Красоты загорелой, обилия жизни
и света,

Под ногами шуршат прошлогодние листья,
С удивлением вижу рябин

не опавшие кисти.

Не сорвали метели, и птицы зимой

не склевали.

Для чего эти ягоды

Солнце палящее ждали!

Разве то, что созреет, не будет алее

и краше!

Это прошлое лето

Мне прошлою горечью машет...

**Иван
ФРОЛОВ**

Сегодня алтайскому поэту Ивану Ефимовичу Фролову было бы только шестьдесят лет. Он родился 9 апреля 1918 года и умер, когда ему еще не было сорока, в 1957 году. Иван Фролов, родившийся на Алтае, в Кулунде, с первых и до последних стихов воспевал свой отчий край, «самых простых и скромных» людей, тружеников полей и заводов; не случайно и по праву считают, что он открыл на «карте поэзии» Кулунду. Иван Фролов был человеком одареннейшим, глубоко поэтической натурой, что не раз отмечалось в печати, однако преждевременная смерть помешала ему полностью раскрыть свой талант, осуществить многие свои замыслы...

* * *

«...Иван Фролов пишет о своем родном крае, о людях нашего времени, об их работе, жизни, борьбе. Но дело, конечно, не только в тематике, а в том, что пишет он по-настоящему поэтически... пишет с волнением сердца, иногда с таким хорошим юмором, который придает стихам особую прелесть. Язык у него простой, естественный. И поэтому многие его стихи не могут не дойти до сердца читателя, они запоминаются, они волнуют читательское воображение, и их хочется перечитывать. Хороши такие стихи Фролова, как «Девушка из отдела писем», «Про няню», «Хорошая работа», «Наташа» и др.

Из этого последнего мне хотелось бы привести несколько строк:

Ты еще совсем не знала света,
Не топтала на лугах цветы,
Лишь под сердцем материнским где-то,
Бойкая угадывалась ты.
Ты еще сама и не дышала,
Но уже, заботясь и любя,
Самая великая держава
Ожидала, девочка, тебя.
...Для тебя, певуньи смуглолицей,
Хоть тебе еще и года нет,
Видишь:

 воздвигается в столице
Лучший в мире университет.
Чтоб тебе жилось еще чудесней,
Для тебя, Наташа, там и тут
Люди пишут радостные песни
И моря в пустынях создают.

Фролов за рядовыми, казалось бы, явлениями нашей жизни умеет видеть их особый смысл, умеет поэтически раскрыть его и довести до сознания и сердца читателя».

М. ИСАКОВСКИЙ
(«Литературная газета», 1951 г.)

* * *

«...Особенно приятно отметить среди книг молодых поэтов стихи, в которых новая деревня, новые общественные отношения в ней раскрываются свежо, по-новому.

К таким удачам относятся лучшие из стихов книги «Моя Кулунда» алтайского поэта Ивана Фролова. Фролов отрешился от абстрактно-риторической поэмы в рассказах о новой деревне. В таких стихотворениях, как «Телефонистка», «Продавец» и ряде реалистических миниатюр он попытался пойти по трудному, но благородному пути, на который звал Маяковский, — раскрывать в самых прозаических, самых, казалось бы, «негероических» и будничных деревенских профессиях пафос и благородство преданности человека своему делу».

(Из доклада А. СУРКОВА
на Втором Всесоюзном совещании молодых
писателей)

* * *

«...Непосредственная и активная связь с жизнью, родственная близость молодого поэта к героям его стихов порождают эту жизненную и подкупающую читателя естественность речи, живую простоту и ясность выражения, к какой стремится каждый поэт, как к степени мастерства и творческой зрелости.

«Моя Кулунда» — уже само название первой книжки стихов Ивана Фролова привлекает внимание конкретностью поэтической заявочки... Кулунда — это замечательная житница Сибири, славящаяся на весь Союз богатыми урожаями и мастерами-хлеборобами. Кулунда — биографическая и поэтическая родина поэта».

А. СМЕРДОВ
(«Литературная газета», 1953 г.)

* * *

«...Стихотворение «Телефонистка» Ивана Фролова («Октябрь», № 5, 1950), на наш взгляд, одно из самых удачных за последнее время... «Телефонистка» — это стихи о том, как включается в большой смысл этого слова каждый советский труженик в жизнь родной страны...»

З. ПАПЕРНЫЙ
(«Литературная газета», 1950 г.)

* * *

«Поэту-сибиряку тов. Фролову.
Сейчас прослушали ваши стихи. Какая прелесть! Простота и образность, душевная теплота и уверенность в счастливое будущее! Спасибо Вам за них. Желательно было бы услышать Вас по радио еще. Желаем Вам успехов в Вашей дальнейшей работе.
С приветом отец и сыновья Расторгуевы.

Томская область
(Из письма, которых поэт получал немало)

КУЛУНДА

Я еду сегодня.
И писарь спокойно
Нагнулся над чистеньким бланком:
— Куда!
В Ташкент или Крым!
Ереван или Гродно! —
И я отвечаю:
— Алтай, Кулунда. —
С Бурлы выходило огромное солнце.
В пшеницах — густой, устоявшийся пар.
Лицо удивленное писаря-горца
Я вспомнил в вагоне «Татарск—Павлодар».
О если б и ты побывал в этой новой
Степи и увидел поля и сады!
...Встречает знакомого парня степного
Родная земля Кулунды.
Равнина. Равнина.
Ни яра, ни пади.
Равнина — на север,
Равнина — на юг.
Как будто гористую землю разгладил
Гигантский горячий уют.
Здесь воду качают польнные ветры.
Идет на поля ледяная вода.
Здесь смотришь и видишь на сто

километров:

Полсотни — туда и полсотни — сюда.
А солнце! Вы видели солнце степное!
Его живоносная кровь горяча.
Оно не скрывается здесь за горою,
Оно до последнего светит луча.
А травы! Кавказ и весь мир обыщи ты —
Высоких таких не отыщешь вовек.
Не зря Кулундой степь назвали джигиты,
Ища жеребенка в высокой траве*.
...Я дома, гляжу на сады восхищенно.
На эти живые холмы у бахчей.
Вот, словно поспевшие грозди паслена,
На вербах повисли семейства грачей.
Я дома...
Хлопочет с закусками мама
И книжку торжественно мне подает:
— У нас трудоднище-то в семь килограммов.
А в книжке моей, погляди-ка — пятьсот!.. —
Как в детстве, на вышке дозорной опять я,
Волнует меня необъятный простор,
И осени гладкое желтое платье

* Кулунда по-казахски — жеребенок в траве.

Блестит изумрудами круглых озер.
Иду по тропинке у тихой старицы.
Направо, налево — куда ни взгляни —
Разливы волнистые спелой пшеницы
И щетка высокой колючей стерни...
Гляжу с восхищеньем на этот бескрайний,
Навеки родной кулундинский простор.
Меня на ходу смуглолицый комбайнер
К себе поманил, завязал разговор.
Щекочут мне щеки и на ухо шепчут
Колосья заветную тайну полей.
Комбайнер в пылище. И зубы, как жемчуг,
В счастливой улыбке светлей и светлей.
...Так вот ты какая,
Сторонка родная,
Ты — загром Алтая,
Моя Кулунда!
И в песнях и в думах
Тебя вспоминая,
Тобою я жил и в разлуке года.
Я счастлив, шагая
По землям целинным,
Что ветром душистым и мятным дышу,
Цвети ж, золотая степная равнина,
Цвети сплошняком от Оби к Иртышу!
Я сын твой.
Я ездил и видел немало.
Но в самых прекрасных больших городах
Тебя мне всегда и везде не хватало,
Мечта моя,
Песня моя,
Кулунда!

ОЗЕРО ЯРОВОЕ

Скинув платье темно-голубое,
В томном зное заревом горя,
В озеро бросалась Яровое
Светлая вечерняя заря.
Только ей, стекло воды прорезав,
Трепетать в лазури возле дна:
Здесь потонет разве что железо,
А душа живая — ни одна.
В белопенной соляной оправе —
Горький выдох вспененной воды.
Яровое озеро по праву
Называют солью Кулунды.
В ураган напрасно ждал волну я
Между соляных искристых глыб:
Яровое буря не волнует,
Только чуть поглаживает зыбь.
Пусть проходят грозы Кулундою,
А за ними — холод, снег и лед...
Не скуют морозы Яровое!
И степное солнце не возьмет!
Озеро мое, не оттого ли
Нам в степи так дышится легко,
Что щепотки этой крепкой соли
Есть в крови у нас, сибиряков!

ЗЕРНО

Омывшись воздухом в «Клейтоне»,
Примчалось в красном эшелоне,
И вот перед тобой оно —
На плотной бронзовой ладони
Тугое круглое зерно.
Зерно!

Оно огонь всеяло
В любого нашего бойца,
Вошло сверхатомною силой
Во все рабочие сердца!
А в землю вложенное снова,
В утробном и живом тепле,
Оно — зародышем живое —
Начало жизни на земле.
В музее выставить бы рядом
С киркой шахтера под одно
С могучим пушечным снарядом
Вот это хлебное зерно.

ДОЛИНА ЖИЗНИ

Смотрите и хоть верьте, хоть не верьте,
Но — рыжая, безводная — она

Из века в век звалась Долиной Смерти:
Ни деревца, ни травки,
Ни зерна.
...Смотрю на сад.
И яблони, и вишни.
В пшеницах стынет ясная заря.
В кольце прудов бурлит Долина Жизни —
Ровесница, подруга Октября.

ХЛЕБ-СОЛЬ

Вдоль степного
Равнинного диска —
Поезда к колесу колесо.
В грузных «пульманах» —
Хлеб кулундинский,
На платформах —
Бурлинская соль.
А с токов люди машут и машут,
Провожая свои поезда:
— Это к Родине, матери нашей,
С хлебом-солью идет Кулунда!

В. КОКОРЕВ,
кандидат экономических наук

ШКОЛА НИКОЛАЯ РОСТОВЦЕВА

Тому, кто незнаком с профессией лесоруба, знает о ней понаслышке, либо живет старыми представлениями, видятся эти люди, наверное, этакими богатырями, с тяжелыми топорами и пилами в руках. Что ж, есть и топоры, и пилы, но главным образом на вооружении сегодняшних лесозаготовителей — новейшая техника, десятки различных сложных и умных машин; да и сами лесорубы, на первый взгляд, ничем внешне не выделяются — обычные люди, каких можно встретить и в заводских цехах, и на крестьянской пашне, и в конструкторском бюро; сегодня здесь, на лесозаготовках, нужна сила не столько физическая, мускульная, сколько точный расчет, высокая квалификация, словом, нужны грамотные специалисты, мастера, как говорят, на все руки...

И это сказано не для красного словца. Добавлю к тому, что сегодня впереди тот, кто творчески решает задачу, ищет наиболее рациональные методы труда, находит все новые и новые резервы... Примером тому может служить бригада лесозаготовителей из Ларичихинского леспромхоза, которую возглавляет Герой Социалистического Труда Николай Алексеевич Ростовцев.

Мне приходилось слышать много об этой бригаде. Знал я, что она постоянно добивается рекордных выработок среди лесозаготовительных бригад края. Но как, за счет каких резервов, социально-экономических факторов?

Скажем прямо, не каждый может зримо ощутить то, что сделано бригадой за эти годы. А сделано бригадой много: восьмую пятилетку бригада выполнила за 3 года и 3 месяца, а девятый пятилетний план — за 2 года и 8 месяцев. В натуральном выражении сверх плана в восьмой пятилетке заготовлено 21 тыс. кубометров древесины, а в девятой — более 63.

Это, так сказать, позитивные результаты. А вот как этого удалось бригаде добиться, какими путями она шла к успеху, иными словами, в чем секрет мастерства бригады, меня как экономиста весьма интересует; с этой точки зрения я и попытаюсь проанализировать некоторые творческие и производственные приемы бригады, сопоставить их с приемами и методами других коллективов, чтобы конкретнее и нагляднее представить себе возможности бригады сегодня и ее завтрашние перспективы.

Рабочий день бригады Ростовцева, как правило, начинается в половине восьмого. Бригада собирается в диспетчерской, где коротко и оперативно уточняются производственные задания, решаются важные и второстепенные вопросы, отсюда бригада отправляется на работу. И так ежедневно. Привычный трудовой ритм. Однако в день нашего приезда ритм бригады был нарушен. И не потому, что в бригаду приехали гости (гостей на деляне бригады Н. А. Ростовцева бывает много), просто в этот день до начала смены было проведено собрание, на котором стояло несколько вопросов: укрупнить бригаду, т. е. сделать ее комплексной, принять встречный план. Собрание заняло всего лишь 15 минут, однако за это время с конкретными предложениями выступило пять человек — это и директор леспромхоза Н. И. Зубков, и вальщики Ч. Т. Керноз и В. М. Олифиренко, и сам бригадир. Ни одной пустой фразы, лишнего слова — только о деле. Проведение собрания вызвано было необходимостью пересмотра некоторых планов и расчетов. Обсуждалось постановление ЦК КПСС об опыте работы Томского, Тюменского и Вологодского обкомов КПСС по мобилизации коллективов предприятий на повышение эффективности лесозаготовительного производства. ЦК КПСС отметил положительную работу передовых коллективов лесозаготовителей, выдвинув также ряд новых задач по совершенствованию лесозаготовительного производства, внедрению в производство наиболее рациональных технологических процессов и форм организации труда.

Вот об этом и шел разговор на собрании. Принято было решение: дать сверх плана 15 тысяч кубометров.

— Выходит, прежний план был занижен? — спрашиваю бригадира. Нет, говорит, план не был занижен, он соответствовал нашим вчерашним возможностям, сегодня же возможности бригады иные; важно вовремя эти возможности почувствовать, уловить, чтобы не отставать от самих себя... Он так и сказал: «Не отставать от самих себя». И чтобы потом не говорили: работают по старинке. Чуть позже поговорил я и с вальщиком Олифиренко, весьма уважаемым человеком не только в бригаде, но и во всем леспромхозе. Василий Михайлович был только

что награжден орденом Трудового Красного Знамени, и настроение у него было прекрасное.

— Скажите, Василий Михайлович, а под силу ли бригаде такая дополнительная нагрузка, сумеет ли бригада справиться с обязательством?

Он слегка даже обиделся:

— Так ведь на собрании, сообща решили. Слово друг другу дали.

Я не стал говорить о том, что нередко на собраниях мы щедро словами разбрасываемся, а как дела коснется — забываем о словах. Нет, все-таки, говоря по правде, обязательство бригады казалось нереальным: заготавливали обычно 25—30 тысяч кубометров, а тут сразу 75 тысяч. При этом и количество людей осталось прежним, и техника та же, и условия как будто те же, что и прежде. Не помню кто, кажется, тот же Олифиренко заметил: «Так ведь условия для себя мы сами и создаем». И в этих словах был заложен глубокий смысл. А главное, эти слова базировались на твердом экономическом расчете. Подкреплены они были и организационно-техническими мероприятиями, четкой научной организацией труда, внедрением технических новшеств. Позже я не раз вспоминал эти слова: условия для себя мы сами создаем. Поразил меня один, казалось бы, «мелкий», обиденный случай: решили члены бригады переоборудовать бензоаппаратчик. Казалось, ничего особенного. Цистерну бензоаппаратчика разделили на две части, в одну половину решили заливать дизельное топливо, во вторую — воду, которая должна подогреваться выхлопными газами. Вот тут и выяснился весьма дальний расчет рационализаторов. Внедрение этого новшества сокращало затраты на подвозку горячей воды и ускоряло запуск двигателя трактора. А это позволяло сократить потери рабочего времени на 5%. Позже, когда бригада внедрила по-настоящему этот прием, расчеты подтвердились на деле. Переоборудование бензоаппаратчика — новшество вроде бы не ахти какое сверхоригинальное, а вот, поди ж ты, выгоды огромные; а если внедрить его во всех леспромхозах края, во всех лесозаготовительных бригадах, получится весомая экономия, значительно повысится производительность труда.

Сокращение же потерь рабочего времени составит 1250 часов к максимально возможному фонду рабочего времени бригады или ровно более половины годового баланса рабочего времени одного члена бригады, что равно дополнительной заготовке бригадой более 4 тысяч кубометров древесины в год.

Вот вам и пять процентов! Добавим к тому, что новшество в бригаде внедряется немало; иные из них на первый взгляд «мелки» и незначительны, однако здесь умеют почувствовать и разглядеть выгоду того или иного предложения, подойти к нему по-хозяйски, с глубоким экономическим расчетом и немедленно внедрить в практику; так, в свое время по предложению самого Н. А. Ростовцева было сделано приспособление «Ракета», заимствованное у тягунских лесозаготовителей, что позволило не только улучшить условия труда, но и значительно сократить время при трелевке и отцепке хлыстов. Лесозаготовителям хорошо известно, насколько сложен процесс трелевки. Зависит он прежде всего от квалификации тракториста. Но даже при самой высокой квалификации механизатора, при всей «ювелирности» его работы, комли хлыстов задевали за пни и неровности, что приводило к вынужденным простоям, к преждевременному выходу из строя трактора.

Внедрение нового приспособления позволило сократить время на трелевке хлыстов до семи минут, а это, говоря языком экономиста, 5—6 тыс. кубометров древесины сверх плана.

Между прочим, слова, сказанные членами бригады на общем собрании, не разошлись с делом.

Работая по встречному плану, коллектив дал сверх нормы не 15 тыс. кубометров древесины, как было решено, а 21,5. Производительность труда выросла на 25,1%, против 18,6 по плану. Экономия от снижения себестоимости составила 1010, экономлено 600 метров троса, 5000 кг дизельного топлива. От внедренного предложения получена экономия 1529 рублей.

Спрашиваю в шутку бригадира:

— Что ж, Николай Алексеевич, выходит, опередили себя?

Ростовцев улыбается:

— Нет, не совсем точно определили свои возможности...

* * *

Каждому известно, что эффективность работы любой лесозаготовительной бригады прежде всего зависит от рациональной организации труда, от высокой дисциплины каждого члена бригады.

Поэтому в бригаде курс взят на совершенствование и внедрение научной организации труда, так как НОТ не требует больших капитальных затрат, а применение научных методов организации труда способствует повышению его производительности, улучшению лесозаготовительного производства, сокращению потерь рабочего времени.

Разработка лесосек производится по заранее составленной технологической карте, в которой указываются все таксационные данные: схема разработки лесосеки, метод разработки, выполнение подготовительных работ с указанием дорог, поштатных мест. Технологическая карта дает бригаде точные и полные технические указания о порядке работы в лесосеке, позволяет осуществить систематический контроль за организацией труда и правильной эксплуатации механизмов.

Высокопроизводительная работа коллектива на основе внедрения НОТ и выполнение требований техники безопасности при разработке лесосек обеспечивается только при строгом соблюдении утвержденной технологии. Вся ответственность при этом ложится на самого бригадира. Ростовцев много внимания уделяет осуществлению подготовительных работ: тут и вырубка зоны безопасности, подготовка погрузочных площадок, волоков, и уборка зависших сухостойных деревьев. Выполнение этих требований дает хорошую основу для полного отсутствия травматизма в бригаде.

Разработка лесосек производится по новой технологии, по методу узких лент, т. е. размер деляны 250×500 метров делится по середине усом автодороги. Затем деляна разбивается на лесосеки шириной 36 метров. Валка леса производится одним вальщиком с применением гидроклина. Разработка ведется с полным соблюдением требований Госстандарта.

В целях сохранения на лесосеке жизнеспособного подростка и молодняка хозяйственно-ценных пород, валка производится на подкладочное дерево. Обрубаются сучья на лесосеке только в том случае, когда сбор порубочных остатков производится сучкоподборщиком ПС-2 на базе трактора ТДТ-75, в остальных случаях обрубка сучьев в зависимости от местных условий производится на трелевочных волоках и верхнем складе.

Комплекс работ бригады заканчивается подвозкой леса и укладкой хлыстов в штабеля на верхних складах; оттуда челюстным погрузчиком П-19 лес грузится на машины КРАЗ-255Л и отправляется на нижний склад.

Научная организация труда, как известно, базируется на достижениях науки и техники и передовом опыте, что позволяет наилучшим образом соединить технику и людей в производственном процессе. А от воли и деятельности последних как раз и зависит эффективность внедрения мероприятий НОТ; растет их квалификация, а следовательно, и продуктивность труда. В этом нетрудно убедиться, посмотрев работу отдельных членов бригады. Например, в число слагаемых НОТ прежде всего входит и высокое мастерство вальщика Олифиренко В. М., кавалера ордена Трудового Красного Знамени, «Почетного мастера леса и лесоплава РСФСР», лауреата премии имени Н. А. Ростовцева. Перед началом валки леса он обязательно проанализирует, как лучше свалить дерево: учитывает и древостой, и рельеф местности, и направление ветра; деревья на волок старается класть так, чтобы чокеровщик и тракторист после обрубки сучьев могли быстро набрать пачку хлыстов. Велик вклад и бригадира-тракториста Героя Социалистического Труда Н. А. Ростовцева и других членов бригады.

Если у кого-либо возникнут трудности, товарищи по работе сразу приходят на помощь. Обычно нелегко приходится сучкорубу, и тут никто не считает зазорным час-полтора поработать топором. Все знают: от этого выигрывает общее дело. Здесь поистине один — за всех и все — за одного. Потому и результаты бригады весьма ощутимы. И не случайно, когда экономисты леспромхоза провели фотографии рабочего дня двух бригад, работающих на одной лесной деляне, выяснилось немало расхождений. А между тем, работала по соседству с бригадой Ростовцева одна из передовых бригад леспромхоза под руководством А. И. Шелепова, и условия были равными. Однако результаты в конце рабочего дня получились разные. Бригада Ростовцева заготовила 105 кубометров древесины, а бригада Шелепова при дневном задании 73 кубических метра — 87. Процент выполнения дневного задания составил соответственно 131,5 и 119%. Откуда же набегали эти проценты?

Анализ затрат рабочего времени показал, что на заводку трактора в первой бригаде было затрачено 7 минут, во второй 15. На прогон без груза, формирование пачки, ход с грузом и отцепку пачки в первой бригаде затрачивалось 22 минуты, во второй — 53. В бригаде Ростовцева на вывозку одного хлыста уходило от 11 минут до 28, а бригада Шелепова затрачивала на эту же операцию времени почти в два раза больше. И тут играло роль не только мастерство, умение каждого члена бригады Ростовцева, но и духовное родство, сплоченность людей, самоотдача всего коллектива. Мне говорили: бригада — это еще не коллектив. Не согласиться с этим и не учитывать этого нельзя.

О преимуществе развития коллективных форм организации труда свидетельствует и тот факт, что сегодня укрупненная комплексная бригада того же Ростовцева решает практически все вопросы технологического цикла лесозаготовительного производства. Более того, бригада не ограничивает свою деятельность лишь заготовкой древесины, но и заботится о будущем леса, заканчивая цикл работы выкорчевкой пней и вспашкой лесосеки для посадки молодняка, тем самым внося свою лепту в решение задачи, поставленной XXV съездом КПСС: «Выполнить за пятилетие работы по лесовосстановлению в государственном лесном фонде на площади 10—11 млн. гектаров».

Было бы ошибочным считать, что секрет успехов кроется только в научной организации труда, хотя отрицать это и нельзя. Наверное, в большей мере секрет успехов работы коллектива состоит в том, что всем членам бригады, как мы уже говорили, присуща высокая ответственность и рабочая сознательность.

Как-то редакция «Алтайской правды» провела беседу за «круглым столом», куда был приглашен и Николай Алексеевич. На вопрос журналистов, как организовано соревнование в бригаде, Ростовцев ответил: «Хочу начать наш разговор с тех изменений, которые произошли в последнее время в социалистическом соревновании. Они хорошо видны на примере нашей бригады. В лесу я работаю не первый десяток лет и хорошо помню годы, когда всей нашей «техникой» были двуручная пила, топор и лошадь. Тогда соревнование, достижения его участников зависели в основном от физических возможностей человека. Нынче лесоруб имеет дело с могучими механизмами. И соревнование, вобрав в себя прежний азарт, состязательность, стремление к рекордным результатам, идет на новой основе. Сегодняшний передовик — это прежде всего человек, отлично владеющий новой техникой, методами современной организации труда, знаниями экономики».

Таким образом, организация соревнования в бригаде рассматривается в тесном единстве с проведением организационно-технических мероприятий, внедрением новой техники, повышением квалификации, научной организацией труда. Каждый из 12 членов бригады наизусть знает свои социалистические обязательства, условия соревнования леспромхоза, краевые условия соревнования, формы морального и материального поощрения.

Этому в известной степени способствуют применяемые формы гласности социалистического соревнования. Как правило, в конце рабочего дня профгруппорг или бригадир, или организатор производственной работы информируют членов бригады о выполнении дневного задания, не преминув при этом указать на причины, помешавшие достигнуть более высокого результата. Плюс к этому на утренней планерке уже ставится конкретная задача по устранению недостатков. Без этого не может быть успеха, движения вперед.

Большое внимание уделяется в бригаде соревнованию за экономию и бережливость. Особенно оживилось оно после выхода в свет письма ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Об улучшении использования резервов производства и усилении режима экономии в народном хозяйстве».

Всем членам бригады крепко тогда запомнились строки письма, в которых говорилось о том, что крупные резервы увеличения выпуска продукции и снижения затрат на ее производство заключены в более экономичном расходовании сырья, топлива, электроэнергии. Теперь бережливость, экономия в большом или малом стали непреложным законом бригады. Вот уже пять лет бригада принимает активное участие в проведении Всесоюзного общественного смотра по изысканию резервов производства. Для этих целей заведен журнал, в котором открыты личные счета экономии на каждого рабочего, взявшегося внести свой вклад в фонд года, пятилетки. Показатели работы коллектива и достигнутые результаты от производимого смотра свидетельствуют о том, что резервы стали использоваться лучше, чем прежде, рациональней и экономнее стали расходоваться горюче-смазочные, обтирочные материалы, запчасти на ремонте.

Весь комплекс принимаемых бригадой мер по улучшению организации социалистического соревнования, борьба за экономию, рациональное использование техники, бережное отношение к лесу при заготовке древесины, высокая рабочая самодисциплина позволяют коллективу бригады изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год добиваться больших успехов в выполнении государственных планов, повышении производительности труда.

Успешному выполнению принимаемых ежегодно бригадой повышенных социалистических обязательств способствует соревнование с бригадой лесозаготовителей из Озерского опытно-показательного лесопромхоза, которую возглавляет Федор Яковлевич Мотовилов, и с бригадой из Боровлянского лесопромхоза, которой руководит Левун Дмитрий Андреевич. Между этими бригадами постоянно заключаются договоры на соревнование.

Это заставляет членов бригад ревностно следить за успехами друг друга, позволяет полнее вскрывать имеющиеся резервы; в результате такого соревнования удается взять все лучшее из накопленного опыта, превратив изучение и использование его в подлинную школу для всех. Вот уже в течение многих лет бригада Ростовцева прочно удерживает инициативу в социалистическом соревновании среди лесозаготовителей края.

За достижение высоких показателей бригаде одной из первых в республике присвоено звание «Лучшая бригада на рубках главного пользования Министерства лесного хозяйства РСФСР».

Большое воздействие на результаты работы коллектива, укрепление коллективизма, товарищеское взаимоотношение оказывают авторитет и трудовая доблесть самого бригадира Героя Социалистического Труда Ростовцева. Он является шефом-наставником лесозаготовительных бригад лесопромхоза, которые успешно выполняют плановые задания. Николай Алексеевич пользуется авторитетом далеко за пределами края. Секретарь ЦК профсоюза лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности А. М. Зотимова, говоря о Ростовцеве, заметила однажды, что он в полной мере относится к тем рабочим, о которых Л. И. Брежнев сказал: «Передовой рабочий сегодня — это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду. Он чувствует себя хозяином производства, человеком ответственным за все, что происходит в нашем обществе».

В 1974 году бюро Алтайского крайкома КПСС, крайисполком, крайсовпроф и бюро крайкома ВЛКСМ учредили премию имени Героя Социалистического Труда Н. А. Ростовцева.

Новая форма соревнования пришла по душе лесорубам Алтая. За получение премии имени Н. А. Ростовцева борются все рабочие основных профессий лесозаготовительных бригад, в том числе и члены бригады, руководимой Николаем Алексеевичем.

Сейчас в леспромхозе организованы и успешно трудятся две укрупненных комплексных бригады вместо десяти существовавших ранее.

Если при работе десяти бригад требовалось для перевозки рабочих 5 автомашин, теперь только 2 автобуса; если требовалось 10 лесосек, сейчас 2; если требовалось подготовить 10 подвесных путей и 10 погрузочных площадок, теперь две. Значительно сократилась потребность в обогревательных вагончиках, котлопунктах и т. д. Улучшилось обслуживание тракторов, бензопил, заправка механизмов. Если малые комплексные бригады готовили в год 50 тыс. кубометров древесины, то тем же количеством людей в укрупненной бригаде за один год заготовлено 73 тысячи. Выработка на человека в день в малокомплексной бригаде составляла 20,6 кубометров, сейчас — 27. Снижены затраты на заготовке и трелевке одного кубометра леса на 10 копеек. На первый взгляд, это мизерная цифра, а между тем, только на трелевке экономия составляет 15 тыс. рублей.

Нет нужды доказывать, какое практическое значение имеет распространение и внедрение передового опыта, который таит в себе неисчерпаемые возможности подъема экономики лесозаготовительного производства, так как экономическая эффективность внедрения передового опыта — это дополнительный выпуск сверхплановой древесины, повышение производительности труда.

Практика убедительно свидетельствует, что изучение и пропаганда лучшего опыта — дело кропотливое и чрезвычайно ответственное. Его успех целиком зависит от уровня организаторской работы хозяйственных и профсоюзных органов. Тут нельзя обойтись одними разговорами, одобрить и внедрить тот или иной опыт. Необходимо так наладить работу, чтобы сама система планирования труда и производства требовала от бригадира, директора предприятия, словом, от всех хозяйственных, а также профсоюзных работников постоянного внедрения передового опыта, достижений науки и техники.

Поэтому заслуживает одобрения инициатива краевого комитета профсоюза и управления лесного хозяйства края, которые на базе бригады Н. А. Ростовцева организовали краевую школу передового опыта по повышению квалификации, изучению передовой технологии лесозаготовительного производства, научной организации труда, повышению производительности труда и эффективности производства. В этой школе поэтапно проходят обучение не только бригадиры, но и вальщики, чокеровщики. Ежегодно в школе передового опыта обучаются до 300 человек лесозаготовителей. И главное, как мы уже говорили, здесь большое внимание уделяется не только передовой технологии, повышению производительности труда, но и заботе о будущем сибирского леса — сегодня уже на месте старых вырубок поднимаются молодые деревца, растут и крепнут, как растут и крепнут люди, чей труд достоин самых добрых слов и самого высокого уважения.

„МЫ — С КОКСОХИМА!“

Сегодня на Коксохиме нередко можно услышать слова: «Наш город». И это справедливо: мы строим не просто завод, один из крупнейших в Сибири, в стране, мы строим город, но и это не все — главное, мы строим свое будущее!.. Нет, это не просто высокие слова, это те чувства, которые испытывает каждый строитель, каждый человек, связавший свою судьбу с нашим городом... Вот он — весь в строительных лесах. Коксохим! 750 гектаров — такова территория завода.

Коксохим уже сегодня должен вобрать в себя все достижения науки и техники, имеющиеся в этом направлении. Не случайно проектирование завода осуществляют двадцать два проектных и научно-исследовательских института.

Да и географически он расположен весьма удачно: в пяти километрах от станции Заринской, в 110—от Барнаула. Железная дорога, связывая Кузбасс с Алтаем, создает благоприятные условия для доставки кузнецких углей и вывозки готовой продукции кратчайшими путями к основным потребителям — в районы Средней Азии, Южного Урала и Западной Сибири.

Строительная площадка определена с учетом повышения плотности застройки и возможности последующего расширения завода. Коксохим — это мощный комплекс, в состав которого, кроме собственно завода, входят такие крупные сооружения, как ТЭЦ (кстати, первую очередь теплоэлектростанции намечено пустить в эксплуатацию в 1978 году), строительная база (бетонно-растворный, железобетонных изделий, арматурный, асфальтобетонный заводы), объекты внешнего водоснабжения, канализации и электроснабжения. Будет проведена реконструкция подъездных железнодорожных путей станции Заринской, построен новый вокзал на 400 пассажиров. Для обеспечения необходимых условий жизни коллектива завода предусмотрены значительные ассигнования на строительство жилья и объектов социально-культурного назначения — Дворец металлургов, кинотеатр, детсады, школы, комплекс бытового обслуживания и торговой сети, парк отдыха, объекты транспортного хозяйства.

Капиталовложения на 1978 год составляют по заводу 36 миллионов рублей, а в будущем — 45—50 миллионов. В 1980 году даст кокс первая коксовая батарея. Мощность завода выполнена до 9,5 миллиона тонн кокса в год.

Строительство завода рассчитано на 15—20 лет. В постановлении партии и правительства «О мерах по развитию угольной промышленности Донецкого бассейна в 1976—80 гг.» записано: «...обеспечить ввод в действие в 1980 году на Алтайском коксохимическом заводе промышленной установки по производству формованного кокса». Эта установка явится

первой в отечественной и мировой практике. Высокое техническое оснащение завода, уровень механизации и автоматизации, использование технологических потоков и оборудования большой единичной мощности позволяют говорить об Алтайском коксохимическом как об одном из самых современных предприятий.

Строящийся завод огромен и по праву в январе 1976 года, на старте десятой пятилетки, решением ЦК ВЛКСМ объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Комсомолу, молодежи предоставлено право создать первенец алтайской черной металлургии. Это большая ответственность и признание созидательных сил нашей советской молодежи.

Уже сегодня стройке требуются рабочие и инженеры, обладающие различными профессиями и специальностями как строительных, так и монтажных профилей. А в недалеком будущем, с пуском первого комплекса коксовых батарей, понадобятся машинисты коксовых машин, машинисты тепловозов, турбогазодувных машин, вагонопрокидывателей, операторы пультов управления, аппаратчики химических цехов и отделений, слесари, наладчики, рабочие железнодорожного транспорта.

Сегодня на Коксохиме работает около 4000 строителей, монтажников, механизаторов, транспортников, бетонщиков. Много уже сделано. Введены в эксплуатацию более 100 тысяч квадратных метров жилья, школа на 1280 и два детских комбината на 580 мест, магазин промышленно-продовольственных товаров, баня, две котельных, восемь электроподстанций, 12 артезианских скважин. В ближайшем будущем начнет действовать больничный городок с лечебным корпусом на 250 коек и поликлиникой. И все же в сравнении с запланированными масштабами строительства — это немного.

Это — лишь начало. Но формирование основного коллектива завода начинается уже сейчас. Краевой комитет партии, крайисполком, крайком ВЛКСМ оказывают нам в этом большую помощь.

Выступая на XVIII съезде ВЛКСМ, Л. И. Брежнев подчеркивал, что стройкам Западной Сибири «нужны не просто рабочие руки. Надо направить туда определенное количество строителей, монтажников, шоферов, буровиков, учителей, людей других специальностей — вот что нужно».

На строительство Коксохима едут настоящие энтузиасты, люди со всего края, со всех уголков страны. Думаю, ни с чем не может сравниться гордость строителя, причастного к возведению одного из крупнейших заводов пятилетки — первенца черной металлургии Алтая.

А. КОТОВИЧ,
директор строящегося Алтайского
коксохимического завода

Виктор СЛИПЕНЧУК

ПРИЗНАНИЕ

Владимир Готлибович Цитцер, бригадир комплексной бригады трубоукладчиков УМСП-10 треста Спецстроймеханизации, приехал на Коксохим во главе бригады монтажников, вместе с ним приехало шесть человек. Во главе — так во главе. Факт, конечно, не рядовой, но и не настолько замечательный, чтобы его тут же ставить в заслугу бригадиру. И до Цитцера приезжали на Коксохим бригадами и, надо полагать, еще будут приезжать — растет стройка. Словом, приехал и приехал... работой, посмотрим... В трудовой книжке помечено: оформлен переводом. Не всякого оформляют переводом, однако и это не новость. Многие приезжают переводом, но не многим удается перевести с собой былые заслуги, точнее, вровень встать с ними здесь, на Всесоюзной ударной. Такая это стройка — Коксохим, и дня не проживешь на ней вчерашними заслугами: она вся в завтра, она вся в будущем... Работай, посмотрим... И началось. Но не с приезда на Коксохим началось, много раньше. В 1943 году Володя Цитцер тринадцатилетним мальчиком поступил разнорабочим на Славгородский мясокомбинат. Косил сено, копнил, ухаживал за скотом. Суровое время — война, а все же взрослые не обходили мальчугана вниманием, ободряли, кто шуткой, кто ласковым словом, а кто, как дедушка Елизар, участливо положит руку на плечо...

— Ты, Володька, по твоим годам грамотный, пять классов, можешь, ого, как далеко шагнуть, токо того, не с ходу, а то штаны порвешь. Приглядывайся, облюбуй рукоесло. Кончится война, большие строительства пойдут.

С легкой руки ли дедушки Елизара, или тут сама обстановка послевоенная сыграла, скорее всего, и то и другое, потянуло подростка к строителям. Там кирпичи поднесет, там ломом подсобит, а в шестнадцать лет наравне со взрослыми рыл котлованы, вязал арматуру, ставил фундаменты. Освоил профессии: резчика по металлу, электросварщика, трубоукладчика, монтажника по технологическому оборудованию. Строил элеваторы: Гилевский, Кулундинский, Славгородский, Поспелихинский, Курьинский, Романовский, Харловский.

Начинать всегда трудно, а в 1961 году поступил на работу в Славгородский стройтрест, предложили возглавить бригаду монтажников. Тут и вовсе нелегко пришлось. Коллектив требует дополнительной энергии — сплоченность нужна коллективу, дисциплина. Раз ты — бригадир, тебе во многом первым полагается быть. Что? Как?.. Расскажи, покажи, не получилось у человека, наберись терпения, не выказывай досаду, успокой его. Встань рядом, трудись в паре, да половчей, чтоб за двух, напарник-то посмотрит, приглядится, и пойдет дело.

Владимир Готлибович говорит неторопливо, веско, так говорят люди, относящиеся к слову, как к основе действия. От того слова просты, а убеждают. Шестнадцать лет отдано строительству Славгородского химводезителя, даже для тридцатипятилетнего трудового стажа Владимира Готлибовича — это не мало, а если учесть, что именно здесь его бригада сформировалась, окрепла, превратилась в боевую производственную ячейку, то станет понятным, почему, вспоминая эти годы, он нет-нет и улыбнется счастливо, как сейчас.

— Однажды вызывает меня в управление Николай Трофимович Зизекало, главный инженер СУ-27. «Вот что, профессор...» Он меня называл профессором своего дела.

Владимир Готлибович весело засмеялся, почувствовалось, званием «профессор своего дела» он дорожит, оно ему приятно.

— Нужно срочно сдать железнодорожную ветку под разгрузку сырца. К восемнадцатому (разговор происходил третьего), чтоб все костыли были в шпалах». «Как так в шпалах? — очень меня удивило, там ветка больше четырех километров. — Минимум к двадцать третьему не раньше!» В ответ насулился: «К восемнадцатому максимум». Я, значит: «Николай Трофимович, вы что, не видите, что требуется?! Вам ни одна бригада и до двадцать третьего не вытнет». «Знаю, — говорит, — потому и ставлю вас, как хотите думайте, сочиняйте, а к восемнадцатому дорога должна действовать».

Владимир Готлибович, заново переживая ситуацию, покраснел, на широком выпуклом лбу выступили капельки пота.

— Ох и покрутились мы тогда. И так и эдак, нет, не забить кувалдами, не успеем...

Он помолчал, потер лоб и, словно не желая больше утруждать слушателя, закончил:

— За шесть дней управились.

Заметив недоумение, пояснил:

— Взяли отбойный молоток от компрессора, подготовили матрицы для забивания костылей — и все пошло как по маслу. Наша эта рационализация сейчас частенько используется.

За годы работы в Славгородском стройтресте бригада Цитцера добилась больших производственных успехов: за восьмую пятилетку выполнила две, вышла победителем в социалистическом соревновании в честь городов-героев и в соревновании 1974-го и 1975-го годов, за девятую пятилетку так же стала победителем. Все это создало ей и Владимиру Готлибовичу как бригадиру заслуженную известность среди строителей. Так что в июле 1977-го, когда он вместе со своим коллективом приехал строить Коксохим, казалось, ему не придется начинать с нуля,

что ни говори, а заслуги частенько бегут впереди людей. На этот раз они тоже оказались впереди, но не там, где расчищают дорогу на новом месте. Может, тому виной что худое слово, а может быть, специфика стройки сказалась, точнее, инерция общественного мнения тех лет, когда высококвалифицированного рабочего приходилось заманивать на Коксохим либо длинным рублем, либо благоустроенной квартирой, а чаще тем и другим. В общем, с приездом Владимира Готлибовича и его бригады больше всего говорилось не о производственных достоинствах вновь прибывших, а о какой-то личной обиде, легкой непреодолимой пропастью между секретарем парткома Славгородского стройтреста и бригадой Цитцера. «Обиженных» нигде не любят, а на комсомольских стройках тем более, потому что на них страсти кипят, как в котле. Интересы бригад, участков и управлений иной раз сплетаются здесь в такой узел, что в пору и начальникам хоть хвататься за грудки. На Всесоюзных ударных не до личных обид, личное всегда-то должно отступать на второй план, а на Коксохиме — на десятый и на двадцатый. Здесь не обижаться надо, а делать дело. Потому, наверное, глянув на вновь прибывшего бригадира, начальник УМСП-10 Алексей Михайлович Алексеенко не выразил ни радости, ни удивления. Приехал и приехал, работай, посмотри...

И поставил бригаду на самый горячий и горящий участок — строительство Омутнинского водовода. Опережая события, приведу проценты выполнения плана бригадой по месяцам: август — 126, сентябрь — 156, октябрь — 185, ноябрь — 170, декабрь — 224, январь — 287, февраль — 178. Хорошо трудилась и трудится бригада. Судя по процентам, ровно. Но это по процентам, в действительной жизни той ровности не было. Где-то на третий день Владимир Готлибович пригласил мастера участка на совет бригады. Вопрос был поставлен прямо, без обиняков:

— Зачем приписываете лишние рейсы шоферам? Вас за бутылку покупают.

Мастер вскипел.

— Ничего я не приписываю.

— В таком случае с завтрашнего дня шоферам, работающим с нами, проставлять выработку будете вместе с бригадиром. И еще, пока не наладим учет, пусть водители высыпают грунт рядом с траншеей.

Вечером следующего дня первые столкновения.

— Я сделал шесть рейсов.

— Нет, всего два, кстати, вот грунт, привезенный вашим КраЗом.

— Ах, так?!

Недавние войны, Яков Яцен, Иван Тейхриб, Виктор Васильев, Роберт Гидер и Дмитрий Фризин, приехавшие на Коксохим вместе с Владимиром Готлибовичем и составившие костяк бригады, встали плечом к плечу.

— Только так и не иначе.

Со стороны шофера не обошлось без туманных намеков на удаленность водовода от людских глаз и прочее, но это, как сказали в бригаде, уже была лирика, первый бой был выигран. Но были второй, третий, четвертый и пятый, и, надо полагать, будут еще бои, жизнь идет. Кто работал в бригаде трубоукладчиков, тот знает, что ее производительность во многом зависит от работы крановщика. Бригада обязана подготовить площадку для техники, а крановщик и помощник обязаны установить кран, укрепить его. Иные крановщики, скажем так, используя служебное положение в личных целях, не просят, а заставляют бригаду устанавливать кран, именно заставляют, причем покрикивая. Было так и на Омутнинском водоводе.

— Эй ты, старый, — открылась дверца кабины, и молодое безусое лицо с нагловатыми белыми глазами ткнуло ногой, руки у него, видите ли, были заняты, стряхивал пепел с папиросы, — шевелись, устанавливай кран!

Подобное обращение любого покоробит, а если безусый к тому же годится тебе в сыновья и, понимая это, однако, куражится, тут не грех и уши надавать ему.

— Постеснялся бы окружающих, я тебе в уши гоюсь.

Владимир Готлибович попытался пристыдить парня, пока что в мыслях не было отказываться от устанавливания крана.

— Кончай бухтеть, старый, я чего тебе сказал?! — прикрикнуло безусое лицо с нагловатыми белыми глазами.

— В таком случае установишь сам.

И опять в ответ пресловутое: «Ах, так?!»

Крановщик угнал кран.

— Особенно тяжело было видеть, как, поблескивая гусеницами, он удалялся.

Владимир Готлибович досадливо поморщился.

— Кругом работы невпроворот, а кран все дальше и дальше по степи. Если бы крановщик вернулся тогда, я бы простил его, но он не вернулся. Рабочий день смялся, пропал, прошел впустую. Приказом по управлению этого крановщика потом сняли с крана. Плакал, умолял простить... В бригаде ему сказали: «Что ты думал, когда оставлял нас без работы?! Ты получил то, чего добивался».

Владимир Готлибович глубоко вздохнул. Понимая его состояние, заметил:

— Добро должно быть с кулаками...

Он оживился.

— Так-так, конечно, но сильно ошибается тот, кто надеется приказами утверждать дисциплину. Дисциплина утверждается личным примером.

Становление образцовой трудовой дисциплины и производственного учета на Омутнинском водоводе не остались незамеченными. Возросла производительность труда, подскочил процент выполнения плана. В конторе УМСП-10 кто-то впервые подверг сомнению «обиженность» прибывшей бригады.

— Толковые ребята, крепкие. Пока что не их, а они «обижают» нерадивых.

Главный инженер управления Валентин Николаевич Чистяков предложил проверить на деле уровень мастерства бригады, ее производственную мощность, что ей, так сказать, под силу, а что нет. Благо, на Коксохиме за сложностью и сверхсложностью сооружаемых объектов далеко ходить не приходится. Цитцера вызвали в кабинет начальника управления.

— Владимир Готлибович, вот чертежи, с другого конца Омутнинского водовода запускается временная насосная, проложите нитку до станции обезжелезования и выйдете к трассе котельной.

Предупредил:

— Участок горячий и горящий по срокам, но мы надеемся, у вас в бригаде асы, у каждого по несколько смежных профессий, приступайте.

Насчет асов Алексей Михайлович умышленно сказал, чтоб подзадорить. Но тут же почувствовал: комплимент воспринят как должное. Это насторожило: не выскочка ли перед ним?! Насупившийся бригадир вдруг потупился.

— Не доводилось мне проколы делать под насыпью дорог.

Алексей Михайлович едва заметно улыбнулся: нет, перед ним не выскочка, раз только взглянул на чертеж, а уже прочел все.

— Проколы барнаульцы сделают, свяжемся с Барнаулом, другое как?

— Другое? Справимся сами.

— Справитесь?! Приступайте.

Алексей Михайлович снова едва заметно улыбнулся, сдерживая улыбку, бригадир ему понравился.

Владимиру Готлибовичу напротив едва заметная улыбка Алексея Михайловича не понравилась. Как-то связывалась она с тем, что не доводилось ему делать проколы под насыпями дорог. Тогда же пришло решение: перенять опыт барнаульцев.

В бригаде новое назначение восприняли без того радостного возбуждения, которое обычно сопутствует получению желаемого объекта, но и без тяжелых укоряющих вздохов.

Молчание затянулось. Оно объяснялось не только сверхсложностью трассы, такое количество изгибов, уступов и всяких других препятствий редко выпадает на трассу, построенную иным заслуженным трубоукладчиком и за всю жизнь, но еще и осознанием того, что от этого дела отныне зависит: утвердятся им на Коксохиме или...

На пути трассы, теперь на их пути, встали насыпи действующих дорог: железной и автомобильной, речка Камышинка и пруд, придется сваривать и укладывать по дну дюкеры, усложненные колена из труб, требующие особой чеканки в местах сочленений. И еще много-много различных вывертов, кручений и прочее... И все это на отрезке длиной в какую-то тысячу метров. Для сведения сообщим: подготовка косых сочленений оплачивается выше прямых, но она отнимает так много сил и времени, что любой трубоукладчик справедливо считает: его заработок находится в пропорциональной зависимости от длины водовода и обратной — от степени сложности. Потому замечание Вани Тейхриба, он первым нарушил затянувшееся молчание: «А ты бы, Готлибович, сказал им: мы там ничего не получим?! — Ваня выразительно щелкнул пальцами. — И откажись бы!» — привело бригаду в восторг.

Смелись до слез. Замечание сместило желанием защититься от возможной неприязни наивной хитростью, которая при всей своей естественности в данном случае, была неестественна, парадоксальна. Решался-то вопрос неизмеримо выше денежного — вопрос классности бригады. Утверждают они на Коксохиме или...

Барнаульцы, как и положено столичным мастерам экстра-класса, долго не могли выкроить времени — заняты, и в Барнауле их золотые руки нарахват. Наконец после длительных переговоров, согласились приехать на субботу и воскресенье, так сказать, личные праздничные дни юсвятые Коксохиму. Разумеется, и оплата должна соответствовать... один к одному. В обязанности бригады Цицера входило обеспечивать работу барнаульцев «боевым питанием»: вырыть траншеи с обеих сторон железнодорожного полотна, установить пресс и опорные стальные доски, подвезти трубы, а уж вершить дело будут они, барнаульцы. В общем-то, хорошие парни приехали, знающие, не скупилась, щедро делились секретами мастерства, но уж больно дней мало. За субботу пока настроились, приновились, прошли под полотном метров двенадцать. «Ничего, завтра к полудню закончим».

Не закончили. Прошли двадцать три метра, пять осталось, остановились. И так пробовали и эдак, не идет. На манометре стрелка за триста выпрыгивает, за предел, а труба замерла, словно и с другого конца тоже уперлась в стальные доски. Кажется, за час день прошел, глянули — вечер. Барнаульцы заторопились: на электричку пора, ждите нас через месяц, не раньше. Хотелось удержаться их, через месяц водовод должен эксплуатироваться, но как удержишь?! У этих людей на месяц вперед рас-

писаны все субботы и воскресенья, всюду их ждут, всюду они нужны, как воздух. Уехали мастера экстра-класса, и не обезглавлена вроде бы бригада, вот он, бригадир, а на душе у всех кошки скребут. Хорошо, пусть начальник управления и главный инженер знают: делать проколы мы не брались. А что народ подумает, он-то не знает?! Каждого не оповестишь: мы тут ни при чем. Найдутся хулителю, вынесут приговор: взялись, видно, рассчитывали наряды хорошо закрыть, а дело сделать не смогли, кишка тонка.

Ошибаются те, кто полагает, что среди рабочих нет злопыхателей, завистников, кляузников и прочее... или меньше, чем среди служащих. Люди — везде люди, везде их одолевают одни и те же страсти. Два года назад я работал плотником-бетонщиком в бригаде Михаила Брыкова СУ-38 треста Коксохим-строя и очень завидовал моему товарищу Николаю Шадуре только из-за того, что черенок совковой лопаты, которой он черпал бетон, был отшлифован лучше, чем у моей. Зависть была нешуточной, однажды мне приснилось: я решился на подлог, подменил черенок, мы подрались. Николай Шадуря крепкий парень, я проснулся в слезах. Окажись сон в руку, кто знает...

В бригаде не строили иллюзий — под угрозой чести, неважно по чьей вине, важно, что под угрозой. Решили: нельзя отступать. Не сделали барнаульцы — сами сделаем.

Три дня с утра до вечера то вытаскивали трубы, то опять все по-новой, — рассказывает Владимир Готлибович. — Злой, уставший придешь домой, ляжешь, а сон не берет. В среду вечером ужинаю, молчком, конечно, а Володька, сын мой, в третий класс ходит, расположился рядом. Скрутит лист бумаги в трубочку, посмотрит будто в подзорную трубу, потом ножницами чик-чик, зубчики вырезает, к октябрьским праздникам какие-то корзиночки мастерил. Я как глянул на зубчики, сердце так и подпрыгнуло: что если нарезать зубцы на трубе, под вид коронки, шлямбур соорудить?! «Ну, Володька, — стукнул кулаком по столу, на радостях, значит, — если завтра получится прокол (уверенность была — получится), считай, килограмм конфет у тебя в корзинке!» Лида, жена, в бок меня: «Скоро нас зайками сделаешь!» Повеселела.

В ту ночь сон пришел сразу, спалось легко, крепко. А утром Владимир Готлибович убежал на работу без завтрака, не терпелось. Шлямбур оправдал себя, пресс почти без усилий продавил оставшиеся пять метров. Бригада ликовала.

— Бывает же такая голова, бывает!.. — кричал Витя Васильев. — Качнем Цицера. (Так в шутку называют Владимира Готлибовича в своей бригаде в особые, незабываемые, как эти, минуты.)

В буфете столовой промбазы сыну бригадира взяли семь килограммов конфет, больше не вошло в хозяйственную сумку, каждому хотелось отблагодарить Вову за его «рацпредложение» к 60-летию Великого Октября.

Весь следующий день работалось споро, тянули «нитку» водовода к насыпи автодороги. Но чем ближе подходили к насыпи, тем беспокойнее становилось на душе. «Прокол хотя и трудно дался, машина ли его с барнаульцами, теперь все самим». Рассчитывали приступить без снежки, с понедельника, но комсомольская стройка есть комсомольская, к вечеру понаехало легковых машин. Большие начальники навестили. Один высокий, самый главный, все вокруг него держались.

— Что, Владимир Готлибович, к понедельнику пройдете под автодорогой?! — помолчал. — Состав с мазутом ждем, без воды его не разгрузить, надо...

Владимир Готлибович не успел ответить, а заместитель управляющего трестом Спецстроймеханизации Кулисида (в шестидесятых годах он работал на Славгородском химкомбинате крановщиком, там частенько выпадало им с Готлибовичем трудиться вместе) уже плечом оттеснил его.

— Петр Михайлович, к понедельнику пройдем.

Начальник УМСР-10 и главный инженер тоже кивают: пройдем, пройдем.

— Может, вам барнаульских асов прислать? — спрашивает самый главный.

— Не надо, справимся.

Высокий — в машину, все за ним. Кулисида, Алексеенко и Чистяков остались.

— Как так, Николай Георгиевич, к понедельнику?! Завтра-то суббота не рабочая!

— Рабочая, — вздохнул, вроде как с сожалением оторвался от своих мыслей. — Для нас с тобой рабочая.

— Почему от барнаульцев отказались?

— Потому что...

Николай Георгиевич Кулисида больше ничего не сказал, и так стало ясно: на весах честь не только бригады и управления, но и всего треста Спецстроймеханизации.

Владимир Готлибович попросил двух человек для усиления бригады.

— Один на трубоукладчик потребуется, другой на подхват, все мои хлопцы будут заняты.

Николай Георгиевич усмехнулся:

— По старой памяти возьми меня на трубоукладчик?!

— Беру.

— А я беру с собой начальника УМСР-10 Алексеенко. Как, Алексей Михайлович, годится?

— Годится!

Прокол под автодорогой начали в воскресенье утром, в половине девятого, шел первый снежок. Закончили в понедельник, в половине пятого. В самом прямом смысле бригада трудилась день и ночь. Когда Николай Георгиевич Кулисида слез с трубоукладчика и по первому снегу пошел осматривать «нитку», в его походке сквозило маршалское величие. Бригада торопила.

— Николай Георгиевич, вам надо в Главк успеть к девяти. Вам отчитаться надо обязательно в девять, — беспокоилась бригада.

И он ронял в ответ:

— Успео, успею, ребята. Отчитаюсь.

Коксохим, вспомнишь ли ты эти дни, когда твой первый кокс помчат железнодорожные составы в районы Средней Азии, Урала и Донбасса?! Вспомнишь ли нас, стоявших у твоей колыбели?!

И все же окончательное признание бригаде принесли не проколы под насыпями дорог и не стометровые дюкеры, положенные на дно речки и пруда. Происходил процесс количественного накопления, так чаша все лето стоит под дождями, наконец достаточно одной капли, чтобы вода в ней взбухла и, ринувшись через край, заявила о себе. Такой каплей послужила врезка водовода, построенного бригадой, в «нитку» (недействовавшую), соединенную с котельной. Солнце, дождь, холод по-разному воздействуют на трубы. Обработанные специальными химическими веществами, они иной раз накапливают в полостях взрывоопасные испарения. Во всяком случае, перед врезкой нужно сделать контрольные замеры газа, документально оформить разрешение на врезку и выдать этот документ в двух экземплярах рабочему, осуществляющему ее. Так предусмотрено техникой безопасности. Об этом и доложил Владимир Готлибович руководству, когда водовод был подведен к недействовавшей «нитке». Произошла

заминка. «С какой стати будем брать на себя врезку, — решили в тресте Спецстроймеханизации, — недействующую «нитку» строили не мы». Стали выяснять: кто строил? Оказалось, строили несколько субподрядных строительных организаций, причем и сообща, и в отдельности. Начались препирательства. «Никто не хотел умирать». Но и без воды — не жизнь. В бригаду наведалься заместитель управляющего трестом Коксохимстроя Николай Васильевич Панкратев.

— Когда дадите воду?

Ему объяснили в чем дело и попросили:

— Дайте разрешение, врежемся на ваших глазах.

Николай Васильевич поинтересовался:

— Не боитесь, вдруг взорвется?

Владимир Готлибович сказал: «Если взорвется, то не здесь, в месте врезки, а в конторках и конторах, идет великий бумажный бой. В настоящее время некоторые руководители предпочитают умалчивать о нем, и, наверное, не стоило бы нарушать понятное молчание, но именно в этот момент со всей силой раскрылись высокопрофессиональные и нравственные качества бригады и ее бригадира.

— Еще не лучше, — заметил заместитель управляющего Коксохимстроя и строго-настрого приказал: — Ни в коем случае без специального разрешения не врезаться.

Приезжали и другие руководители, и каждый вместо ожидаемого бригадой разрешения заканчивал разговор строгим приказом: «Без специального разрешения ни в коем случае...»

Где-то там, «в верхках», звонили телефоны, раскалялись страсти, а здесь у злополучной «нитки» сидела бригада, ждала, но и Коксохим ждал. Назревал скандал. Бригада ничего не знала и даже не догадывалась, что где-то там, в конторках и конторах, идет великий бумажный бой. В настоящее время некоторые руководители предпочитают умалчивать о нем, и, наверное, не стоило бы нарушать понятное молчание, но именно в этот момент со всей силой раскрылись высокопрофессиональные и нравственные качества бригады и ее бригадира.

— Слушай, Готлибович, это же сколько мы просидим, вода нужна?!

Вспомнили, что у бригадира стаж монтажника двадцать пять лет и он должен нюхом чутя: опасно врезаться или... Дали понять, что со всеми приказами «ни в коем случае...» они не посчитаются, если бригадир сам обследует злополучную «нитку» и решит — можно. Владимир Готлибович прошел по «нитке» взад и вперед: простукивал трубы, принюхивался, открывая задвижки. Дело слишком серьезно. В это время в бригаде тянули жребий, кому достанется металлорез. Напрасно тянули, металлорез взял Владимир Готлибович, а когда со врезкой было покончено, поехал в трест доложить: водовод готов, пусть приемочная комиссия принимает. Его появление в кабинете заместителя управляющего трестом осталось почти незамеченным. Телефонно-бумажный бой вступил в решающую фазу, вот-вот должен втянуться в него Барнаул. Шла подготовка, тут не до бригадира: «Ждет — подождет». Обескураженный занятостью начальников, Владимир Готлибович снял шапку: хотел подвязать «уши», в кабинете начальника рабочий человек всегда чувствует себя уверенной, если занят каким-нибудь делом, хотя бы таким, как подвязывание «ушей». Он не подвязал их. Оторвавшись от телефона, заместитель управляющего спросил:

— Как дела?

Просто так спросил, для приличия, сам уже набирая номер телефона.

— Да вот врезку сделали, пусть комиссия принимает водовод.

— Как сделали?!

Рассказывают: когда Владимир Готлибович ушел, в кабинете воцарилась мертвая тишина, даже

телефоны точно отключились. Николай Георгиевич встал из-за стола, повернулся к окну.

Через двор шел человек в рабочей спецовке, несколько грузный, и потому как-то особенно бросалось в глаза его забавное ухарство, исходящее от шапки-ушанки, весело помахивающей перебитыми крыльями своих ушей.

— Вот он, Владимир Готлибович Цитцер! — как бы раздумывая вслух, сказал Николай Георгиевич. — Бригадир, преподавший нам урок, — и вдруг с силой. — Теперь вы понимаете, почему в Славгородском стройтресте этого человека называли профессором своего дела?!

Начальник энергоцеха строящегося Коксохимического завода Владимир Михайлович Вершинин принял участок водовода, построенный бригадой Цитцера, с оценкой отлично и еще чуть-чуть (чуть-чуть — две атмосферы сверхнормативного максимума во время опрессовки). Заканчивая рассказ, напомним, что после этого водовода, пущенного в эксплуатацию в конце ноября, бригада выполнила план декабря на 224 процента, января — 287, февраля (короткий месяц) — 178.

Такая это стройка — Коксохим! И дня не проживешь на ней вчерашними заслугами: она вся в завтра, она вся в будущем.

г. Заринск. 12 марта

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.akunb.ru

Виктор САПОВ

ПОД ЗВЕЗДАМИ
БАЛКАНСКИМИ

БРАТЯ ПО ОРУЖИЮ

Пожалуй, немного найдется на европейском континенте стран с таким четко выраженным альпийским пейзажем. До самого Черного моря бесконечной грядой тянутся многочисленные сопки. Они, как шлемы сказочных богатырей. Холмы сменяются зелеными перелесками с быстрыми реками со студеной водой, хлебные поля — виноградными плантациями, звон пшеничных колосьев — солнечной музыкой наливающихся спелым соком сахарных гроздьев, зеленью лугов, благоуханием розовых долин. Такова Болгария — край чудесной красоты.

— Ваша страна чем-то напоминает мне Горный Алтай, — сказал я как-то нашему варненскому гиду, коллеге из окружной газеты «Народно дело» Ивану Кондову.

— О, у вас, в Сибири, совсем другой размах! — заметил он. — Я читал: Алтай в два с половиной раза больше Болгарии. Ну, а то, что природа похожа... У нас с вами много общего: и в делах, и в помыслах.

Мы проехали страну от Варны до Софии и всюду, с кем бы ни беседовали, слышали: да, у нас много общего, что роднит и объединяет наши народы и государства испокон веков. Особых подтверждений для этого не требовалось. Вот мелькают города Бургас, Сливен, Велико-Тырново, Габрово, Пловдив... И вдруг типично русские названия — Столетов, Толбухин...

Я привел эти города не случайно. Они названы в честь двух русских полководцев генерала Столетова — героя Шипки и маршала Толбухина — героя Великой Отечественной войны. За каждым из этих фактов целые этапы освободительной борьбы: сначала против оттоманской империи, затем — против гитлеровского нашествия. И оба они выиграны при поддержке россиян.

События эти — живая история народа. Бережно чтят болгары помощь нашего народа в борьбе с чужеземцами, поработителями. С волнением подъезжали мы к Шипкинскому перевалу. Полдень. Вереница автобусов и машин. Люди выходят и идут по ступенькам на вершину бывших редутов русских солдат и болгарских ополченцев. Идем и мы. Говорят, здесь свыше 1000 ступенек. Может быть, и больше. Об этом никто не думает. Здесь думают о

другом. Шипка стала символом болгаро-советской дружбы.

Нам рассказывали такой случай. Однажды два сына привезли сюда старую женщину. Ее вывели из машины под руки и повели по ступенькам к памятнику. Кто-то сочувственно заметил: «Бабушка, вам тяжело. Вы бы могли проехать на машине». До самой вершины есть дорога. Но старая болгарка, кивнув на братские могилы, промолвила: «А им легко было? Я четыре года готовилась, чтобы зайти сюда и преклонить колени перед русскими братьями».

Со всех концов мира едут сюда люди, отдавая дань мужеству побратимов. В день национальных праздников склоны Шипки — как ромашковый луг. Столько здесь бывает народа. Нельзя без волнения читать отзывы. Их тысячи и тысячи. В разноязычном говоре слышны голоса туристов из Москвы и Ленинграда, Петрозаводска и Волгограда, Новосибирска и Магадана... А теперь есть и из Барнаула.

А вот другие памятники. София. В центре города, напротив здания Национального собрания — скульптурная композиция: богиня победы Нике ведет вперед русских богатырей, а за ними следуют, преисполненные надежды, болгарские крестьяне. А разве можно стоять спокойно возле знаменитого «Алешки», что поднялся во весь рост на холме Освобождения в Пловдиве? Когда его создателя, скульптора Методия Витанова, спросили, почему он дал ему такое имя, он ответил:

— Пловдив был освобожден войнами 3-го Украинского фронта под командованием маршала Толбухина. Я тогда был молодым коммунистом и подружился с тремя советскими ребятами: Алешей, Ваней и Мишей. Самый высокий из них был Алеша. Настоящий богатырь. Родом из Сибири, вырос в тайге. В начале 50-х годов я начал работать над памятником и вдруг сам себя поймал на мысли, что скульптура все больше походит на моего сибирского знакомого. Когда монумент был готов, я взял и написал на бетоне его имя.

Всем сердцем полюбили пловдивцы «Алешу», представшего во всем своем величии. Когда я его увидел, то невольно подумал: «А не с Алтая ли этот мужественный хлопец?»

В Болгарии много и других памятников, отражающих совместную борьбу с общим врагом. И все

они — неразрывная связь времен и поколений, гимн братству по оружию.

Мой коллега, софийский корреспондент «Правды» Леонард Крайнов, рассказывал о Лиля Каростояновой, чье имя сейчас носит один из советских кораблей. Она сражалась в партизанском отряде, погибла в Белоруссии. В то же время в таком же отряде в Балканских горах воевал сержант Красной Армии, бежавший из фашистского плена, И. М. Фонарев.

Запомнилась поездка в Несебыр. Этот экзотический островок рыбаков, так красочно описанный Константином Паустовским, имеет еще и героическую историю, о чем гласит мемориальная доска на одном из домиков. Здесь жила партизанка Яна Лескова, погибшая от рук палачей в 1944 году. Она была коммунисткой. Ее муж — тоже. Их казнили вместе с двумя детьми.

У ее матери Фаны выплаканы глаза от горя. Я встретился с ней на улице, носящей имя дочери. Слушаю старую женщину и невольно вспоминаю проникновенные слова, сказанные Первым секретарем ЦК БКП Тодором Живковым:

— Нас связывает не только славянская кровь, не только вершины Шипки, редуты города Плевны, безмянные братские могилы далекого и близкого прошлого, кровь русских и советских богатырей, пролитая за свободу Болгарии. Нас связывают общие идеи, общие цели, общая борьба, общее коммунистическое будущее!

Когда-то говорили, что Болгария имеет два цвета: черный — это измученные пашни. Красный — это прострелянные знамена, залитые кровью мостовые, раненые закаты...

Один из таких раненых закатов — восстание 23 сентября 1923 года. Оно вспыхнуло стихийно, как и апрельское 1876 года. Во главе повстанцев были видные руководители компартии Георгий Димитров, Васил Коларов и Гаврил Ганов. Выступление было подавлено. Погибли либо были заключены в тюрьмы тысячи пионеров социализма. Однако борьба продолжалась.

Кто бывал в Бургасе, наверняка слышал рассказ о дерзком побеге из заключения группы болгарских коммунистов в 1925 году. Это было на острове Святой Анастасии, превращенном царским режимом в концлагерь. Многим из подпольщиков грозила смертная казнь. И тогда на помощь пришли товарищи. Операцией по спасению руководили Теохар Бакырджиев и Васил Новаков. В день прощания с родными узники решили разыграть «концерт». Смотреть на причуды красных пришла вся охрана. И вот тут-то, в самый разгар представления, «зрители» дружно навалились на «церберов», разоружили их, подождали, когда с рыбалки вернется их начальник, и, заточив его в камеру, покинули злополучный остров.

16 дней отряд пробивался с боями через леса и горы Странджи к турецкой границе. 17 августа с помощью советского консульства в Стамбуле участники побега на теплоходе «Ильич» отплыли в Одессу.

По-разному сложились судьбы ветеранов революционного движения. Многие закончили тогда вузы и работали в СССР. Бакырджиев, например, в МОПРе. Новаков служил в рядах Советской Армии, Яршов был участником интербригады в Испании, а потом, по заданию ЦК ВКП, работал в подполье в годы фашистской оккупации. Удостоен звания Героя Социалистического Труда НРБ. Депутат Народного собрания от Бургасского округа.

Мы были в Бургасе, когда там торжественно отмечали 50-летие побега. Остров теперь переименован в Большевик. Здесь богатый музей, на мате-

риалах которого молодое поколение проходит хорошую школу революционной борьбы, изучает историю партии.

Когда писались эти строки, Болгария отмечала 32-летие со дня восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом. Эта знаменательная дата — 14 августа, в истории государства — свидетельство еще одной победы Коммунистической партии Болгарии. Став после 9 сентября 1944 года общепризнанной руководящей силой общества, она сплотила народы для совместной борьбы с гитлеровской Германией, во многом способствовала лояльному выполнению этой страной обязательств, возложенных на нее Соглашением о перемирии.

Причем это не было обычным актом возобновления связей. Восстановление дипломатических отношений стало началом всестороннего политического, экономического и культурного сотрудничества между братскими странами, получившим свое дальнейшее развитие в договорах от 1948 и 1967 годов.

Со всей полнотой выразил это Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в обращении к читателям журнала «Дне и утре»:

«Между нашими партиями и правительствами установились прочные отношения единomyслия и единства действий по основным проблемам современности. Мы руководствуемся одним великим учением — марксизмом-ленинизмом. У нас одна великая цель — победа коммунизма. Мы идем к ней по общему пути, и нет на свете силы, которая могла бы склонить нас от него».

ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА

Вместе с сибирскими сувенирами я вез с собой фотографию болгарина в форме подполковника Советской Армии. Это был Иван Стоянов. Подробно о нем мне говорил комиссар бывшего 3-го кавалерийского корпуса, полковник в отставке Давид Семенович Добрушин. Вот литературная запись его рассказа.

Я подружился с Иваном Стояновым в 1933 году в небольшом украинском городке. Мы служили тогда в 5-м кавалерийском корпусе. Мне сразу понравился этот красивый, невысокого роста болгарин с живыми карими глазами и черными усиками. Офицерская форма придавала ему элегантный, молодцеватый вид.

По окончании танкового училища в Киеве Стоянов сначала командовал ротой, а вскоре принял батальон. Внимательный и чуткий к людям, Иван пользовался авторитетом среди солдат и офицеров.

Мы были соседями. Двери наших квартир выходили на одну лестничную площадку. И часто наши семьи проводили вместе досуг. У Ивана была жена — красавица Наташа. Как она любила петь болгарские песни! То были песни отца Стоянова, эмигрировавшего незадолго до Октябрьской революции в Россию, спасаясь от преследований жандармов.

Войну наш корпус встретил на границе. В первом же бою за город Стоянов показал себя опытным командиром. Замаскировав танки, он превратил их в неприступные для врага огневые точки. А когда наша конница перешла в контратаку, его машины вклинились в боевые порядки противника. Захватчики были отброшены на десятки километров от границы Советского Союза.

Впоследствии Стоянов, умело применяя танковые маневры, поддерживал кавалеристов огнем. Под Москвой он командовал уже полком. Здесь, на Елецком направлении, 14-я кавалерийская дивизия, прорвав передовую линию противника, прошла де-

сятки километров по тылам до самого Ельца. Но потом немцы, подтянув механизированные подразделения, создали крупный узел сопротивления. Стоянов оставил один батальон в засаде, а остальные машины при поддержке кавалерии повел в атаку. В разгар боя танковая засада сыграла решающую роль.

Так было и под Харьковом. Та же дивизия, совершив стремительный рейд по вражеским тылам у населенного пункта Шигры, снова попала в окружение. Завязался танковый бой. 15 машин с крестами на броне запылали кострами на поле боя, остальные, не выдержав натиска гвардейцев, повернули назад. Но вражеское кольцо все теснее сжималось вокруг дивизии. На исходе боеприпасы, горючее, провиант. Командир дивизии собрал офицеров на совет. Кто-то предложил подорвать танки, пострелять лошадей и пробиваться группами к своим.

— Я против этого, — возразил Стоянов. — Мы еще можем пробить брешь танками.

На рассвете остатки полка Стоянова при поддержке гвардейцев 18-го кавалерийского полка пошли на сильно укрепленные позиции врага. Дерзким броском они обеспечили выход дивизии из окружения. За эту операцию Иван Стоянов был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

...Бои шли уже под Сталинградом. Красная Армия стягивала в междуречье Волги и Дона свежие силы, создавая бронированный кулак для решающего отпора врагу. Наш 3-й гвардейский кавалерийский корпус удерживал Букановский плацдарм на стыке между 37-й и 63-й армиями. На этом и других участках линии нашей обороны противник стремился во что бы то ни стало завладеть инициативой, чтобы не оказаться в котле. На нашем участке ему удалось захватить хутор Крутовской. И тогда, чтобы не допустить прорыва обороны, в помощь кавалерийскому полку Демобичского через Дон был переправлен танковый полк Стоянова.

Стояновцы, взаимодействуя с кавалерийскими частями, успешно отбили контратаки противника в районе Малая и Нижняя Бузиновка и подошли к Большенабатовскому, где им предстояло сыграть центральную роль. Стоянов действовал испытанным методом. Головные машины сдержали натиск гитлеровских танков, а появление с флангов «тридцатьчетверток» довершило разгром противника. Мы овладели Большенабатовским.

...Сталинград стал поворотным пунктом в ходе второй мировой войны. Отсюда мы бесповоротно погнали врага на запад.

Как-то в перерыве между боями я встретил Ивана Стоянова. К его боевым наградам прибавилась еще одна — медаль «За оборону Сталинграда». Внешне он не изменился. Все такой же подтянутый, элегантный.

— Теперь до Болгарии рукой подать, — улыбаясь сказал Иван. Но он не увидел своей Болгарии...

Это случилось в Восточной Пруссии, близ города Гольдапа, незадолго до окончания войны. Шел танковый бой. И командирская машина вдруг угодила в бомбовую воронку. Иван пересел на другую машину. Снова неудача: снарядом сорвало гусеницу. На выручку посланная кавалеристы. Гусеницу отремонтировали, но от прямого попадания «тридцатьчетверка» вспыхнула факелом. Стоянова доставили в госпиталь с тяжелыми ожогами. Он выжил бы, если бы во время налета вражеской авиации пуля не пробила его сердце.

Мы похоронили его на советской земле, в белорусском городе Гродно.

Несколько лет назад, выступая в военно-политической академии имени В. И. Ленина, я рассказал

о своем боевом друге из Болгарии. Один из слушателей, болгарин Яким Прижибаловски, попросил у меня фотографию Стоянова. Однако от него не было никаких известий. Видимо, не нашел никого из родных.

Я записал этот рассказ, работая корреспондентом АПН. Он был опубликован в журнале «Днепр и утро», выходящем на болгарском языке. И теперь, отправляясь в Болгарию, я надеялся найти кого-нибудь из родственников Ивана Стоянова. Однако поиск мой не увенчался успехом. И это понятно: сколько в России Ивановых, столько в Болгарии Стояновых, а времени у меня было в обрез. Но совсем недавно Давид Добрушин сообщил мне, что его буквально завалили письмами однофамильцы Ивана. А один из них, Илья Атанасович из села Менолово Старозагорского округа, так и подписывает свои послания: «Брат подполковника Стоянова». Что ж, нет безымянных героев. И какой народ не будет гордиться таким сыном, как Иван Стоянов.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ТЪРГОВИШТЕ

В канун 25-летия Болгарской социалистической революции в Търговиште состоялась внеочередная сессия городского народного Совета, обсудившая всего один вопрос: о присвоении звания почетного гражданина города советскому полковнику Илье Титову, кавалеру болгарских ордена «За храбрость» и двух медалей. Вручая сыну России гражданскую грамоту, представитель мерии сказал: «В вашем лице, товарищ Титов, благодарная Болгария чувствует Советскую Армию и ее доблестных воинов-освободителей!»

Целый месяц русский гражданин провел в кругу болгарских друзей. Встречался с ветеранами народной армии, молодежи; со старожилыми, которые в сентябре 1944 года вручали советскому офицеру ключи от города. А под конец своего необычного турне почетный гость отдохнул на курорте Золотые пески.

Встретившись как-то на берегах Волги, Родионцев скажет о Титове: «Вот мой первый учитель. Он много требовал с нас как старшина. Но в дни Сталинградской битвы его наука пригодилась мне как генералу».

Самого Титова война застала на сталинградской земле. Он возглавлял командирские курсы. Затем были бои под Харьковом. Марухский перевал на Кавказе. Яссо-Кишиневская операция. Победный марш по Румынии, Болгарии и так далее, уже в рядах болгарской армии — по Югославии.

В ноябре 1944 года полковник Титов снова возвращается в Болгарию и командует советскими военными частями, находящимися в Пернике и Радомире. Его штаб напоминает своеобразный Дом советско-болгарской дружбы. Местные власти, делавшие первые шаги в управлении страной, часто обращались к командиру за советом, как полпреду страны, построившей социализм. Между красноармейцами и жителями окрестных населенных пунктов устанавливаются самые теплые отношения. Стоявавшись по мирному труду, воины добровольно помогают вывозить уголь из шахт, ремонтируют сельхозинвентарь. Медицинские работники проводят профилактические осмотры населения. Болгарская молодежь — частый гость воинских подразделений.

— Я хорошо помню вожака Пернишской молодежи Максима Тадорова, — рассказывал мне Илья

Самсонович. — Сейчас он секретарь горкома БКП в Пернике. 25 лет спустя мы встретились с ним как старые знакомые. Максим показал мне родной город. Тогда над городом возвышалась всего одна заводская труба и та была разбита. Сейчас в Пернике десятки заводов. Новые дома. Красивые улицы. Где бы я ни был — в Стара-Загоре, Сливине, Тырново, Варне, Шумене, Тырговиште — всюду я видел обновление, всюду я встречал радующие и гостеприимство болгарского народа, уверенно идущего по пути к социализму и коммунизму.

...Илья Самсонович давно сугубо штатский человек. Но служит офицером Геннадий Титов — младший сын. Старший сын Владимир тоже был офицером и дошел вместе с отцом до Болгарии. Внуки подрастают. Проводили в армию Сережу — сына Владимира.

Не уходит в запас и сам Илья Самсонович. Работает директором Волгоградского Дома архитекторов и ведет большую работу по воспитанию подрастающего поколения. Часто бывает в воинских подразделениях. Шефствует над клубом интернациональной дружбы городского Дворца пионеров. Члены этого КИДа — пионеры и школьники — любят послушать бывалого воина, который является почетным гражданином еще двух украинских поселков — Сахново и Карпуховка. Не без помощи Титова кидовцы завязали переписку со сверстниками из Свишова, Пловдива, Горно-Оряховицы и Ракиново. Юные ленинцы собрали материал об интернационалистах, сражавшихся под Сталинградом, разыскивают документы о пребывании в их городе Стояна Джорова. Ребята проводят викторины «Наш друг — Болгария». И совсем неожиданным для ребят был рассказ Ильи Самсоновича о том, как он встречался с Георгием Димитровым.

— Это было в 1934 году, — говорит Илья Самсонович. — Я служил тогда в Кремле. И однажды меня наградили путевкой в правительственный дом отдыха в Кисловодске. Там я познакомился с Емельяном Ярославским из «Правды», партийными работниками Ивановым из Ленинграда и Румянцевым из Смоленска, которые сказали мне, что приезжает Георгий Димитров с женой. Мы часто видели их на прогулке. Отдыхающие старались не беспокоить вождя болгарских коммунистов. Мы хорошо знали подробности лейпцигского «процесса». Он стоил Димитрову многих сил. Однажды мои друзья сказали: «Илья, идем на охоту!» Я быстро собрался и был приятно удивлен, увидев среди охотников Георгия Димитрова. В пути нам, правда, не повезло. Пошел дождь, и наши машины застряли. Я побежал в ближайшее селение и вскоре вернулся оттуда на арбе. Димитров был в хорошем настроении и шутил, пока мы вытаскивали волами легковые машины. Будто и не было за его плечами пресловутого «процесса». Мог ли кто из нас тогда подумать, что первая одержанная Димитровым битва с фашизмом будет не последней, что нам предстоит в скором времени скрестить штыки с этим чудовищем, а мне самому придется выполнять интернациональный долг на родине этого легендарного революционера. Мы, коммунисты, учились у Георгия Димитрова мужеству.

Славный жизненный путь прошел почетный гражданин Тырговиште. О нем напоминают многочисленные фотографии, документы разных лет, газетные вырезки, переписка с болгарскими друзьями. Все это составляет в доме Титова своеобразный музей советско-болгарской дружбы. Особенно бережно хранит ветеран фотографию, обошедшую многие газеты мира. Снимок сделан в Софии на параде в честь победы над гитлеровской Германией. На нем запечатлены Титов, двое его боевых товарищей и

119-летний болгарин — участник освободительного похода против османской империи.

— Это символический снимок, — говорит Илья Самсонович. — Герои Шипки и Плевны давно спят вечным сном, но живы мы, их наследники. И живы наши сыновья и внуки. Мы передадим в их надежные руки эстафету русско-болгарской дружбы, которой уже сто лет.

Недавно Илья Самсонович снова получил приглашение в Тырговиште.

«Дорогой Илья Самсонович! — говорится в письме. — Городской комитет Болгарской коммунистической партии и городской народный Совет приглашают Вас, Вашу жену и дочь приехать в гости в наш город для торжественного чествования 9 сентября нашего национального праздника... Мы никогда не забудем помощь Советского Союза, который не только освободил нас от ига фашистов, но и теперь помогает нам в построении социалистического общества. Будем рады увидеться с Вами и показать Вам новое в нашем округе.»

ДРУЖБА НАВЕКИ

Портовый город Варна. Морские ворота страны. Типичный пейзаж: как птицы марабу, вскинув клювы в поднебесье, застыли в заливе плавающие краны. Канал прямо из Черного моря выводит корабли в Варненское озеро. Его берега в лесах строек. Сооружается причал для крупнотоннажных судов, в том числе и отечественных, грузоподъемностью 100 тысяч тонн. Первое такое судно пока еще на стапелях здешней судовой верфи имени Г. Димитрова. Его спустят на воду в конце года. В будущем 9 танкеров поставят Польше, 14 — Советскому Союзу.

Болгария расширяет свои морские ворота в прямом, и переносном смысле. Ранее действовавший в Варне разводной мост через канал стал тесен. Сейчас строят ворота пошире — Аспарухов мост. Это название он получил в честь основателя Болгарского государства. Его длина около километра, высота 45 метров.

Рядом с этим мостом другой — «мост дружбы». Это — судоремонтный завод. Детище советско-болгарской дружбы.

— Наш завод строился с помощью специалистов из Ленинграда, — рассказывает директор предприятия Радий Цветков. — Сначала это был небольшой цех судовой верфи, где ремонтировались небольшие суда. Потом отпочковались. Сейчас у нас «обновляются» суда грузоподъемностью до 25 тысяч тонн. Мощность предприятия с того времени возросла во много крат. Вдвое увеличилась производительность труда. При той же численности рабочих.

С благодарностью вспоминали наши собеседники первого технического руководителя из Москвы И. Н. Пугачева, инженера Н. Я. Иваненко из Днепропетровска — почетного гражданина Варны. Их здесь помнят хорошо еще и потому, что они внесли немалый вклад в сооружение жилого комплекса, который так и называется — «Дружба». 17 многоэтажных домов, поликлиника, ясли, ресторан, магазины и пр. Это был первый в Варне комплекс с таким обширным сервисом для трудящихся.

Накануне нашего приезда на заводе отмечалось важное событие. Государственная комиссия приняла в эксплуатацию плавучий док, который способен поднимать крупнотоннажные суда. Монтажом руководил инженер Складенко с Ленинградского адмиралтейского завода. Болгарские специалисты справились с этим за 18 дней, вдвое быстрее, чем предусматривалось технологией сборки.

Сказалась «советская школа». Немало заводчан побывало в Советском Союзе, перенимая передовой опыт. Не раз был в нашей стране и сам Цветков. Один раз участвовал в конференции по рыбацким судам, проводимой в Москве по линии СЭВ. И он рассказывал, как познакомился там с инженером с Алтайского тракторного завода.

— Забыл как его зовут, — сокрушался он. — Знаю, что из Рубцовска. Мы три дня с ним жили в одной гостинице, ездили вместе на Бородинское поле. Но если вы напишете, он ответит.

Цветков любезно откликнулся на нашу просьбу и показал завод. В одном из доков мы встретили советское грузовое судно «Эвенок». На нем, как циркачи на канатах, маляры в красочных касках наводили «лоск». Здесь «подлечиваются» многие советские суда. Были и такие крупные пассажирские лайнеры, как «Белинский», «Победа», «Россия», «Адмирал Нахимов».

— «Адмирал Нахимов» к нам заходил уже 15 раз, — продолжает разговор на чисто русском языке начальник отдела кадров Николай Лаврентьев, он же — председатель заводского клуба болгаро-советской дружбы. — Этот корабль для нас как святыня. «СССР в миниатюре». На его территории мы вручаем партийные и комсомольские билеты, чествуем «чвдарче» — сентябрат.

Николай Дмитриевич рассказывает о тесных контактах с капитаном теплохода Н. А. Соболевым и замполитом И. И. Бешко, о том, как недавно генерал-полковник Захарий Захарьев, дважды Герой Советского Союза, заместитель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы, вручал им здесь специальные золотые значки за активную работу по укреплению дружбы между нашими народами.

Я спросил Лаврентьева, где он учил русский, и насколько не удивился, услышав такой ответ:

— Мой дедушка из России, бабушка — болгарка. А жена из Краснодарского края. Была членом Ильичевского райкома ВЛКСМ. Поехал туда как-то в составе делегации. Приглянулась. Валея ее зовут. Сейчас она работает учителем в школе. Дочка у нас — Альбина.

...Таков краткий рассказ об одном заводе и его людях, ставших неразрывным звеном в цепочке болгаро-советской дружбы. Предприятие это — один из активных членов Всенародного комитета. Созданный по решению ЦК БКП, он имеет разветвленную сеть обществ, которые проводят большую работу на местах под непосредственным руководством партийных органов совместно с Отечественным фронтом, министерствами, комсомолом и профсоюзам.

Задачи этого комитета четко выразил Георгий Димитров в апреле 1947 года. Коротко их можно сформулировать так: знать все о СССР, постоянно поддерживать контакты, перенимать опыт строительства социализма, пропагандировать достижения братской страны, бороться против поджигателей войны.

Популярность Всенародного комитета болгаро-советской дружбы в стране велика. Его возглавляет верная дочь Болгарии член Политбюро ЦК БКП Цола Драгойчева. Сейчас в стране действует свыше 1000 клубов, объединяющих тысячи и тысячи друзей СССР. И год от года крепнут, развиваются экономическое сотрудничество, культурные связи наших стран.

Вот лишь некоторые штрихи этого сотрудничества. Народное хозяйство Болгарии ежегодно получает 250 молодых специалистов, оканчивающих советские вузы. Каждый четвертый кандидат наук либо доктор зачислялся в нашей стране. Советские «университеты» прошло свыше 8 тысяч болгарских специалистов.

Плодотворно сотрудничают между собой советские и болгарские ученые, осуществляющие разработку более 260 научных проблем, касающихся машиностроения, приборостроения, судостроения, сельского хозяйства.

С помощью Советского Союза в Болгарии построено либо заканчивается строительство свыше 150 предприятий. Немалый вклад, в частности, в создание «большой энергетики» страны внесли сибиряки-алтайцы. В Варне, Бургасе, Девне мы видели ТЭЦ, парогенераторы для которых изготовлены на Барнаульском котельном заводе. Варненская ТЭЦ, например, самая крупная из них, и о ней нам сказали так: «Этот «мастодонт» за год трижды пропускает через себя все Варненское озеро, но зато обогревает как русская печка». Подобная ТЭЦ действует в Марице. За нее как раз БКЗ был удостоен высокой награды НРБ — ордена Красного Знамени Труда.

— Все начинается с ТЭЦ!

Белички произносит эти слова убежденно. И начинаешь понимать, почему именно в творческом содружестве с котлостроителями видит он залог будущей эффективной работы многих отраслей отечественной экономики.

Герой Социалистического Труда НРБ Георгий Белички прошел большой путь от рядового монтажника до крупного руководителя болгарской энергетики. По делам бывал во многих городах Советского Союза. Но особенно любит вспоминать о своих контактах с алтайскими котлостроителями.

Если «пусковыми двигателями» для многих предприятий республики стали новые теплоэлектроцентрали, созданные совместным трудом советских и болгарских специалистов, то жизнь многим ТЭЦ братской страны дало советское предприятие — Барнаульский котельный завод.

Могучие котлоагрегаты с барнаульской маркой в братских социалистических странах приводят в действие электростанции, общая мощность которых превышает 5 миллионов киловатт, и питают горячей водой отопительные системы, обогревая миллионы квартир.

Болгария была одним из первых заказчиков алтайских агрегатов. Вскоре после победы социалистической революции молодежь со всей страны двинулась на берега быстрой Марицы, чтобы построить там большой химический комбинат. Одновременно сооружалась и ТЭЦ. Работать ей предстояло на местном топливе — низкокалорийных углей с повышенной зольностью. Крупнейшие западноевропейские котлостроительные фирмы наотрез отказались делать агрегаты для этих углей. Заказ приняли сибиряки. Специалисты западных фирм скептически поспешили: что-то выйдет из затеи барнаульцев?

— А получилось, — говорит Белички, — что котлы алтайцев оказались самого высокого качества.

Ныне Георгий Белички руководит управлением комплексного использования энергоресурсов Совета Министров НРБ. Продукцию барнаульского завода он уже много лет знает во всех тонкостях.

— Важное достоинство, — говорит он, — заключается в том, что технологически алтайские котлы уже на заводе подготовлены к монтажу, который благодаря этому не представляет большого труда. Значит — выигрыш во времени, в материальных и людских ресурсах. Мы давно поняли, что барнаульцы работают не просто по контракту, они все делают от души. У них — подлинный талант дарить тепло людям.

Такие же примерно оценки мы слышали на многих ТЭЦ — в Кремиковцах, в Бургасе, в Плевне, во Враце, в Стара-Загоре и, конечно, в городе Марица.

Да, Марица была первой. В Указе о награждении алтайского завода болгарским орденом говорится, что тем самым отмечаются заслуги предприятия в оказании технической помощи «в строительстве, монтаже и пуске азотно-тукового завода и ТЭЦ «Марица—Восток-1».

Главный конструктор СКБ-1 Барнаульского котельного завода Н. В. Павлов с удовольствием вспоминает эту стройку. Барнаульцы прислали в Марицу своих инженеров. Вместе с эксплуатационниками, приехавшими из Молдавии, они не покидали стройку, пока теплоэлектростанция не заработала на полную мощность.

Болгарский орден барнаульцы хранят в музее трудовой славы завода. Здесь же карта со всеми болгарскими адресами, по которым были доставлены парогенераторы с берегов Оби. В музее много фотографий, памятных сувениров. Экспозиция всегда в центре внимания молодежи. Здесь проходят вечера интернациональной дружбы.

Котлостроители с Алтая стали постоянными партнерами болгарских энергетиков. При этом сотрудничество обогащается новыми чертами. Если раньше советские специалисты полностью разрабатывали для Болгарии проект ТЭЦ — от фундамента до крыши, то сейчас болгарские друзья заказывают только оснастку, а остальное рождается в стенах софийского «Энергопроекта». Здесь эту организацию называют детищем советско-болгарской дружбы. Многие работники «Энергопроекта» проходили технические «университеты» в том же Барнауле и других городах СССР. Там они учились, защищали диссертации или были на практике.

Сотрудничество в области энергетики в рамках социалистической экономической интеграции приносит свои благодатные плоды. Электростанции Болгарии — атомная в Козлодуде, теплоэлектростанция, гидроэлектростанция будут, как планируется, давать к 1980 году 38 миллиардов киловатт-часов электроэнергии ежегодно. Из СССР и других социалистических стран поступает оборудование для новых теплоэлектростанций, для модернизации старых. В СССР командированы болгарские специалисты, в Болгарию приезжают советские.

Интеграция рождает новую энергию.

БОЛГАРИЯ ПРИНИМАЕТ ДРУЗЕЙ

Путешествия без приключений не бывает. Вот и у нас. «Волга» с международным знаком птиц взмывает в гору по вымощенной брусчаткой дороге. И снова гора, за ней еще и еще. Где-то там, за перевалом — Велико-Тырново, некогда стольный град Второго болгарского государства, а ныне — столица одноименного округа. Впереди нас ждут комфортабельные отели и кемпинги.

Болгарию называют центром международного туризма. И это понятно. Ежегодно здесь отдыхает без малого 3 миллиона человек со всех континентов и стран. Туризм здесь поставлен на широкие рельсы. Это целая индустрия! Ожерельем раскинулись по Черноморскому побережью курорты, санатории, дома отдыха. Албена, Русалка, Дружба, Слынчев бряг, Златни пясци, Камчия. Наряду с морскими действуют немало горных и бальнеологических. Все они связаны «золотым кольцом» дорог. Куда бы ни поехал — всюду кемпинги. Их больше 120. Они не так дороги, как отели и мотели, но не менее уютны для путешественников всех рангов.

— Курортное дело в нашей стране начало развиваться вскоре после победы, — говорил мне за-

меститель редактора газеты «Народно дело» Иван Тодоров — экономист по образованию, защитивший по туризму кандидатскую диссертацию. — За это время у нас много сделано, но еще больше предстоит сделать. Поток туристов с каждым годом увеличивается. Значительная часть людей пока размещается на частных квартирах. Нам нужны новые Албены.

Славится Болгария и своими достопримечательностями: историческими и культурными памятниками. Мы на мысе Калиакра. Это там, где когда-то легендарный русский адмирал Ушаков наголову разбил турецкий флот. Гид рассказывает нам восторженную легенду о нравственной чистоте и патриотизме 40 болгарских девушек, о том, как турецкий хан велел отправить наложниц на чужбину, но они, не захотев рабства, сплели воедино косы и бросились в бушующее море. Эта красивая легенда ныне воплощена в скульптуре из беломраморного камня.

А вот совсем в другой стороне — небезызвестное Габрово. И тут же остроумная уловка. Помните? Турист спросил у габровца, сколько в округе жителей:

— У нас не просто жители, сынок, — отвечает он, — у нас все — габровцы.

А знаете ли вы, что основал эти анекдоты Мию Попа из села Боженцы? Как, вы не слышали, что это за село? А помните «Женщину из Боженцев» художника Мирвички — основателя болгарской живописи? В Боженцах, говорят, самые красивые люди. Сейчас это горное селение превращено в архитектурно-этнический заповедник, ибо больше таких селеньев, искусных по своей деревянной архитектуре, ныне не встретишь.

Завернули в Боженцы. Обедаем на окраине Габрово. Дым костра привлекателен. И вот первый габровец почтительно снимает шляпу. Габровцы гостеприимны, ибо каждый из них прежде всего болгарин. И как ложка к обеду, хороша и к месту была еще одна легенда о том, откуда есть и пошло Габрово. А пошло оно от болгарской женщины Божаны, которая предпочла жизни при чужеземцах бегство на Балканы. Здесь она основала село Боженцы. А сын ее Рачо построил кузницу на пути от Дуная под старым ветвистым грабом — «габиром». С этой «кузницы» и началось Габрово.

Много еще мы слышали былей. В преддверии юбилея государства, которое скоро будет отмечать XIII столетий своего существования, они наполнились особым звучанием. Веками стремился народ к свободе, а обрел ее лишь в последние три десятилетия, при социализме. Эти годы стали подлинным расцветом самобытности и талантов в народе. Именно они, люди труда, составляют основное богатство Болгарии.

...Просыпаюсь в Софии, в доме близ гостиницы «Москва», и слышу петушиный крик. Будто вовсе я не в столице, а в каком-нибудь провинциальном поселке.

— Это в свободном квартале, — говорит Леонард. — Там у меня знакомый, активист общества дружбы. Он приглашает нас в гости.

И вот мы сидим в уютном коттедже и слушаем смешанную болгаро-русскую речь. Наш собеседник — Драган Лозинский. Любовь к России у него врожденная. Его жена — Надежда Желева — далекая родственница правнучки Пушкина — Татьяны Николаевны Галлиной. А брат ее мужа — Владимир Галли — участник революционных событий в Полтаве. Его полк выступил в поддержку рабочих. Сидел в Сибири. Бежал через Одессу в Варну, где и женился на Райне Пехлевановой — тете Желевой. Вон какой круг.

Еще связи. Отец Владимира — Владимир Маркович Галин был членом организации «Народная воля». В этой же организации участвовала его родная сестра Наталья Марковна Шатохина.

Не менее интересны родственные корни самого Лозинского. Драган показывает мне грамоту Главного управления русского Общества Красного Креста. Она была вручена его брату Николаю за то, что тот снарядил из Кюстендила целый вагон ракии и вина для русских солдат, сражавшихся на японском фронте, с припиской: «Братушки, побеждайте!» Второй брат Иван был коммунистом. Погиб в 1932 году. Русофилом был отец. Он дружил с участниками освободительного похода 1877—1878 годов Р. Савойским и И. Горонвичем.

Сам Драган — коммунист. Четверть века преподавал в Болгарской академии художеств. Он автор ряда учебников. Жена пела в Софийской опере, потом работала в Министерстве культуры. Сын Иво защитил кандидатскую диссертацию в СССР, преподавал в политехническом институте. Не один раз бывал в нашей стране и Драган.

— И прожил большую жизнь, — говорит он. — Видел, как зарождался фашизм, пережил гитлеровскую оккупацию. Это было мрачное время для моего народа. Нас, болгар, немцы называли самым униженным словом: «тор». В молодости я не раз пускался в поисках счастья за границу, но чужбина не больно жаловала меня. Я объехал 22 страны, но нигде не чувствовал себя так свободно, как в советской Болгарии и вашей стране. Мне импонируют ваши люди. У них есть характер — настоящий, советский. Без такого характера не построишь ни социализма, ни коммунизма.

...Когда мы покидали гостеприимный дом Лозинских, в саду гомонила детвора. Это были соседские мальчишки. Они здесь частые гости. Урожай у Драгана богатый, а куда ему девать дары природы, не продавать же, вот и угощает щедро. И нам он вручил целую корзину груш, солнечных, как сама Болгария. Спасибо тебе, Драган! Спасибо тебе, земля побратимов, за верность и братство.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Час пути от Варны — и вот они, хлебные поля, не такие бескрайние, как на Алтае или в Поволжье, но столь же радующие сердце. Асфальтированная дорога, обсаженная с обеих сторон фруктовыми деревьями, выводит к полевому стану близ селения Червенци — центральной усадьбы кооператива имени VIII съезда БКП.

Нас встречает Атанас Няголов — руководитель передовой в Варненском округе комплексной механизированной бригады. Широким жестом приглашает в помещение, напоминающее лабораторию: диаграммы, таблицы, почвенные приборы, мешочки с зернами, колосья. Няголов поддерживает связь с опорным пунктом сельскохозяйственной академии. По заданию ученых он ежегодно испытывает до двадцати различных сортов растений.

Бригада, которую он возглавляет, славится высокими намолотами колосовых. И в нынешнем году пшеницы собрано здесь на круг по 55, кукурузных зерен на богаре — по 70 центнеров с гектара, значительно больше, чем в среднем по кооперативу.

Бригадирю за шестьдесят, но он по-прежнему энергичен и активен. О себе рассказывает кратко. Всем сердцем приняв революцию 9 сентября 1944 года, Атанас Няголов пошел за ее организатором — коммунистической партией. Добровольно вступил в ряды болгарской армии, вместе с советскими воина-

ми громил гитлеровцев. Об этом сейчас напоминает дорогая сердцу реликвия — советская медаль, которой он удостоен вместе со многими болгарскими патриотами.

После победы партия направляет его на новый участок. Создавал в Червенцах кооператив. Когда хозяйство укрупнили, стал заведовать фермой. И вот уже более двадцати лет бессменный бригадир. Родина высоко отметила его вклад в кооперативное строительство, удостоив ордена Георгия Димитрова и многих других наград. Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

— За годы народной власти неузнаваемо изменился облик болгарской деревни, — говорит собеседник. — Путеводной звездой стал для нас опыт советского крестьянства, ленинский кооперативный план.

Поначалу были, конечно, и трудности. Пахали на волах, получали низкие урожаи. Но вскоре из Советского Союза пришла помощь — друзья прислали нам технику. А теперь в кооперативе на 4,5 тысячи гектаров насчитывается 55 тракторов и 26 комбайнов, десятки других орудий и механизмов. На многих из них марка «Сделано в СССР».

В свое время в кооперативе, как и во всей стране, популярной стала советская пшеница Безостая 1. Прибавка урожая составила тогда 7—8 центнеров на гектар. Эта пшеница и сейчас занимает 90 процентов посевов. Минули годы, и на базе Безостой 1 болгарские селекционеры вывели свои урожайные сорта. Среди них Садово 1, Левент, Лудогорка, Златия, Русалка. Они занимают ныне значительные площади и в кооперативе имени VIII съезда БКП. Хорошо зарекомендовали себя в здешних краях и наши Кавказ с Авророй. Повсюду возделываются советские сорта табака, проса, зеленого горошка, капусты, лука, огурцов, арбузов... В свою очередь многие культуры местной селекции нашли распространение в Советском Союзе. Только в Молдавию вывезено отсюда 60 сортов плодовых деревьев.

Благодаря неустанной заботе Болгарской коммунистической партии, постоянной помощи правительства, тесному сотрудничеству с СССР и другими странами СЭВ земледелие страны, некогда отсталое, превратилось в высокоэффективную отрасль народного хозяйства, которая все полнее удовлетворяет нужды как населения, так и промышленности и экспорта.

С 1970 года сельское хозяйство Болгарии вступило в новый этап. Созданы аграрно-промышленные и промышленно-аграрные комплексы — АПК и ПАК. В Варненском округе образовано шесть таких крупных объединений. Кооператив имени VIII съезда БКП — один из семи, входящих в АПК «Собидичев». Объединение насчитывает 35 тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, специализируется на производстве зерна. Однако в Червенцах наряду с полеводством хорошо развито и животноводство. Тут есть стадо коров с годовыми надоями более 3500 литров от каждой, овцеводческая ферма, 5 тысяч свиней. Есть и птицеводческий комплекс, он насчитывает 100 тысяч кур-несушек. Здесь выращивают также табак, свеклу, овощные культуры. Не противоречит ли это принципам специализации?

— Нисколько, — отвечает председатель АПК Георгий Балов. — Каждый аграрно-промышленный комплекс имеет главное направление, но за ним оставлено право на инициативу. Мы понимаем, что наши объединения еще далеки от совершенства. Поэтому особенно интересен для нас опыт советских друзей. Во время посещения Варненского округа много поучительного рассказывал первый секретарь ЦК компартии Молдавии товарищ Бодюл. Но и на-

ши АПК не стоят на месте. Эта форма управления сельским хозяйством экономически выгодна прежде всего самим кооперативам.

Успехи налицо. Возросли реальные доходы земледельцев. В кооперативе широко развернулось строительство. С гордостью показывали нам жители селения новую школу, больницу, здание сельсовета, производственные постройки, уютные коттеджи.

За успехи в соревновании кооператив удостоен переходящего Красного знамени Совета Министров НРБ и болгарских профсоюзов. Приняты повышенные обязательства по достойной встрече XI съезда БКП. Регулярно подводятся итоги трудового соперничества, хорошо налажена гласность, сравнимость результатов соревнования.

Арсенал средств массово-политической и организаторской работы парткома во многом пополнился после поездки делегации окружка в Одесскую область. Варна и Одесса — города-побратимы. Округ дружит с областью. Крепкие связи налажены между районами, колхозами и кооперативами. Так, кооператив имени VIII съезда БКП установил тесные контакты с колхозом имени Ленина Ренийского района.

Так и живут побратимы. Обмениваются делегациями. Делятся опытом. Помогают друг другу. В большом и малом, как в капле росы, отражается дружба народов-братьев. Она нерасторжима, как неразделим и прочен союз людей труда.

Виктор ГОРН,
кандидат филологических наук

„ПРОЧЕЛ ВАШ СБОРНИК ПОДРЯД, ДОЛЖЕН ВАС ОГОРЧИТЬ...“

Нынче писателю как никогда трудно. Любое слово, сказанное им, напоминает кого-то. Может, поэтому каждый, кто сегодня решился взять перо, должен в первую очередь найти себя. Встреча с подлинным искусством — это обязательно встреча с своеобразной личностью. Поэт приобщает нас к своему жизненному опыту и это неслучайное условие, без которого встреча не состоится.

К сожалению, бывает и наоборот. Молодые писатели как бы забывают о личном опыте, о своей индивидуальности, о том, что пережито только ими и о чем, следовательно, только они и только по-своему могут рассказать. И едва лишь готовятся сказать что-то свое, как избитые фразы, образы, интонации услужливо приходят «на помощь», безжалостно толкают к известным стереотипам.

Обо всем этом я невольно подумал, когда прочел первый поэтический сборник Станислава Яненко «Сентябрь» (Барнаул, 1977 г.).

Признаюсь сразу, я долго искал повод, чтобы (по традиционным канонам рецензии) сначала похвалить автора за..., а уж потом «указать на отдельные недостатки». Но ложность такого пути очевидна. А в данном случае очевидна вдвойне. Похвалить автора для того, чтобы ободрить его (кстати, это уже сделало издательство, выпустив книгу), пока еще желающего быть поэтом, плохая услуга, несомненно, творческому человеку.

Общеизвестно: с приходом каждого истинного поэта мир предстает перед нами как бы обновленным. И читателю интересно в первую очередь то существенное, что скажет ему поэт.

Так в чем же общий смысл первой книги С. Яненко?

Когда читаешь стихи С. Яненко подряд, вдруг отчетливо понимаешь, что реальный мир, его сложности и противоречивости, открытие которого постоянно ожидаешь, подменяется в стихотворных опытах автора какими-то условно-поэтическими общими местами, в которых к тому же явственно пробивается чужой голос. Ощущение такое, что все это я уже читал где-то, но там было в первый раз и лучше.

В стихах С. Яненко часто наличие не самого переживания, а игры в него, какого-то «милого жеманства». И это не может родить ответное сопереживание.

В стихотворении «Ода тетрадьному листу» С. Яненко пишет:

Я полюбил тетрадные листки.
В них четко разграничено пространство,
сухая непреклонность постоянства,
в них параллель для милого жеманства
и голубой квадратик для тоски.

И хотя «Ода», по-видимому, окрашена легкой иронией, в приведенной строфе на самом деле проступает суть авторского миро-созерцания. Доказательством тому служат разбросанные тут и там «голубые квадратик тоски», следы «жеманных тувелск» (?), ограниченность содержания самого творчества.

В общей атмосфере сборника явственно ощущается самолюбование поэта, кокетство. Акценты в поэзии С. Яненко, пожалуй, составлены так: не «мир и лирическое «я» поэта, а «я и мир». Лирический герой С. Яненко явно влюблен в себя:

Подарю мечту в музей.
Боже! Как она витала.

Было — тысяча друзей.
Только друга не хватало.

Кстати, здесь также обнаруживается постоянная черта творческой манеры С. Яненко. Казалось бы, автор берет драматический материал, но не проникает в глубь его:

Ты накинь платок,
затяни узлом.
Проводи его за порог.
Поцелуй в глаза,
не попомни злом,
помаши рукой у ворот.

Далее героиня — вся в ожидании любимого.

Ну а если нет,
если путь далек,
если он уже не придет?
Ты прости его,
ты накинь платок,
ты стой одна у ворот.

Драматизм, едва наметившись, снимается. Автор не выдерживает верно взятого вначале тона.

Стихотворение «Та женщина, что девочкой осталась...»¹ поначалу обнадеживает и привлекает, но опять-таки драматизм отношений, не успев развиться, тут же исчезает, чему способствует и обязательное наличие литературных штампов. Таково свойство стихотворных опытов С. Яненко. Движения в них нет. Шкала внутреннего напряжения в стихах постоянно показывает «нулевую отметку».

Автор много пишет о юношеской любви, об ушедшей молодости, о ранней зрелости. В этом, разумеется, ничего зорного нет. Правда, еще А. Пушкин говорил, что на одних воздыханиях об ушедшей молодости в поэзии далеко не уедешь.

В некоторых стихах С. Яненко можно найти неплохие, искренние строчки. Но лишь строчки! А поэзия, как известно, явление целостное. Каждое подлинное стихотворение предстает как органически необходимая взаимосвязь, как синтез мысли и слова. Свойство поэзии таково, что если нетривиальная мысль, глубокое чув-

¹ Замечу попутно, что эпиграф, взятый С. Яненко из Б. Пастернака, использован в этом стихотворении неграмотно. У Яненко: «Я живу с фотокарточкой, с той, что хохочет...» Интеллигентный и высокообразованный поэт Б. Пастернак не мог употребить разговорное, просторечное словечко «фотокарточка». У него так: «Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет...»

ство воплощены в целостной художественной форме, то даже кажущиеся «ляпы» не могут разрушить единства.

И наоборот, искреннее чувство может утонуть в общих местах и красивых метафорах, взятых напрокат.

Я-то думал, что время идет,
а оно грохотало, летело.
Я загадывал наперед —
выходило, что это не дело.

Этот прошлый урок не ценил.
Над собою над прежним смеялся.
И не очень себя торопил.
И, выходит, опять ошибался.

И сейчас меж обыденных дел
я все чаще и чаще жалею,
что чего-то уже не успел
и чего-то уже не успею.

Глубина здесь подменяется ложным глубокомыслием, боль растворяется в литературщине. Вообще, расставание со своей юностью у С. Яненко почти всегда выражено поэтически беспомощно и банально. Не взрослая горечь тридцатилетнего человека, а скорее «маска» семнадцатилетнего, достаточно инфантильного юноши.

Личное еще не становится фактом поэзии.

Одно банальное сожаление («лето мое отзвенело», «осень моя, осень») у С. Яненко нанизывается на другое.

Время юности нашей
до конца истекло.
Как сегодня ее
мне опять не хватает.

Должен признаться, что такая поэзия всегда трудна для серьезного критического разбора прежде всего потому, что почти каждая строчка толкает на сардонический, фельетонный разговор. Уж слишком много в ней нелепостей, красотостей, штампованной декорации. И я не сделаю никакого открытия, если скажу, что нынче создание гладкого подобия литературы вполне доступно всякому образованному человеку. Но кому это нужно?

Вот одно из стихотворений С. Яненко о любви:

А помнишь, Натали,
Огонь звезды бессонной.
Ни неба, ни земли,
ни кромки горизонта.

Лишь парус голубой,
а в нем попутный ветер.
И только мы с тобой
на всем на белом свете.

И нам с тобой всего
по 22, не больше.
И не дрожит весло.
И на душе не больно.

Летела наобум
шаловатая наша лодка.
...Ты улыбнись тем двум,
чей парус так далеко.

Право же, не хочется анализировать это стихотворение, которое само рассыпается на общие избитые повторения и штампы. Манерное «Натали», «огонь звезды бессонной», «голубой парус», «и только мы с тобой на всем на белом свете» — эти достаточно затрепанные слова и чувства единственного, индивидуального не выражают.

Я намеренно привел все стихотворение целиком, чтобы читатель мог и сам убедиться, что контекст не спасает, да и не может спасти его. Вообще, чем больше читаешь в стихотворный сборник С. Яненко, тем больше убеждаешься: долго искать примеры не нужно, можно цитировать почти подряд — всюду краснота, описательность, общие места, стилистическая небрежность.

А может быть, мне это
показалось.
А может быть, все это от сует,
но после стольких суматох
вокзалов
я наконец увидел белый свет.

В сущности, так и бывает, когда еще не понявший себя человек считает чувство, запечатленное раньше другими, своим, и тогда вместо поэтического самовыражения — пересказ, вместо творчества — подражание, подделка.

Парус—весло—плечо, конь—сон, капель—апрель, ручеек—кораблик, ромашка—кукушка—подушка—гаданы, платок—узел, нечастые встречи—прошлые уроки—пропадающие горизонты, непутевые удачи—несказанные слова, повядшие цветы—отштурмовавшие ветра, девочки—женщины—лучистые глаза—бабье лето, тополя—рассветы—вокзалы—причалы—листопады и т. д. и т. п. — постоянные и не очень свежие атрибуты стихов С. Яненко. Не лучше и такие «находки»: кровь сентября, исхлестан до крови сентябрь, медь с позолотой, багряная вода закатных озер. Весь этот монотонный поток лишь усугубляется в общей структуре стихов.

Когда читаешь стихотворные опыты С. Яненко подряд, невольно замечаешь, как много в них

необязательного, банального, как скучно однообразен их мир, в котором все гладко и спокойно. С. Яненко пишет слово «ветер», а ветра, динамики, движения нет.

Многие стихи в таком контексте звучат автопародийно:

Как нынче пахнет июнем,
будто бы после дождя.
Время красивым и юным
Снова любить не шутя.

И дальше в этом же стихотворении, как водится, «сердце сгорает, как лист», поют «чисто, высоко и луно».

Объем содержания стихов С. Яненко вообще весьма скромный: весна, лето, осень, зима, годы идут, автор «позабурел» (?) и т. п. — все это, как говаривал А. Твардовский, «не такие уж богатые добытки мысли».

Пейзажные зарисовки у С. Яненко составляют солидную часть сборника. Этот жанр, наверное, представляется молодым стихотворцам довольно легким. Но, увы, это не так. Он требует огромной поэтической точности, выразительности, насыщенности, тем более, что наша память хранит множество шедевров, созданных великими поэтами.

Стихотворные зарисовки С. Яненко, к сожалению, не оставляют впечатления свежести и точности. «А ты уже махнул рукой», «А где ты, белая весна!», «Было пламя в полнеба», «А были вечера теплы», «Предзимье. Сонная река», «Сентябрь», «И обернуться, и помедлить», «Удача мучила и жгла», «Третий сутки нет погоды» — в этих стихах много случайного, вторичного, живопись в них одноцветна.

Который день мороз лютует,
который день снега метут.
Мой город словно безлюден,
и даже птицы не поют.

А ты уже махнул рукою.
В березах стыла тишина.
Но ветры принесли другое,
под утро началась весна.

А были вечера теплы.
И на параде лета словно,
березы белые стволы
несли торжественно и стройно.

Ночная птица пролетала.
И снова стыла тишина.
Сирень в аллеях отцветала.
Кончалась поздняя весна.

Белый май сгорел и умер.
Бабье лето далеко.
Наступает время думать
беспристрастно и легко.

А где ты, белая весна!
Твои цветы давно повяли,

твои ветра отштормовали.
Высокий полдень у весла.

Эти шесть строф я взял из разных стихотворений.

Вообще говоря, собранные в сборнике стихи С. Яненко представляют собой нечто вроде «блоков». И эти «блоки» можно собирать в десятки ямбических или хорейских метров. Я вовсе не утрирую — таково свойство подобных стихов. Ими можно варьировать как угодно, «блоки» можно переставлять с места на место, и глубина поэтического изображения не меняется.

Одним словом:

Вы не составили труда
вглядеться и понять.
Вы только видели: вода,
а значит — благодать.

В контексте данного стихотворения автор иронизирует над таким восприятием природы, хотя вряд ли он сам «огляделся и понял». Тем более, что последняя строчка четверостишья невольно заставляет вспомнить С. Маршака «О том, как хороша природа...» В стихотворении слово «благодать» наполняется очень емким смыслом природной щедрости, доброты ее. У Маршака это слово — итог и подготовлено всем ходом размышления о характере народа и его отношения к природе.

Сделаю еще несколько замечаний: «Вы не составили труда» — строчка из лексикона одесской благовоспитанности (по-русски: вам не составит труда). И дальше — не лучше. Например, строфа:

Вы растоптали белый наст,
а он еще был — снег.
И так ненужно плавал над
его кончиной смех, —

нечто жалобное о белом растоптанном снеге. Либо это — некий туманный символ, который так и не проясняется, либо эти сожаления очень уж экзальтированы. Такого же сорта и образ, венчающий стихотворение: «февральский снег под каблуком отчаянно кричит» — образ пагубный, испорченный.

Но пусть все это частности (хотя какие в поэзии могут быть частности?). А что же с общим смыслом стихотворения? Каков он? Неизвестно. Строчки «не выходят из себя», не включаются в ассоциативные связи. Стихотворение не работает. Возможно, оно что-то значит для автора, но «встретиться» с читателем, по-

моему, и этому стихотворению трудно.

И вот такая замкнутость свойственна большинству стихов С. Яненко. Они «не выходят» за пределы весьма узкого личного опыта. Думается, в них еще не вложено общечеловеческое, нужное всем людям содержание.

Вовсе не обязательно пересматривать принцип неопределенности в поэзии. В ней всегда были «кто-то», «что-то», «некто», «нечто». Стихи не обязаны указывать точный адрес, возраст и прочая. Но правда переживания, правда мысли — неперенны!

В сборнике стихов С. Яненко необходимое человеческое убывает до размеров слишком частного, интимного случая.

И вот еще какая мысль, точно выраженная в одном из писем Александра Трифоновича Твардовского (сознаюсь, что в этой рецензии мне очень не хотелось прибегать к авторитетам, но мысль А. Твардовского так верно выражает то, о чем я думал в связи со сборником, поэтому не могу удержаться): «Прочел ваш сборник подряд. Должен вас огорчить: мне было бы затруднительно настаивать на издании его. Бывает, что собранные в книжке стихи выигрывают (помните: «Стихи Некрасова, собранные вместе — жгутся»), а бывает наоборот. Боюсь, что именно так обстоит

дело в Вашем случае. Когда знаешь одно-два стихотворения — ничего, мило — ждешь чего-то, а тут, глядишь, десять—двадцать и т. д. стихотворений — и ничего не происходит, нет «удара» какой-то вещи, которая бы сразу все поставила на другую ступень.

Основная беда — незрелость мировосприятия, мышления, отрешенность от «реалии» жизни, какую живут все вокруг, от того, что всех серьезно и глубоко занимает, волнует, требует выражения. Есть привычка руки, есть даже некоторое изящество в выражении, увя, несущественных, «проходных» моментов бытия (времена года, снега, дожди, полусловные томления любовного чувства) — меня ничто ни разу не «полюснуло» по сердцу.

Быть может, кому-то покажется слишком жестким разговор о первой книге С. Яненко. Но ведь критика не подмастерье литературы и ее задача не подпевать поэту, а помочь ему взглянуть на себя со стороны. И теперь от самого Станислава Яненко зависит, какова будет его новая книга стихов.

Думаю, что ему просто необходимо (продолжаю цитировать письмо А. Твардовского) «что-то разлюбить в этих своих «экзерсисах», чего-то выждать в себе, угадать, что было бы поглубже, посерьезнее».

Аркадий ГОЛИК

„СПАСИБО, ПОЛЕ, ТРАВЫ, ПТИЦЫ...“

ЗАМЕТКИ О СТИХАХ А. РОДИОНОВА

Мир поэта А. Родионова своеобразен и нетипичен. Геолог по профессии, он увлечен сибирской деревянной архитектурой, бесконечно влюблен в природу, знает толк и в травах и камнях, и всем этим наполнена его поэзия. Родионов пишет только о глубоко прочувствованном. Причём не броско, а потаенно, сдержанно, с

какой-то внутренней скромностью. Молодой поэт строит свое «поэтическое хозяйство» интенсивно, путем углубления в себя, в свою любимую тему.

Эпиграфом к сборнику «Краснотал» могли бы стать такие строки:

Природа все молчание мое
На песни птиц и трав перевела.

Или: «Спасибо, поле, травы, птицы...»*

В них крепким узлом, воедино связаны два образа, дорогих Родионову: птицы и травы, что особенно ощутимо в поэме «Агашевна». Благодаря им понятна связь стихов и поэм молодого поэта. И даже так. Образы многих стихов переплавляются в узорчатую ткань поэмы. Поэтому они составляют не только ткань, но и душу сборника.

Почти каждое стихотворение у Родионова связано с любимыми образами. Причем литературная основа стихов неразрывна с изобразительной стороной. И можно считать, что стихи представляют собой взаимодействие литературного и изобразительного (графического) начала (орнаментальность стихов). По сути дела, Родионов в своих поэтических произведениях делает попытку синкретического выражения своего мироощущения. В этом смысле самое удачное произведение — поэма «Агашевна». Но о синкретичности поисков поэта следует говорить особо.

Орнаментальность стихов Родионова открывает новые возможности. Стихи Родионова запоминаются, запечатлеваются в душе, они подчас изысканны, однако не лишены некоторой камерности.

Итак, я открываю сборник, населенный птицами. Журавль и скворчик в «Выходя на крыльцо», снегири («Снегири»), пичуги, перепела, аисты, дрозды... Что это? Жадность птицелова? Или стремление и любовь художника рисовать и рисовать в своем альбоме птиц? Какое значение имеют птицы в стихах Родионова?

Возьмем, к примеру, стихотворение «Снегири». Посвящение Коле Р. предвещает незатейливое воспоминание — всплывшую картинку детства. Оно информативно. Просто картинка детства — и все. Но стихотворение открывает увлечения поэта в детстве. «Снегири», наверно, единственное стихотворение Родионова-птицелова. Другие стихи о птицах раскрывают иные грани любимого образа. Вот стихотворение «Выходя на крыльцо»:

Нет ни облачка. Голо.
Видно, будет жара.
Над колодезным горлом
Бьет поклоны журавль.

Еновь вернулся сюда я.
В сердце — скворчик поет.
Утро.

Мама седая
Мне воды подает.

* А. Родионов. «Красно-тал», Алт. кн. изд., 1977.

Это стихотворение, как и предыдущее, обращено в детство. Подобные настроения легко найти в стихах других поэтов, к примеру, у В. Казакова. Для него детство ассоциируется с «тюлевыми занавесками», «скрипящими половицами» и т. п., то есть с конкретными образами.

Вся безыскусность воспоминаний Родионова в ином: в жажде воспоминаний. Журавль (колодец) — птица добрая. Она всех напоит. И когда мама подает сыну воду, то у него радость («в сердце скворчик поет»). «Скворчик» в отличие от снегирей лишен материальности, а поэтому предстает птицей, поющей грустную песню возвращения. Так вырисовывается своеобразный орнамент, в котором птицы — лишь символы. За ними скрыты чувства поэта. Высвободить их — значит, выпустить птицу на волю.

От общего впечатления переходим к раздельному восприятию каждой строфы. Первая — пейзажная. Она наполнена картинками деревенского быта. Но примечательность строфы в том, что в пейзаже зеркально отражена «духовность» второй строфы. Точнее говоря, материальные образы первой строфы подготовили восприятие второй, лишенной материальности. Так в первой строфе — вода — спасение в жаркий день. Она поможет избавиться от жажды. А во второй? Вода — метафора, вода — стремление пить и пить из чаши воспоминаний. Я уже говорил об орнаментальности стихотворения, чему служит образ птицы. В первой строфе — это журавль (колодец). Не стану говорить относительно его трафаретности. Интересно другое. Журавль — метафора. А скворчик — аллегорическое выражение радости. В сущности, оба образа не «материальны». Выходит, что такое их соотношение не отвечает выявленному своеобразию стиха — отражению духовного в материальном. Однако это только кажущееся противоречие. Дело в том, что первая строфа — изображение окружающего мира, в котором живут дорогие Родионову образы. А птицы? Они остаются орнаментом, который придает стихотворению своеобразие.

Думается, что анализ стиха через выявление орнаментальности позволит оценить не только достоинства, что было сделано на примере «Выходя на крыльцо», но и понять, в чем слабость произведения. С этой целью обратимся к стихотворению «Снеслись небесные хохлатки»:
Снеслись небесные хохлатки,
Был град с куриное яйцо,

И после бурной яйцекладки
Белым-бело мое крыльцо.
Вдали белым-бела низина,
От градин холодом сквозит,
И вся низина,
как корзина,
На дужке радуги висит.

Нет сомнения, что в нем Родионов с помощью поэтических средств пытается изобразить падение града, при этом используя ту же орнаментальность.

Однако в отличие от других «орнаментов» Родионова, этот бесстрастен, не окрашен личным отношением поэта и представляет скорее «лабораторный» опыт.

Другими элементами в «орнаменте» родионовских стихов являются, как мы уже говорили, птицы и травы.

Когда ты лугом медленно брела,
Когда у тихих губ твоих пылал
Карминовой клубники уголек,
И туча в стороне едва плыла,
А день отъезда был еще далек —
О том я замолчать себе велел...
Неудержимо цвел в лугах люпин,
По стеблю вверх тянулась
повитель.

Всесильно состояние любви.
Пускай тебе орган лесов поет,
Пускай тебе кричат перепела...
Природа все молчание мое
На песни птиц и трав перевела.

С этим стихотворением переключается другое, «Нам с тобой не шумела трава», интересное тем, что в нем встречается краснотал, давший название сборнику. Здесь — берег речки, заросший красноталом, одиночество...

Я один к островам выходил.
О росе тосковала трава
В час ночного молчания птиц...

И вновь перед нами единство восприятия двух образов: трав и птиц.

Но особенно ярко это единство проявилось в поэме «Агашевна», на мой взгляд, наиболее удачном и зрелом произведении А. Родионова. Эту удачу, как мне кажется, определила вдумчивая работа автора над фольклором, который привнес в поэму своеобразие, душевность и простоту.

«Агашевна» — произведение эпическое. Эпический характер его подтверждается неторопливым повествованием, распевностью вступления и финала, некоторыми сценами, в частности, гуляния (частушками). Однако в «Агашевне» есть и драматическая завязка, и кульминация. Поэтому точнее поэму назвать эпико-драматической.

В поэме рассказывается о том, как купец приглашает художницу

Агашевну, чтобы та расписала его дом «как для себя». Это — завязка. Кульминацию произведения я вижу в сцене росписи орнамента художницей (глава 7). Сцена экспрессивна, цельна и лаконична. В героине борются два начала. Слишком сильны ее чувства к своему возлюбленному, о котором она не имеет вестей, и в то же время ей, как видно, небезразличны ухаживания купца... Впрочем, если бы последние не были столь грубы и откровенны. Вот почему так оправданы два «орнамента», один из которых создан воображением героини и обращен к любимому:

Я б поведала ему
Все свои желанья.
Были б стены в дому
Летнею еланью.
Горицвет бы нависал
Над травой-осокою.
Поднялось бы к небесам
Дерево высокое.
Ворковали бы на нем,
Над цветов полымем,
Будто мы с тобой вдвоем,
Там вдвоем — голуби.

Другой — отражение иных чувств, и он, этот орнамент, уже существует реально, создан рукою художницы:

Там, где раньше со стены
Маков было полымя,
Лезли толпы белены,
Яду-зелья полные.
И над всей травой-отравой,
Что цветы развесила,
Грязно-желтой шло оравой,
Ликовало, бесило.
Дверь, простенки, потолок
Покрывал чертополох,
Пенилось собачье мыло...
И над этим всем уныло
Цвета высохшей мокрицы
Нависали злобно птицы.

Так, в орнаменте отразилась «схватка» Агашевны с купцом, а вернее, борьба за чистоту собственных чувств и помыслов. Иными словами, в росписи орнамента выявляется не только отношение Агашевны к искусству, но и попытка с помощью искусства отстаивать свои нравственные позиции.

Интересен язык, тесно связанный со стихией народной речи. Но я не останавливаюсь на этом. В анализе поэмы меня прежде всего интересовало искусство орнамента и то, как орнамент помогает раскрытию идейного смысла поэмы.

Разбор приведенных стихов Родионова, анализ поэмы «Агашевна» говорят о больших возможностях молодого поэта, о его глубоком понимании темы природы и человека. К сожалению, ав-

тор не всегда полно использует эти возможности, увлекаясь подчас чисто внешней стороной изображения увиденного, отсюда приблизительность и заданность некоторых стихов. До сих пор мы говорили только о стихах, так или иначе связанных с природой. Есть в сборнике «Краснотал» и стихи о работе. Но они мне кажутся менее интересными. Тут авторская неопытность особенно отчетливо проявляется; истинное проникновение в суть чаще всего подменяется поверхностным обозначением вещей.

Если я рубаху скину,
След от сумки полевой
Через грудь и через спину.

Или:

Мы с Васей по земле идем.
Я — конец
и продолжение
Той линии, что мы ведем...
Или:

Ты тело руды обнажил.

Но как только автор углубляется в природу вещей, как бы взглядываясь через них «в лица встречные», как только он прикасается к живой природе, ожидают и стихи, наполняясь чувствами, мыслями, поэзией.

Перекатывают волны
Разноцветные камни.
Голове моей привольно
У природы на коленях.

Не каждый поэт может, имеет «право» так говорить о природе, как бы объединяя себя с ней; в этой «объединенности» то важное, что делает стихи Родионова неординарными, своеобразными. Что же касается интересных поисков Родионова в области «орнаментальности» стихов, можно надеяться, что поиски эти будут вести не ради лишь формы, как это еще, к сожалению, случается, но и с целью обогащения стихов более глубоким содержанием, полнотой человеческих чувств. Сборник «Краснотал» в этом смысле — хорошая заявка.

И. САБЛИН,
научный сотрудник
партархива крайкома КПСС

ЛУНАЧАРСКИЙ В СИБИРИ И НА АЛТАЕ

Пятьдесят лет назад в Сибири побывал А. В. Луначарский. Омск, Новосибирск, Барнаул, Рубцовск, Иркутск, Красноярск, десятки других городов, станций и населенных пунктов, железнодорожных мастерских и угольных копей, дворцов и клубов, воинских частей и учебных заведений слушали горячее слово первого ленинского наркома просвещения.

Не поддается определению круг обязанностей наркома в этой поездке: правительственные отчеты о внешнем и внутреннем положении страны, лекции о культурном преобразовании России, беседы, доклады, инспекции, помощь словом и делом на местах...

Казалось, не было ни минуты для отдыха. А он еще находил время для частных бесед, принимал людей по личным вопросам. «Завершил свой рабочий день далеко за полночь... Вернулись сильно уставшими и промерзшими, но во всяком случае с чувством до конца исполненного долга», — таковы признания самого Анатолия Васильевича.

Таким был для Луначарского декабрь 1928 года, когда по поручению ЦК партии и Советского правительства он приехал в Сибирь, чтобы помочь переизборной кампании в Советы и делу коренного улучшения работы Советов.

Это был ответственный период в жизни страны: XV съезд ВКП(б) взял курс на массовую коллективизацию. Капиталистические элементы и кулачество не хотели уступать дорогу новому, стремясь овладеть политической властью в деревне и в низовом советском аппарате.

Надо было бороться не только за чистоту партийных и советских органов, но и за то, чтобы сознанием этого прониклись массы. Это и хотел видеть в Сибири нарком Луначарский, когда записал, побывав в Красноярске: «Среди выступавших были и весьма положительные типы, например, одна молодая крестьянка, не только чрезвычайно ярко и самобытно отстаивавшая права женщин на общественную деятельность, но и прекрасно обрисовавшая нынешнее положение в деревне и давшая конкретное указание на интриги кулаков и вообще показавшая себя человеком, могущим принести самую очевидную пользу в борьбе с классовым врагом».

Наркома просвещения интересует не только узко профессиональный вопрос: глазами государственного человека он смотрит на молодые ростки новой Сибири, искренне радуясь этому.

В Щегловске (Кузбассе) отмечает как достопримечательность «громадный коксобензолный завод». В округе его радуется «чрезвычайно высокий урожай», полученный от сортовых семян «без дурного влияния чересполосицы». Осмотрев местный химзавод и оговорившись, что хозяйственные вопросы не относятся непосредственно к предмету его отчетности, он резюмирует: «Не могу не упомянуть, что уже в настоящее время на двух батареях коксовых печей этого завода вырабатывается кокс неслыханно высокого по нашей стране качества, так что Ижевский

завод без ущерба заменил этим английский кокс».

В Ленинске, перед началом вечернего собрания, он опускается в шахту, более двух часов находится там, осматривая врубовую машину, угольный конвейер, насосы, погрузку и подачу угля «на-гора».

В Ангарске посещает рабочие жилища, новую электростанцию и с удовлетворением отмечает, что большой турбогенератор собран здешними рабочими без помощи немецких монтеров и содержится превосходно.

С гордостью отзывается о рабочем-сибиряке: «В Прокопьевске я заметил какую-то преданную любовь к своему пласту, к своему молодому руднику, возникшему уже в советское время».

Но не только радуется нарком. Он видит и беды и бедность Сибири двадцатых годов.

Читаем его запись: «Вовсе не как народный комиссар по просвещению, а совершенно объективно я должен констатировать, что ничего не наболело так у рабочего, как недостаточная сеть школ».

Встречается с просвещенцами, совещается с ректорами сибирских вузов, с рабфаковцами, студентами, осматривает школы и техникумы, определяет меры помощи, дает советы, принимает решения. Темы его выступлений перед тысячными аудиториями злободневны и конкретны. В Омске и Новосибирске — двухчасовые доклады «Культурная революция и роль в ней просвещенцев». Здесь же дискуссия «Какая нам нужна литература». В Иркутском театре доклад «Культурная революция и ее значение». В Красноярском цирке перед двухтысячной массой лекция «В борьбе за социализм». И, конечно же, выступления его принимались с чрезвычайной симпатией, многократно прерывались аплодисментами.

На Прокопьевских рудниках, например, в один из воскресных дней он выступил перед учительской конференцией. «Эта встреча произвела на учителей чрезвычайно бодрящее впечатление и мы расстались друзьями», — вспоминал Анатолий Васильевич.

С одинаковым интересом и волнением слушают наркома ученые и студенты, комсомольцы и красноармейцы, рабочие и крестьяне. Благодарные рабочие Омского завода «Красный пахарь» преподнесли ему модель плужка, прокопьевцы — спецодежду и кайло, присвоив звание почетного горняка.

Как уже не раз бывало за долгий путь, при подъезде к Иркутску на станции Черемхово Луначарского встречает большая масса народу. Он выходит навстречу, говорит краткую речь. раздаются овации и крики «ура!» в честь Советской власти. В соседнем вагоне какие-то иностранцы с любопытством кинематографируют эту сцену.

...Естественный и законный интерес вызывает его проезд на Алтай.

В Барнаул нарком прибыл 17 декабря 1928 года. Здесь выступил на собрании железнодорожников, совработников Барнаульского округа и большинства местных крестьян. Собрание продолжалось шесть часов. Его участники с огромным интересом выслушали доклад, отметили «заслуги правительства в деле борьбы за сохранение мира», одобрили курс на развертывание социалистического строительства, высказали просьбы и предложения: быстрее развивать промышленность и образование в крае, ускорить строительство железнодорожной ветки Барнаул—Кузнецк.

В последующие два дня Луначарский побывал в Рубцовске, Шипуново и Алейске. О его напряженной работе свидетельствует запись: «18 числа я был в общем занят в течение 12 часов, из которых часов семь говорил, читал доклад, последнее слово, отвечал на записки».

Пребыванием на нашей земле он был удовлетворен: «Поездка моя на Алтай была крайне поучительной для меня и, как я надеюсь, довольно плодотворной для населения. Общий уровень собраний превзошел все мои ожидания. То крестьянство, которое было представлено на собраниях, являло собой зрелище поистине замечательное по зрелости своих суждений... Я никогда не думал, что социализм пустил в крестьянстве и тем более здесь, на пшеничном Алтае, такие глубокие корни...»

В Рубцовске Луначарский выступил преимущественно перед крестьянским и батрацким составом. Осмотрел город. «Окружной центр чрезвычайно богатого пшеничного района» произвел на него неблагоприятное впечатление, так как почти не строился, не имел хорошего клуба, школ-девятилеток. Выступавшие просили помочь в строительстве школы, техникума, больницы. Обсуждение вопросов на собрании носило активный, деловой характер. Рубцовчане просили ускорить строительство железнодорожной ветки Риддер—Рубцовск, а также Турксиба.

Свыше шести часов длилось общее собрание избирателей с. Шипуново. Как и в

других выступлениях, нарком уделил большое внимание пропаганде решений XV съезда ВКП(б) о коллективизации сельского хозяйства. Собрание напоминало задушевную беседу члена правительства со своими избирателями.

Однако, как и в других сибирских городах и селах, на Алтае не обошлось без контрреволюционного шипения и злобных реплик: троцкизм только что потерпел поражение, а кулачество не было еще ликвидировано как класс.

Но бдительны были трудящиеся Алтая. Луначарскому стал известен факт, когда алейские кулаки предлагали беднякам по 10 рублей за билет для входа на отчетное собрание. «Продавцов» билетиков не нашлось. И потому нарком с удовлетворением отмечает, что на отчетных собраниях, связанных с выборами, совершенно не представлено кулачество, хотя кулачество на Алтае было еще в высшей степени сильно.

Луначарский дает меткую характеристику самобытным, одаренным алтайским крестьянам. Особенно понравился ему середняк Юрин из села Алейского. «Когда он говорил, крестьяне слушали его, буквально разинув рот. Очевидно, это местный оракул. Впрочем, он этого и заслуживает. Большой мужчина с широким лбом, бритый очень своеобразно, с чувством и большим смыслом говорящий».

Выступая, Юрин сделал интересное заключение о новых формах хозяйства: «Устройте хорошие совхозы, дайте достаточное количество машин, удобрений, хороших агрономов, умного начальника, платите нам приличное жалованье, и мы все свое имущество отдадим и будем работать как ра-

бочие. Разве это не самая лучшая форма социализма».

Юрин, по словам Луначарского, был не единственным среди крестьян, кто выдвигал такой план.

Анатолий Васильевич приветствует женщин-активисток Алтая: «Весьма любопытны выступления женщин. Выступало их довольно много. Судя по выступлениям, алтайская крестьянка далеко не забытое существо».

Отмечает государственный интерес алтайских трудящихся в вопросах индустриализации Сибири и Алтая, к строящемуся Алтайскому сахарному заводу, освоению свекольных плантаций и особенно к Турксибу, «ибо от этой железной дороги на Алтае ожидают многого».

Обобщая итоги поездки по Алтаю, Луначарский констатирует, что для Сибири еще «недостаточно делается в смысле ее омашинения и онаучивания».

Однако нам известно, что к концу первой пятилетки в области народного образования произошли отрядные изменения: в Сибири уже действовали 24 вуза, 111 техникумов, 25 рабфаков. Осуществилось обязательное начальное образование.

Нет сомнения, что Анатолию Васильевичу Луначарскому понравился необъятный сибирский край. Только хороший друг мог сказать такие слова:

«Сибирь еще нужно завоевать. Завоеванная, эта строгая красавица окажется великой подругой человеческому труду».

Он не дождался ее расцвета, хотя много сделал, чтобы она стала такой. Огни Братска, Красноярский гигант — ГЭС, сибирский Академгородок, подвиг целинников — это и есть воплощение мечты замечательного большевика ленинской партии.

ПЕТР БОРОДКИН И ЕГО КНИГИ

Однажды в четвертом классе барнаульской школы № 3 учительница дала ребятам анкету. На вопрос «Кем мечтаешь стать?» один из мальчиков ответил: «Писателем».

Мальчика звали Петр Бородкин.

Из школьных предметов он больше всего любил литературу и историю. Много читал. Впервые пробовал писать.

Но это не означает, что у мальчика не было других увлечений.

В школе рассказывали: Петя Бородкин вместе со своим другом Володей Рудковским пошли на охоту. На болоте убили чирка. Кто убил — неизвестно, оба выстрелили одновременно. Чирок упал далеко; собаки у юных охотников не было. Бросили жребий — кому лезть в воду. Выпало Володе. Однако, кому принадлежит добыча? Снова бросили жребий. Чирок достался Пете. Вечером мать поджарила его. А наутро отец разбудил Петю: «Что же ты, Петро, даже ружье не разрядил. Так и до несчастного случая недалеко». Оказалось, Петино ружье дало осечку. И вышло, что Володя убил чирка, залил за ним, а достался он Пете.

Об этом забавном случае Петр Бородкин впоследствии написал рассказ.

Охота, одно из увлечений его юности, прошло через всю его жизнь. В охотничьих походах он глубоко узнал, сильнее полюбил родную природу.

Трудовая биография Петра Антоновича Бородкина началась очень рано. С тринадцати лет он работал сначала учеником маляра, потом маляром; после окончания педагогического института в глубинной деревне Сычевке Смоленского района Алтайского края преподавал литературу и русский язык.

С 1939 по 1945 годы служил в Советской Армии. В Отечественной войне участвовали три брата Бородкиных — в танковых войсках Павел, в морской авиации Андрей, в зенитной артиллерии — Петр.

В белорусском городе Жлобине Петра догнало письмо. Павел писал с Сандомирского плацдарма: «Гоним врага с нашей земли. Скоро увидимся!»

Но назавтра пришло другое письмо. Писал друг Павла. Фашистский снаряд попал в башню. Танкист Павел Бородкин сгорел в танке.

Андрей был тяжело ранен в бою. Зарубцевав-

шаяся была рана оказалась смертельной для него. Андрей Бородкин умер вскоре после войны.

Победный май застал Петра Бородкина возле Кенигсберга. Возвратясь с фронта, Петр Антонович поступил на работу в Алтайский краевой архив. Его зарплата была раза в два меньше учительской. Условия работы оставляли желать много лучшего — архив находился в сыром, плохо отапливаемом помещении бывшей церкви, заложенной, как свидетельствовали документы, еще в 1863 году. Но все это не смущало Бородкина. Архив был для него не просто местом службы. С давних лет его интересовала история родного края. Теперь, читая архивные рапорты и доношения, предписания и протоколы, прошения и формуляры, он слышал отзвуки далеких чаяний, кипение надежд и страстей. С пожелтевших, испещренных гусиным пером страниц, казалось, вставали живые люди. Одетые в ветхие армяки, бородастые, лохматые, они ставили плавильные печи, хоромины, заводчиковы дворы, избы. Воздвигали на случай нападения джунгар или киргизов деревянные заплоты и рубленные из бревен проезжие башни с караульными шатриками. В мокрых забоях они добывали руды, в лесах жгли уголь, в огненных печах плавил металл. Они голодали, не выдержав непосильного труда и издевательств горного начальства, бежали с царских заводов и рудников. Их ловили, беспощадно истязали, прогоняли сквозь строй, избивая железными прутьями.

Передо мной старая тетрадь. На обложке надпись: «Начата 12 апреля 1946 года». В ней заметки, краткие выписки, ссылки на имеющиеся в архиве тексты. Многие можно узнать из этой тетради. Например, как расселялись близ Барнаула пришлые люди, каковы были мосты и дороги, ведущие в Бийскую крепость, штаты на плавильных заводах и Сузунском монетном дворе. Здесь есть сведения о строительстве бумажной фабрики в Барнауле, розысках каменного угля, причинах маловодности Барнаулки, ценах на муку, мясо, масло, меха, кожу и о многом, многом другом.

Десятки таких тетрадей накопил Петр Антонович за время работы в архиве.

Не только горнозаводский, но и другие периоды истории Алтая глубоко интересовали его. И особенно период революционной борьбы и гражданской

войны в нашем крае. С пиками, самодельными ружьями шли алтайские партизаны против до зубов вооруженных колчаковских войск. Выдвинутые из крестьянской среды командиры были имеющих академическое образование белогвардейских полковников и генералов.

Особо примечательна личность «сибирского Чапаева» Ефима Мефодьевича Мамонтова. Революционную школу Мамонтов прошел еще на фронте первой мировой войны. В 1917 году он стал членом солдатского комитета. Солдаты послали его на Первый Всероссийский съезд Советов. Здесь он слышал речь В. И. Ленина.

На родине Мамонтов организовал партизанский отряд, который вырос в многотысячную армию. Непобедимый партизанский Главком прославился воинским искусством, незаурядным организаторским даром, личной храбростью.

Богата событиями судьба славного революционер-ленинца Ивана Вонифатьевича Присягина. Большевик с 1904 года, ученик Ленинской школы в Лонжюмо, Присягин бежал в Барнаул из Нарымской ссылки. Здесь он был кооптирован в местный комитет РСДРП, вел активную работу. Вновь был сослан, на этот раз в Восточную Сибирь.

После Великого Октября Присягин был избран первым председателем Алтайского губкома партии.

Свою литературную работу Петр Антонович Бородин начал с очерков об этих людях. «Партизанский Главком», «И. В. Присягин», «М. К. Цаплин», «П. К. Голиков» — эти и другие очерки, большинство которых изданы отдельными книгами, привлекали прежде всего doskonaльным знанием материала, глубоким и бережным подходом к историческим фактам. Характерен в этом плане отзыв бывшего партизана, члена главного штаба армии Мамонтова Ф. И. Архипова. «Каждому, — писал он автору, — вы воздали по заслугам, каждому отвели заслуженное им место».

Но есть в этих очерках, как, впрочем, и в публицистических и даже научных статьях Бородинки, еще одна особенность: с историком у него всегда соседствует художник. Художник дает себя знать в меткой, образной фразе, ярком портрете, емком, напряженном диалоге.

И те, кто внимательно читал Бородинки, вероятно, не удивились, что историк и краевед обратил сначала к жанру рассказа, а потом и повести.

Первая книга П. А. Бородинки называлась «Исторические рассказы о Барнауле». В основу каждой новеллы положен фактический материал. Архивные документы, также, как и краеведческая литература, далеко не единственные источники для автора. Многие дали общение с городскими старожилками, беседы с участниками партизанской войны, революционных событий.

В результате П. А. Бородинки создал своеобразную художественную историю дореволюционного Барнаула. Первый рассказ относится ко времени основания города, а последний — ко дням установления Советской власти в нем.

Большинство новелл остросюжетны. Писатель любит необычные коллизии, не боится обострения ситуаций и характеров.

Восхищением мужеством людей из народа, любовью широтой характера, красотой непоклонной русской природы проникнуты лучшие рассказы книги.

С барнаульского завода сбежал мастеровой. Вообще побег — дело не столь уж редкое. Но он сбежал в годину, тяжелую для отечества, когда полчища Наполеона вторглись на русскую землю.

Понски были напрасны и вдруг неожиданно беглец явился сам. Он отказался отвечать на все во-

просы, требуя свидания с главным командиром заводов. Его прогнали сквозь строй, избивая шпиретутенами. Однако дома у полумертвого мастерового нашли список фамилий и полторы тысячи рублей денег. Он собрал эти деньги на нужды русской армии. Избитый солдат был пожалован двумя рублями серебром. Таково содержание рассказа «И бит, и жалован».

В рассказах Петра Бородинки оживают многие исторические лица: гениальный механик Иван Ползунов, первооткрыватель вольтовой дуги физик Василий Петров, ученый-энциклопедист Степан Гуляев, поэт Иван Тачалов и многие другие.

События, лежащие в основе рассказов об этих людях, целиком перенесены из жизни. Но фактический материал автор сумел использовать с определенным тактом художника. Исторические факты не становятся самоцелью, не нарушают художественной ткани.

Прошлое Барнаула богато. И книгой рассказов писатель, конечно, не мог исчерпать свою тему. Поэтому, написав первые новеллы в начале шестидесятых годов, Петр Антонович продолжает эту работу до сих пор. Новые произведения часто появляются в периодических изданиях. После первой книги рассказов о Барнауле вышло еще две: «У истоков» и «Навсегда».

Другой странице истории Алтая; далекому прошлому Змеиногорска, посвящена повесть П. А. Бородинки «Тайны Змеиной горы». В центре этой, выдержавшей уже три издания книги, судьба рудокопца Федора Лелеснова, открывшего в 1736 году Змеиногорское месторождение полиметаллических руд.

Талантливый искатель руд интересовал многих писателей и историков. Александр Мисюрев посвятил ему рассказ «Награда царская». Бородинки еще до повести обращался к образу Лелеснова в одной из своих новелл.

Повесть «Тайны Змеиной горы» открывается широкой картиной жизни Алтая в первой половине XVIII века. Емко и зримо рисует прозаик, как столкнулись в этих богатейших местах интересы частного демидовского капитала и царского двора.

Жизненные пути неутомимого рудознатца пересекаются с путями многих других людей. Незаойливо и достоверно показывает автор главное в натуре Федора Емельяновича — его поглощенность любимым делом. Но, как большинство щедро одаренных людей, Лелеснов бескорыстен, независим, справедлив. Он не особенно огорчен тем, что не получил принадлежащую ему награду. Однако казнокрадство и произвол глубоко возмущают его.

Отсюда дружба Федора Лелеснова с беглым крестьянином по прозвищу Соленый. Образ Соленого, на мой взгляд, стоит отнести к самым серьезным удачам автора. Это образ негибимого бунтаря. Именно такие натуры делались сподвижниками Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Горнозаводскому Алтаю посвящено немало книг — среди них: «Около золота» Леонида Блюмнера, «Не столь отдаленные места Сибири» Ивана Кушевского, «Золотой клюв» Анны Караваевой, «След беглеца Сороки» А. Мисюрева. Но и среди этих широко известных книг повесть Петра Бородинки выделяет богатейшая жизненная основа, обилие почерпнутых из архивных документов деталей и фактов.

Произведение показывает различные стороны горнозаводской действительности. Действие его происходит то в тайге и горах, где Лелеснов ведет свой бесконечный поиск, то в рудничном забое, то в избе работного человека, то в потайной деревне, где

угнездились беглые крестьяне, а то и в генеральском кабинете.

В повести нашли отражение специфические для того времени явления — труд малолеток, ужасы рудничной каторги, особый быт «вечных работников».

«Тайны Змеиной горы» заинтересовали самого широкого читателя.

Об этом убедительно говорят строки многочисленных писем. «...Автор, что называется, проникся духом той эпохи, «впился» в нее», «...у читателя появляется огромное уважение к простому русскому человеку, восхищение его силой и мужеством», «...вы создали жуткую, потрясающую книгу, которая живописует ад старинного рудного Алтая».

«Язык книги богатый и колоритный, он близок к языку того времени, но автор не злоупотребляет архаизмами и диалектными словами».

«Тайны Змеиной горы» сделалась одной из моих любимых книг».

Читательские письма идут не только из городов и сел Алтая. Они идут из Кемерова, Томска, Челябинска, Николаева, Одессы, Ленинграда, Москвы. Книга давно шагнула за пределы Алтая.

Став профессиональным писателем, П. А. Бородкин не расстался со своей «штатной» работой. Он

заведует архивным отделом крайисполкома. Будучи единственным не только на Алтае, но во всей Российской Федерации членом Союза писателей из числа архивных работников, Петр Антонович много сделал для популяризации исторических документов. У него консультировались известные писатели, создававшие произведения о прошлом Алтая — Евгений Федоров, Афанасий Салынский и другие, а также многие ученые-историки. Петр Антонович — один из авторов известного многотомного труда «История Сибири».

П. А. Бородкин находит время и для большой общественной работы. Он секретарь писательской партийной организации, много работает с молодыми прозаиками, постоянно встречается с читателями.

Сейчас на рабочем столе писателя новая рукопись. Это роман об изобретателе «огненной» машины Иване Ивановиче Ползунове.

Много времени отдал П. А. Бородкин изучению личности нашего гениального земляка.

Роман о великом механике, изобретателе паровой машины еще не закончен, но будем надеяться, что в ближайшие годы читатели ознакомятся с этим новым произведением П. А. Бородкина.

Марк ЮДАЛЕВИЧ

Электронная библиотека АКУН

„ЛЮБЛЮ ВРЕМЕН КРУГОВОРОТ...“

Советский немецкий поэт Эвальд Эмильевич Каценштейн, которому 11 июня 1978 года исполняется 60 лет, давно и плодотворно работает в трудном жанре детской литературы; его стихи нередко публикуются на страницах для детей еженедельного издания «Нойес лебен», газет «Фройндшафт» и «Роте фане», выходят отдельными сборниками. Они привлекают образностью и простотой, глубокими мыслями и ненавязчивой назидательностью, поэт умеет разговаривать с детьми на равных, а это много значит.

Э. Каценштейн родился в солнечной Грузии, где и прожил свои детские годы. Богатая библиотека отца, увлеченного литературой и искусством, летние прогулки с родителями в горы, к берегу пенящейся Куры, в таинственное ущелье Дарьяла рано пробудили способного мальчика к литературному творчеству. Свои первые стихи он посвятил Ленину, когда учился в четвертом классе. Стихи Эвальд Каценштейн писал и в школе, и будучи студентом Московского института иностранных языков, и преподавателем немецкого языка в школах Барнаула.

Наиболее полно раскрылся поэтический талант

Э. Каценштейна после Великой Отечественной войны. Одно за другим появились его превосходные детские стихи «Октябрь», «Мой отец тракторист», «Петя-санитар», поэма «Мастер-фломастер». В тот же период поэт создает произведения и для взрослого читателя: «Солнце и червь», «Новые становления», «Алтай в осеннем убранстве» и многие другие. Одновременно занимается он и переводами; В. Маяковский, С. Михалков, К. Чуковский — вот неполный перечень замечательных русских поэтов, со стихами которых он познакомил немецкого читателя.

Эвальд Каценштейн — соавтор многочисленных сборников и антологий, издававшихся в Москве, Алма-Ате и Барнауле. В 1971 году Алтайское книжное издательство выпустило его книгу под названием «Мастер-фломастер», в которой собраны лучшие детские стихи поэта. В московском издательстве «Прогресс» выходит сборник его произведений на немецком языке, а в Барнауле — книга на русском языке.

Эвальд Эмильевич Каценштейн — член Союза писателей СССР, в течение многих лет он руководит секцией советских немецких писателей на Алтае.

ПОСТ НОМЕР ОДИН

Шагают солдаты, плечисты, стройны,
солдаты идут вдоль кремлевской стены.
Вдоль древней стены, где темнеют зубцы,
где высятся башни, теснятся дворцы.
Шагают солдаты, плечисты, стройны,
далеко-далеко шаги их слышны.
И нет их надежней, и нет их смелей,
доверено им охранять Мавзолей.
И от Кремля до луны и звезд
это самый почетный пост.
Самый главный, номер один.
И я — часовой, и в руках карабин.
И я охраняю покой Ильича.
Застыли солдаты, солдаты молчат.
Одними губами я клятву шепчу,
я клятву на верность шепчу Ильичу.
Вот снова солдаты подходят в строю,
сменяется пост, я бессменно стою.
И ночью стою, и среди белого дня,
ничуть карабин не тяжел для меня.
Стою я в мечтах, но как стану взрослей,
доверят и мне охранять Мавзолей.

КОРОТКИЕ БАСНИ

РАСКАЯНЬЕ

В раскаянье тряс бородой козел:
Ну как он мог капустой соблазниться!
Расстроен был козел и на себя был зол,
нет, больше этому не повториться.
Но вскоре вновь топтался у плетня,
косился на капусту в огороде.
— Зовет к себе, не может без меня,
такая уж, видать, у ней порода...

ЛОЖКА И ЧАШКА

— Открою тайну я, — сказала ложка —
(а чашка слушала сторожко).
— Ты знаешь, я великий чародей,
я сладость добываю для людей!
Я потанцую будто невзначай,
и в чашке сладким делается чай...
— Все дело в колдовстве, — ей отвечала чашка, —
но только ты молчи о том, дурашка,
ты тайны колдовства не открывай,
но сахар насыпать не забывай!

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Воздушный шар сорвался со шнурка,
мальчишка крикнул шарик: — Пока!
А шар вскричал: — Я лунникам сродни,
я в космос пробиваюсь, как они.
Надулся важно, лопнул и исчез —
не в ту семью он в родственники лез.
Свою родню сыскал бы он скорей
среди мыльных пузырей!

ВЕЛИКОДУШНЕ

Возникла песня соловья,
и лес, восторгов не тая, затих.
И дятел не стучит,
и птица-иволга молчит,
и даже ярмарка сорок
смолкает на какой-то срок.
И только каркает ворона:
— Хор-рош, хор-рош, хор-рош, хор-рош.
Да ты совсем еще зеленый,
басы-то вовсе не берешь.
— Так спой сама, — вскричали птицы, —
талант не надо зарывать.
— Я не могу вам спеть, сестрицы,
зачем беднягу забывать!

Перевел с немецкого
МАРК ЮДАЛЕВИЧ

БАРАН

Барана спесь заела:
ему баранье стадо надоело!
Бездарны и глупы его собратцы!
Не может дольше он в баранах оставаться!
И прочь ушел! Один!
Забыли о бахвале.
Но вскоре его волки разорвали.

ЛИСТЬЯ

Как листья на ветках
друг с другом несхожи!
Но нет произвола
на всех этих ветках,
творимых природой.
Есть листья по форме —
совсем словно сердце.
Они нам напоминают,
что все наши чувства
должны согревать
глубочайшие клетки
сердец, и питать
соучастие к ближним.
Другие — округлы,

как два полушария мозга.
Они возвещают нам мудро:
пусть все, что горячее сердце
у вас наполняет,
холодный рассудок
оценит и взвесит.
Есть листья как руки,
как пальцы руки
на бушующем ветре.
И мы понимаем их знаки:
о люди, старайтесь,
чтоб мысли и чувства
деянием стали живых
ваших рук — человеку на счастье.

ОБНОВЛЕНИЕ

Сегодня мир неузнаваем.
Смотрите: тополь — с бородой.
Опутан белою каймой
зеленый шелк его сверкает.

Покоя нет ему, как нет —
в нем шалый ветер вызвал трепет,
пришел в движенье белый цвет,
вот-вот совсем глаза залепит.
Летят с ветвей во все концы
кочки пушинок белоснежных,
они парят легко и нежно,
потом — садятся на носы.
И дразнят, и щекочут нас,
и на дорогах пыль взметают,
земные щели заполняют,
чтоб встретить там последний час.
Люблю времен круговорот
в пушинке глазом чуть заметной,
в ее зародыше заветном
и разовьется новый плод.
Колосья зерна осыпают,
сын покидает отчий дом,
птенец становится орлом,
и жизни нет конца и края.

Перевела с немецкого
Ф. ЯНОВСКАЯ

Василий НЕЧУНАЕВ

СКВОРУШКИИ ДВОРЕЦ

1.

Прилетел весной скворец.
Для него готов дворец.
При дворце веселый сад.
И всему на свете рад,
Пел скворец,

навивистывал!

Ноты перелистывал!
Людям радовал сердца.
И с улыбкой на певца
Солнце посмотрело,
Землю обогрело.

Но всему бывает срок.
За деньком прошел денек.
И в сторонку южную,
Чуя зиму вьюжную,
Улетел от нас скворец.
Опустел его дворец.

2.

Как нагрянула зима,
Стали белыми дома.

Стал мороз, как лютый зверь.
Нос не высунешь за дверь.
От мороза кто как мог
Закрывался на замок.

Сытый крот в норе скрывался.
Кот на печке согревался.

Лишь у крохи воробья
Вовсе не было жилья.

И бедняга-воробьишка
Без пимишек, без пальтишка
Прыгал, согревался,
С жизнью расставался:
«Чив! Чуть жив! Пришел конец!»
И увидел вдруг дворец.

Он бы рад любой избенке!
Ну, а тут, собрав силенки,
С мерзлой улицы долой
Во дворец влетел стрелой!

Обогрелся, ободрился,
Как воды живой напился,
И сказал: «Чив-чив-чивыть!»
В этом доме можно жить!»

3.

Быстро время пролетает...
Глядь — и снег на крышах тает.
Свет кругом и благодать.
К нам весна пришла опять.

На дворе щебечут птицы.
И скворец из-за границы

В свой дворец является,
Смотрит — удивляется:
«Это кто тут рыжий-пыжий
Под моей пригрелся крышей?!
Вор забрался!
Вора бей!»

«Я не вор! Я воробей!»

И пошла, пошла потеха!
(Куры падали от смеха.)
Шуму, крику на весь двор:
«Сам ты рыжий! Сам ты вор!»
«Ах ты, наглый воробьишка!
Забывайся, да не слишком!
Обзывать меня! Певца!
Убирайся из дворца!»

Падал пух. Летели перья.
Воробей уже за дверью
Чистил хвост подбитый
И ворчал сердито:

«Больно грозен граф Скворозен!
Ишь, певец! А на морозе
Что-то петь не захотел!
В край заморский улетел!»

А потом, забыв обиду,
Воробей исчез из виду.
Засвистел, запел скворец.
Тут и делу бы конец...

4.

Но охота в книжке
Дом для воробьишки
Начертить-нарисовать,
«Воробьишником» назвать.

Может быть, найдется плотник
Да на выдумки охотник
И старательной рукой
Дом построит вот такой:
Маленький — с корбушек...
Поживай, воробышек!

Сатира и Юмор

Юрий КРЫЛОВ

Крылов Юрий Петрович родился в 1947 году в селе Белово Алтайского края. Окончил Алтайское культпросветучилище. Работал учителем музыки, ныне — студент института культуры. Публиковался в нашем альманахе, в других изданиях. Член барнаульской литературной студии.

Кирпич

На перекрестке, чертыхаясь, пешеходы прыгали через лужу. Нашелся человек и бросил на середину злосчастной лужи кирпич. Чертыхания прекратились, а в адрес неизвестного благодетеля посыпались слова благодарности.

Прошло несколько дней. Лужа высохла. Кирпич обнажился. Многие запинались о него, пока кто-то во гневе не отшвырнул опротивевший всем кирпич с дороги.

Теперь он будет лежать, никому не мешая, до больших дождей.

Опасная хитрость

Новое безопасное лезвие так ловко спряталось в ванной, что о нем даже хозяин забыл. Оно лежало и радовалось, что никто его не тревожит.

— Глупое ты, — говорило иногда старое лезвие, — посмотри на меня. Я, правда, изрядно затупилось, но сколько дел я переделало: бумаги изрезало, швов распорол! А главное — помню, как однажды брило хозяина. Какое это было трудное, но интересное дело. А от тебя какой толк?

— Очень нужно, — фыркало хитрое лезвие, — я совсем не хочу быть тупым из-за чьей-то щетины, — и замолкло.

Но хозяин нашел-таки притаившееся за губкой новое лезвие. Сорвал обертку, покачал головой и бросил в мусорное ведро. На пальцах у него остались ржавые пятна.

Белая ворона

Вороны обижали ее — единственную белую в стае, и поэтому держалась она всегда в стороне.

Случилось так, что молодой Ворон, метивший в вожаки, стал часто бывать с ней. Белизна не оттолкнула, а привлекла его. Вороны, особенно молодые, негодовали: черных ему, видите ли, мало, белую ему подавай! Но кому не хочется стать подружкой вожака? И в стае стали появляться двойники белой вороны. Они вертелись подле будущего вожака, но он был стоек и непоколебим, он ведь знал, что его Ворона — БЕЛАЯ, а остальные — просто крашенные.

Гитара

Она знала, что сделана была для того, чтобы на ней играли, ждала этого дня, но почему-то никто не брал ее в руки.

Иногда какая-нибудь струна тихо вторила ветру или грому, но ей хотелось, чтобы грустные мелодии заставляли людей плакать, а веселые — смеяться.

Гитарист снял ее со стены и быстро щипнул струны. Струны задрожали, рождая звук. Чем громче пели они, тем больней становилось гитаре. Гитара плакала. Боль становилась нестерпимой, но она мирилась с ней. Она понимала: прежде, чем струнам запеть, им нужно сделать больно.

Леонид ЕРШОВ

КОГДА ЖЕ Я РОДИЛСЯ?

Уважаемые товарищи, работники Зырянского районного музея! Ваше письмо, в котором вы просите меня прислать автобиографию для экспозиции «Писатели-зырянцы», я получил. Очень тронут вашей любезностью и тотчас откликаюсь, хотя и не могу написать автобиографию. И вот почему.

Я действительно родился в селе Зыряново 15 июня 1927 года. Но, если говорить откровенно, дата моего рождения кажется не совсем точной.

Моя мать, Кириллова Марфа Алексеевна, утверждает, что я увидел свет во время сенокоса под бричкой, сработанной нашим односельчанином Губаревым. (Большой, слышал я позже, был мастер тележных дел). Однако других свидетелей, кроме матери, что я родился именно под бричкой в страдную сенокосную пору, нет, и достоверность этого факта никто подтвердить не может. А подтверждения, между тем, оказываются, нужны.

В недавно вышедшей монографии профессора Доброва «Творческий путь Кириллова» факт моего рождения 15 июня 1927 года ставится под серьезное сомнение. Собирая материалы о моем босоногом детстве, профессор Добров наткнулся на неожиданное противоречие. В беседе с нашей соседкой Екатериной Карповной Полозовой он обратил внимание на одну фразу, оброненную Полозовой: «У них (то есть у нас, Кирилловых) все дети рождались в огороде».

Надо сказать, что моя мать постоянно не ладила с Екатериной Карповной. Если к ней в огород через редкий тын проникали наши куры, то соседка тотчас насильно запихивала в наш огород своего поросенка по

кликке Боря. На подножный, так сказать, корм. В остальном это была, конечно, замечательная женщина, редкой души человек.

После выхода в свет монографии я выслал Доброву копию метрики, но он, поблагодарив меня, пожурил вместе с тем за то, что я пытаюсь ввести в заблуждение науку.

А не так давно кандидат наук Головин, автор ряда статей о моем творчестве, позволил в толстом журнале не согласиться с профессором Добровым относительно того, что я родился, по всей видимости, в огороде, а не под телегой.

Головин посетил Зыряново, встречался с моими земляками, в частности, с престарелым мастером тележных дел Губаревым.

Ученый начал исследование факта моего рождения от телеги, так сказать, пошел по наиболее трудному пути. Он установил, что Губарев действительно сработал для нас бричку. Однако точно сказать, под этой или под какой другой бричкой я родился, он не мог.

Таким образом, Головин застрял на полпути к истине, но тем не менее поставил под серьезное сомнение предположение Доброва.

Теперь вы понимаете, почему я не могу написать автобиографию, хотя очень хочу это сделать, так как дорожу памятью о моем родном селе. Возможно, через год-два споры вокруг даты и места моего рождения улягутся в ученом мире, истина будет установлена. Я надеюсь на это, потому что за дело взялся молодой, но, говорят, талантливый аспирант Юрьев, который уведомил меня об этом письмом и которому я тоже выслал копию своей метрики.

Искренне ваш Кириллов.

102 6312

